

А. Гульга, А. Геронимус

**КРАХ
АНТИСОВЕТСКОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ
США**

1918—1920

УЧПЕДГИЗ

1952

А. Гульва, А. Геронимус

КРАХ
АНТИСОВЕТСКОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ
США

(1918-1920 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва ~ 1952

Книга А. Гулыга и А. Геронимус излагает историю интервенции американского империализма в Советской России в 1918—1920 гг. и краха этой интервенции. Документы, приводимые в книге, свидетельствуют об активной роли правительства Соединённых Штатов Америки в организации всех контрреволюционных движений, имевших своей целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов в нашей стране.

В книге показана героическая борьба советского народа против иностранных, в том числе и американских интервентов, борьба, увенчавшаяся полным изгнанием иностранных захватчиков за пределы нашей родины.

Книга предназначена для учителей средней школы.

Введение

Американский империализм на протяжении всего своего существования показал себя злейшим врагом свободы и независимости народов. Американские империалисты постоянно вмешиваются в дела других стран. Они используют для этого не только дипломатические и экономические средства, но чаще всего и больше всего — прямое военное вторжение, вооружённую интервенцию, голодную блокаду.

Ленин называл американский империализм — самым бешеным. «Идеализированная демократическая республика Вильсона,— писал Ленин в 1919 г. о Соединённых Штатах Америки,— оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹.

Агрессивный, откровенно грабительский характер американского империализма особенно ясно виден нам, советским людям. И не только потому, что сегодня на наших глазах заправили Уолл-стрита ведут подлую, разбойничью войну против миролюбивого корейского народа, не только потому, что американский империализм выступает во главе мировой реакции, оголтелого стана поджигателей войны, готовящих вооружённое нападение на Советский Союз и страны народной демократии, но также и потому, что именно на нашей земле более тридцати лет назад американские империалисты продемонстрировали перед всем миром своё истинное звериное обличье колонизаторов и человеконенавистников.

Перелистывая страницы истории, мы видим, что американские империалисты, эти современные рабовладельцы, как называл их Ленин, выступили в качестве злейших врагов молодого социалистического государства, пытались силой оружия свергнуть советскую власть и закабалить народы нашей родины. Американский империализм явился организатором и активным участником антисоветской интервенции — преступной кровавой авантюры, окончившейся позорным провалом.

С тех пор прошло более тридцати лет, но эти события свежи в памяти советских людей. А в свете современной международной

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 169.

обстановки, когда империализм США выступает в качестве ведущей силы лагеря поджигателей войны, анализ этих событий приобретает особую актуальность. История провала американской интервенции против Советской России в 1918—1920 гг. должна явиться серьёзным предостережением для современных претендентов на мировое господство.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции мир раскололся на два лагеря: лагерь социализма и лагерь капитализма. Американский капитализм, ведущая сила империалистического лагеря, начал борьбу против первого в мире социалистического государства.

«Интервенция,— писал в 1926 г. товарищ Сталин,— вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путём организации гражданской войны внутри зависимой страны, путём финансирования контрреволюционных сил против революции... Интервенция чужими руками — в этом теперь корень империалистической интервенции»¹.

Антисоветская интервенция США началась задолго до того, как первые батальоны американских войск стали высаживаться во Владивостоке и в Архангельске. Вооружённому вторжению предшествовал длительный период борьбы США против советской власти «чужими руками».

Официальные и неофициальные представители американских правящих кругов в России начали борьбу против большевиков, против русского народа ещё до социалистической революции. После утверждения пролетарской диктатуры США выступили в качестве самых заклятых врагов советской власти. Дипломатические угрозы, враждебные демарши, блокада портов и непризнание Советского правительства — вот чем встретили американские империалисты рождение социалистической республики.

В своё время Белому дому достаточно было заявить, что он не признаёт либерального правительства в Никарагуа, чтобы немедленно свалить его. Против Советской России оружие непризнания и дипломатических угроз оказалось бессильным. Несмотря ни на какие ухищрения врагов, молодая советская власть крепла день ото дня, совершая по стране воистину триумфальное шествие.

Американские империалисты в своей антисоветской борьбе использовали все контрреволюционные силы, с оружием в руках выступившие против власти рабочих и крестьян. Всеми силами США раздували мятеж Каледина. Однако он был ликвидирован

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 360—361.

прежде, чем стал сколько-нибудь серьёзной опасностью для существования Советского государства.

Крупной ставкой в тайной борьбе США против Советской России была попытка спровоцировать военный конфликт с кайзеровской Германией. Действуя заодно с врагами народа Троцким и Бухариным, американские государственные деятели приложили немало усилий к тому, чтобы снова ввергнуть русский народ в пучину империалистической войны, бронированным кулаком германских дивизий раздавить диктатуру пролетариата. Но и эта их ставка была бита, как и все предыдущие.

После подписания Брестского мира начинается период иностранной военной интервенции. Именно правителям США бросил Ленин гневные слова обвинения в организации чужеземного вторжения в пределы нашей родины: «... американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики»¹.

США выступили не только в качестве одного из главных организаторов военной интервенции, но также и в качестве её активного участника. Американские вооружённые силы вторглись на Советский Север и в течение ряда месяцев пытались прорваться в глубь страны. Они были наголову разбиты и с позором выброшены за пределы нашей родины.

На Дальнем Востоке войска американского генерала Грэвса принимали участие в подавлении партизанского движения, зверски расправлялись с русскими рабочими и крестьянами, поднявшимися на вооружённую борьбу против оккупантов и белогвардейцев.

К началу 1919 г. окончательно определился провал попыток добиться свержения советской власти при помощи иностранных войск. Более удобной для империалистов формой интервенции оказалось разжигание гражданской войны. США стали организатором и активным участником походов Антанты. Снаряжая и вооружая белые армии, американские империалисты рассчитывали на то, что полчища Колчака, Деникина, Врангеля нанесут смертельный удар Советской России. Разгром белых армий означал крах антисоветской интервенции американского империализма.

Дипломатия разбойничьего американского империализма, его внешнеполитическая доктрина и методы её осуществления получили ещё в начале века название «дипломатия доллара». Президенту США Тафту, пустившему в обиход этот термин, принадлежит следующее его определение: «Это — политика замены пуль долларами... Это — откровенное стремление расширить торговлю

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

Америки, причём безусловно предполагается, что правительство США должно оказывать всяческую возможную поддержку всем законным и полезным предприятиям американцев за границей»¹. Определение сущности внешней политики американского империализма, данное Тафтом, соответствует истине лишь в той части, где признаётся единство устремлений американских монополий и внешней политики США, теснейшее взаимодействие дельцов Уолл-стрита и чиновников государственного департамента. Перед американскими дипломатами действительно стоит только одна задача: прокладывать во всех странах дорогу американскому капиталу. Что же касается пуль, то дипломатия доллара использует их столь же охотно, как и всякая другая буржуазная дипломатия.

Таким образом, дипломатия доллара — это дипломатия безудержной экспансии и колониальных захватов, «законных» с точки зрения волчьих законов империализма и «полезных» для процветания шестидесяти семейств Америки, дипломатия борьбы за мировое господство. Нет таких средств, перед применением которых останавливались бы в этой борьбе американские империалисты.

Задолго до гитлеровцев государственный департамент стёр грани между дипломатией и разведкой, превратил дипломатического представителя в провокатора, в тайного осведомителя, организатора шпионской и диверсионной работы в стране, при правительстве которой он аккредитован.

Американские империалисты старались всеми силами скрыть ту роль, которую они играли в организации борьбы против советской власти. Вмешательство маскировалось лживыми декларациями о «помощи» России. Ведя войну против русских рабочих и крестьян, американские империалисты называли себя «друзьями» русского народа. Ни в одном американском правительственном документе тех лет нельзя найти слова «интервенция», как определения отношений с Советской Россией. Даже официальное заявление правительства США о начале вооружённого вторжения начиналось с торжественного провозглашения... отказа от интервенции.

Иезуитским лицемерием проникнуты не только официальные документы США, составленные для опубликования с явно пропагандистскими целями (речи президента, правительственные декларации и проч.), но зачастую даже дипломатическая переписка. Многие секретные американские меморандумы насквозь лживы и рассчитаны на чтение между строк. Эти документы составлялись так, чтобы и в случае их опубликования им можно было придать любой смысл в зависимости от желания государственного департамента.

Именно это обстоятельство способствовало тому, что история взаимоотношений США и молодой Советской республики — история кровавой антисоветской интервенции американского импе-

¹ Дж. Марион, Базы и империя, М. 1949, стр. 116.

риализма — в течение длительного времени подвергалась умышленному и систематическому искажению со стороны буржуазных псевдоисториков. В США в разные годы был выпущен в свет целый ряд многотомных изданий, содержащих всевозможные документы о политике американского правительства в отношении Советской России. Однако все эти публикации носили заведомо фальсификаторский характер.

В 1926 г. профессором Чарльзом Сеймуром был опубликован так называемый «архив полковника Хауза». (Хауз был ближайшим советником президента США Вильсона.) Документы в этом «архиве» подтасованы таким образом, что у неискущённого читателя невольно рождается впечатление, будто правительство США было против интервенции и послало свои войска в Советскую Россию лишь под давлением Англии и Франции.

Тем же стремлением фальсифицировать историю и преуменьшить роль США в антисоветской интервенции руководствовался в своих публикациях и государственный департамент. Стремясь создать ложную картину мнимой объективности, американское ведомство иностранных дел выпустило в свет три объёмистых тома дипломатической переписки по поводу России за 1917—1918 гг. Однако даже при поверхностном ознакомлении с этими изданиями бросается в глаза отсутствие в них большого количества документов, наиболее ярко разоблачающих агрессивную антисоветскую политику США¹.

Но и по тем документам, которые были опубликованы, можно установить размеры заговора против советской власти, составленного правителями США. Яркий свет на историю этого заговора проливают, в частности, документы из секретного архива бывшего государственного секретаря США Роберта Лансинга².

В советской исторической науке проблема антисоветской интервенции США долгое время оставалась неизученной. Долгое время имел хождение ошибочный тезис М. Н. Покровского об «иной» позиции США по отношению к Советской России, якобы менее враждебной, чем позиция Англии и Франции. Подобное утверждение противоречило исторической правде, противоречило оценке роли США в иностранной антисоветской интервенции, данной товарищем Сталиным в выступлении на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г.

¹ Так, например, только за январь 1918 г. не опубликованы следующие документы, упоминающиеся в тексте сборников: телеграммы американского посла Фрэнсиса государственному секретарю №№ 2258, 2272, 2273; директивные телеграммы государственного департамента послу Фрэнсису №№ 1988, 2021, 2032; три донесения в государственный департамент консула Пуля, посланного в Ростов для связи с калединцами. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia — в дальнейшем цит.— FR. 1918. Russia, vol. I, pp. 347, 350, 354, 356, 357.

² Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing papers. 1914—1920, vol. II. Washington, 1940 — в дальнейшем цит.— FR. The Lansing papers, vol. II.

«Разве республиканская Франция и демократическая Америка,— говорил товарищ Сталин,— не так же интервенировали нашу страну в период Колчака и Деникина, как монархическая и консервативная Англия?»¹.

Высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина об американском империализме, их оценка роли США как организатора и вдохновителя борьбы контрреволюционных сил против молодой Советской республики являются единственно верной методологической основой, на которой можно строить историческое исследование об интервенции. На этой основе базируются появившиеся в последние годы работы советских историков, правильно освещающие вопрос об активном участии США в антисоветской империалистической интервенции. В первую очередь здесь следует назвать работу А. Берёзкина «США — активный организатор и вдохновитель военной интервенции против Советской России», удостоенную в 1951 г. Сталинской премии, работу Б. Штейна «Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918—1920 гг.», А. Куниной «Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг.».

* *
*

Авторы пользуются случаем выразить свою глубокую благодарность всем лицам, оказавшим им помощь в написании данной книги.

Особо авторам хотелось отметить ценные указания профессора доктора исторических наук Н. Л. Рубинштейна, кандидата исторических наук А. Т. Кинкулькина и Б. К. Рубцова, а также поблагодарить сотрудников Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР В. Г. Орлову и В. Н. Львову за оказанную помощь в подборе необходимой литературы.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 345.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ США — ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Проникновение США в Россию в годы мировой войны

Соединённые Штаты Америки позже других империалистических хищников обратили свои взоры к царской России как к объекту колониальной экспансии. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, когда началось проникновение американского капитала в Россию, ключевые позиции в русской промышленности и внешней торговле были уже заняты французскими, германскими и английскими империалистами. Американским монополиям приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая их сопротивление.

Большую активность в этом проявил будущий президент США Герберт Гувер. В предвоенные годы он нажил большое состояние на спекуляциях русским сырьём. Гувер был держателем контрольного пакета акций одиннадцати компаний, занимавшихся разработкой майкопской нефти. Вместе с английским миллионером Лесли Урквартом Гувер хищнически эксплуатировал лесные и минеральные богатства Сибири и Урала.

Первая мировая война открыла широкие возможности для американского проникновения в Россию. Отсталая экономика капиталистической России не могла обеспечить сражающиеся войска необходимым количеством вооружения, боеприпасов, обмундирования. Промышленность Англии и Франции, вследствие предательской по отношению к русскому союзнику политики правительств Антанты, уделяла России лишь незначительную долю своих производственных мощностей. Перед американскими монополиями появилась возможность взять на себя роль главных военных поставщиков царского правительства, которое охотно отдавало нашу страну в кабалу иностранным капиталистам. Русские заказы в Америке возрастали с каждым месяцем войны, достигнув к концу боевых действий значительной суммы в 1 287 млн. долларов. Основная масса этих денег предназначалась для закупки артиллерийских снарядов, главным образом калибра

76 мм, недостаток которых особенно резко ощущался русскими войсками. «Именно 76 мм снаряд и был тем лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, жаждущих только лёгкой наживы»¹, — писал А. Маниковский, бывший в годы мировой войны начальником Главного артиллерийского управления. По его данным, в США было заказано 16 950 000 штук 76 мм снарядов, в то время как заказ на эти снаряды во Франции равнялся 12 941 тыс. штук, в Японии — 4 720 тыс., в Англии — 2 500 тыс.

Кроме того, США были главным поставщиком пулемётов, автомобилей и мотоциклов. Большая часть средств, затраченных царским правительством на их приобретение, попала в карманы американских империалистов.

Военные поставки Англии и Франции значительно уступали по размерам потоку грузов, хлынувшему в Россию из США. К тому же к концу войны появились определённые симптомы, говорившие о том, что военная помощь европейских союзников может в один прекрасный день прекратиться совсем. Об этом открыто заявил летом 1917 г. британский военный министр лорд Мильнер.

Американские поставки, наоборот, к концу войны значительно увеличиваются. В этом отношении характерны цифры поступления из США пулемётов. Если в 1915 г. из Америки было направлено 557 пулемётов, то в 1916 г. их число достигает 8 880, а в 1917 — 24 371.

Как известно, прогнивший царский режим превратил дело боевого снабжения русской армии в 1914—1917 гг. в арену самых грязных жульнических махинаций. В то время как русские войска, испытывая недостаток в вооружении и боеприпасах, истекая кровью, решали на Восточном фронте исход первой мировой войны, миллионы рублей попадали в карманы всякого рода тёмных личностей, меньше всего думавших о материальном обеспечении фронта. Не говоря уже о бесчисленных попытках международных аферистов продать России несуществующие партии военных грузов, следует обратить внимание на то, что даже «сolidные» американские фирмы в погоне за баснословными прибылями вставали на путь заведомого обмана. Заводы, не имевшие никакого отношения к военному производству и никаких оснований для того, чтобы освоить его в короткий срок, принимали от русского правительства огромные заказы на изготовление оружия, получали миллионные задатки и... не выполняли заключённых договоров.

Фирма Вестингауз, производившая автоматические тормоза, взялась поставить в Россию 1 800 тыс. трёхлинейных винтовок. Компания пишущих машинок Ремингтон заключила договор на изготовление 1 500 тыс. винтовок. Однако от Вестингауза посту-

¹ А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, М. 1937, стр. 81.

пило всего лишь 226 355 винтовок, т. е. 12,5% заказа, а Ремингтон выполнил заказ лишь на 9%, поставив всего 131 443 винтовки. Присланные винтовки оказались недоброкачественными.

Зато американские монополии использовали все возможности для того, чтобы захватить русский рынок и подчинить своему влиянию русскую экономику. Статистические данные об американском экспорте в Россию в годы мировой войны несколько разноречивы. Но все они говорят об одном и том же: о резком увеличении количества ввозимых из США товаров. За три года, с 1913 по 1916, стоимость американского экспорта в Россию увеличилась в 17 раз. Если перед войной в 1913 г. США занимали в русском импорте четвёртое место — после Германии, Англии и Китая, то в 1916 г. США по ввозу в Россию вышли на первое место¹. За десять месяцев 1917 г. США ввезли в Россию товаров на 438 млн. долларов². 2 500 американских фирм сбывали или добивались права сбыть свои товары в Россию³.

Империалисты США не ограничивались только ввозом товаров. Их пристальное внимание привлекали сырьевые богатства России и низкая заработная плата русских рабочих.

«Американские компании,— писал в 1916 г. посол Соединённых Штатов в России Фрэнсис,— уже смотрят жадными глазами на имеющиеся в этой стране залежи ископаемых, запасы водной энергии, возможности железнодорожного строительства. На пароходе, с которым будет отправлен этот пакет, возвращаются на родину несколько американцев, но среди них нет ни одного, который бы не собирался вернуться в Россию, так как все считают, что на земле нет другого поля деятельности, подобного этому. «Нейшнел Сити Банк» решил открыть здесь своё отделение. Я считаю, что это будет не только выгодный для этого учреждения шаг, но это будет также в высшей степени благоприятствовать развитию коммерческих отношений между нашими странами. У меня нет ни намерения, ни желания уничтожить нейтралитет Америки, но я считаю, что следует подтолкнуть американский капитал и предприимчивость с тем, чтобы они могли противостоять (если не более) выполнению широко задуманного плана Англии, а возможно, и Франции по захвату послевоенной торговли с Россией, что предусмотрено в резолюциях, принятых на парижской экономической конференции союзников 14—17 июля. Здесь побывало много американцев, возможно, что такие ещё есть здесь, которые столь неразумны, что пытаются заработать на нуждах России и вымогают

¹ По неполным данным, за первую половину 1916 г. США ввезли в Россию товаров на 265 млн. руб., в то время как Англия за этот же период ввезла товаров на 148 млн. рублей. См. *The Russian review*, vol. III, № 2, February 1917, p. 97.

² «Известия Русско-американской торговой палаты», 1918, № 5, стр. 2.

³ Список этих фирм опубликован в книге «Промышленная Америка», изданной в Нью-Йорке в 1917 г. с рекламными целями для русских коммерсантов.

за свои товары невероятные цены. Однако это близорукая политика, и я всегда рекомендую американцам её избегать...»¹

Далее в публикации государственного департамента следует многоочие. Несмотря на то, что этот документ был опубликован в 1940 г., т. е. двадцать четыре года спустя после того, как он был написан, руководители внешней политики США побоялись до конца предать гласности американский план закабаления России, каким он рисовался Фрэнсису — человеку, прибывшему в Петроград с единственной задачей — политическими средствами проложить американским капиталистам дорогу в страну, где до этого хозяйничали их европейские соперники.

Американские империалисты заботливо взращивали в России свою агентуру. Широко разветвлённой организацией, способствовавшей американскому проникновению в Россию, была так называемая Русско-американская торговая палата. Это общество, обосновавшееся в Москве, имело свои отделения в Петрограде, Киеве, Ташкенте, Одессе и других городах. В 1917 г. палата насчитывала 870 коллективных и индивидуальных членов². Возглавлял её Н. И. Гучков — брат известного лидера октябристов и военного министра Временного правительства. Товарищем председателя и казначеем Русско-американской торговой палаты был В. А. Бари, разоблачённый в начале 1918 г. как американский шпион, диверсант и контрреволюционер. Из этой же организации вышел и К. Коломатиано — один из руководителей заговора Локкарта, организатор шпионско-подрывной работы против советской власти.

В 1915 г. в Петрограде основывается «Общество сближения между Россией и Америкой»³. Членом совета этого общества был будущий премьер марионеточного архангельского «правительства» Н. Чайковский. Наконец, летом 1917 г. бывшим царским министром иностранных дел Н. Покровским был создан «особый орган по объединению правительственных и общественных усилий в деле русско-американского сближения»⁴ — «Русско-американский комитет».

Все эти организации, объединявшие американскую агентуру в России, выпускали в свет большое количество печатных изданий, пытаясь на все лады доказать России необходимость широко раскрыть двери перед американским капиталом. Один из членов Русско-американской торговой палаты, член государственного совета И. Озеров, написал даже специальную книгу с призывом, обращённым к американским бизнесменам, захватывать

¹ The Lansing papers, vol. II, p. 319.

² «Русско-американская торговая палата в г. Москве. Справка о деятельности», М. 1918, стр. 5.

³ «Известия Общества сближения между Россией и Америкой», вып. I, 1915, декабрь.

⁴ «Известия Центрального военно-промышленного комитета», 1917 г., 28 июля.

поскорее руководящие позиции в русском народном хозяйстве. «Соединённым Штатам,— писал этот прислужник американских империалистов,— нужно обеспечить себе территорию, на которой они могли бы приложить свои капиталы; им следует помнить, чего теперь они не сделают, то в будущем по окончании войны, когда Германия напряжёт все свои силы, чтобы вернуть потерянное, сделать будет трудно. Соединённым Штатам следует обратить особое внимание на эксплуатацию в России нефти, меди и т. д., т. е. тех предметов, в которых в настоящее время Соединённые Штаты играют доминирующую роль, и опять легче всего им внедриться в этой области можно сейчас: они могли бы отчасти скупать понизившиеся бумажные ценности этих категорий, отчасти образовывать новые предприятия»¹.

В течение 1916 г. по инициативе Русско-американской торговой палаты происходили переговоры между русскими «деловыми кругами» и финансовыми олигархами США о широком привлечении в Россию американских капиталов. Русские капиталисты с санкции царского правительства готовы были отдать американцам для хищнической эксплуатации богатейшие источники сырья. Они предлагали Уолл-стриту заняться разработкой лесных богатств Севера и Кавказа, добычей нефти на Тереке, разработкой асбестовых месторождений на Урале и в Сибири². Однако ввиду неустойчивого положения в стране американские монополии остерегались пока вкладывать капиталы в русские предприятия и ограничивались подготовкой почвы на будущее, стремясь в то же время возможно больше нажиться на военных поставках России.

Свержение самодержавия и образование буржуазного Временного правительства создали ещё более благоприятные условия для укрепления позиций американского капитала в России. Для того чтобы укрепить своё положение, Временное правительство готово было идти в услужение любому сильному хозяину за границей. Подобное стремление как нельзя лучше совпадало с желаниями американских империалистов. «Революция практически реализовала правительственный принцип, за который мы боролись»³,— писал Фрэнсис в государственный департамент и рекомендовал немедленное признание Временного правительства. Согласие Вашингтона не замедлило поступить, и посол США, опередив на несколько часов своего британского коллегу, заявил о признании Временного правительства.

Проходит ещё месяц, и американский посол чувствует себя в русской столице, как дома. Совсем недавно, в 1916 г., Фрэнсис жаловался на незавидное положение американских дипломатов при царском правительстве. Совершенно иные нотки звучат теперь в хвастливых телеграммах посла из Петрограда в Вашингтон:

¹ И. Озеров, Новая Россия, 1916, стр. 82.

² Отчёт о деятельности Русско-американской торговой палаты за 1916 г., М. 1917, стр. 61—70.

³ FR. 1918. Russia, vol. I, p. 6.

«Американское посольство пользуется большим уважением и имеет больше влияния на Временное правительство..., чем любая другая миссия в России»¹.

В апреле 1917 г. Соединённые Штаты объявили войну Германии. Не подводная война и не любовь к демократии, не немецкие провокации и не английская пропаганда заставила Вильсона вступить в мировую бойню. После двух с половиной лет выжидания и баснословно прибыльной торговли с воюющими странами американские империалисты спешили принять участие в вооружённой борьбе за передел мира. «На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию — Америка»², — отмечал в резолюции по текущему моменту VI съезд большевистской партии.

К концу первой мировой войны Соединённые Штаты Америки превратились в самую могущественную капиталистическую державу. Американские монополии нажили гигантские барыши на военных поставках. Если до войны США были страной, ввозившей капиталы из Европы, и были должны европейским странам 6 млрд. долларов, то в ходе войны они не только полностью погасили все свои долги, но и ссудили странам блока Антанты 10 млрд. долларов.

«Американские миллиардеры, — писал В. И. Ленин об итогах первой мировой войны для монополий США, — были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе... ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных...»³

Почувствовав свою силу, американские империалисты уже во время войны 1914—1918 гг. начали стремиться к завоеванию мирового господства. В. И. Ленин разоблачил эти наглые, откровенно колонизаторские устремления американского и английского империализма. В 1918 г. он указывал: «...англо-американский империализм еще более обнаглел и рассматривает себя как владыку, которому никто не может оказать сопротивления...»⁴.

Вступление США в войну явилось новым стимулом для усиления американского проникновения в Россию. Вести войну правящие круги США намеревались в основном чужими руками. Особенно большие надежды возлагались ими на многомиллионные русские армии.

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 334.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М. 1941, стр. 253.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 353.

Если раньше судьба военных грузов, проданных России, не особенно волновала американских поставщиков, то теперь у них появляется определённая заинтересованность в том, чтобы вооружение и боеприпасы скорей доходили бы до Восточного фронта. Американские военные грузы прибывали во Владивосток и скапливались там в количествах, превосходивших пропускную способность Сибирской железной дороги. Последнее обстоятельство было использовано государственным департаментом в качестве желанного предлога для прямого вмешательства во внутренние дела России.

Государственный департамент предложил Временному правительству «помощь» американских специалистов в деле улучшения работы Сибирской железной дороги. Под видом «технической помощи» была сделана попытка установить американский контроль над железнодорожной сетью России. Это был верный путь к закабалению страны.

Государственный департамент считал, что подчинение Дальнего Востока и Сибири следует начать с захвата Транссибирской железной дороги. Бывший государственный секретарь Илайу Рут называл железнодорожную проблему в России «наиважнейшей». С ещё большей откровенностью писал о значении железных дорог в Сибири американский разведчик Артур Буллард: «Их политическое значение столь же велико и очевидно, как их экономическая важность. Всякая борьба между партиями и политическими группировками развёртывается на железных дорогах. Они являются объектом всякой военной кампании. В чьих руках они находятся, тот управляет Сибирью...» и далее: «Подобно тому как международная политика на Балканском полуострове определяется интригами небалканских стран и их борьбой за овладение Дарданеллами, политическая жизнь Сибири находится под влиянием железнодорожной дипломатии»¹.

«Железнодорожная дипломатия» США в России началась вскоре после признания Временного правительства. Государственный секретарь США Лансинг поручил Фрэнсису узнать, как отнесутся в Петрограде к посылке комиссии из шести железнодорожных экспертов.

Следует отметить, что предложение о посылке «специалистов» исходило от американского правительства. Русские железные дороги обладали квалифицированными кадрами. Сам Фрэнсис признавал, что русский технический и эксплуатационный состав «весьма компетентен». Россия не нуждалась в американской железнодорожной комиссии. Она нужна была Соединённым Штатам, стремившимся подчинить себе русский транспорт.

Второе, на что следует обратить внимание, это первоначально скромные размеры предполагаемой комиссии. Лансинг начинал с малого — предлагал послать шесть экспертов. Впоследствии чис-

¹ A. Bullard, *The Russian Pendulum*, N. Y. 1919, p. 143—147.

ленность «экспертов», направленных в Россию, выросла до 350 человек, и есть все основания предполагать, что если бы антинародное Временное правительство не было бы сметено Великой Октябрьской социалистической революцией, их количество продолжало бы увеличиваться.

Временное правительство, вставшее с первых дней своего существования на путь предательства национальных интересов России, дало своё согласие на деятельность в стране американских железнодорожных «дипломатов» — агентов разбойничьего империализма США.

14 мая американская железнодорожная комиссия покинула Вашингтон и через месяц прибыла в Петроград. Возглавлял её Джон Стивенс — бывший главный инженер Панамского канала.

В России Стивенс развернул бешеную деятельность, не ограничивая её одной только Сибирской железной дорогой. Его представители отправляются в Мурманск, на Кавказ, разъезжают по всей стране. Сам Стивенс ведёт переговоры в Москве и Петрограде. В конце концов американская железнодорожная «дипломатия» добивается крупного успеха. Усилиями Фрэнсиса Стивенс назначается в Министерство путей сообщения советником по железнодорожным делам с широкими полномочиями. Надо полагать, что на убеждение чиновников Временного правительства Фрэнсис тратил не только своё красноречие. «Но, — писал он, — это стоит всех расходов и будет эффективно, если приказы Временного правительства будут выполняться»¹. Последняя оговорка свидетельствует о том, что даже Фрэнсису — человеку, плохо разбиравшемуся в политической жизни России, становилось ясно, что у Временного правительства почва горела под ногами.

Стивенс разработал план установления контроля за работой русских железных дорог. Он намеревался поставить своих людей на всех ответственных участках работы наиболее важных железнодорожных станций. Для этого он вызвал из США американских железнодорожников. Последние направлялись в Россию не в качестве частных лиц, а в составе подразделений американских инженерных войск. Каждое подразделение, предназначавшееся для работы на узловой станции, состояло из четырнадцати квалифицированных работников разных специальностей — диспетчеров, механиков, мастеров — во главе с начальником в чине капитана. Десять таких подразделений Стивенс намеревался расположить между Омском и Владивостоком, восемь между Омском и Москвой, два между Москвой и Петроградом.

В США была подготовлена к отправке первая партия военизированных «специалистов» численностью в 350 человек во главе с полковником Эмерсоном. В госдепартаменте уже торжествовали победу. На имя Стивенса была отправлена поздравительная телеграмма.

¹ FR. 1918. Russia, vol. III, p. 204.

Однако американским планам захвата русских железных дорог не суждено было сбыться. Они рухнули вместе с Временным правительством. Когда поздравительная телеграмма прибыла в Петроград, власть уже находилась в руках рабочих и крестьян ¹.

Самым действенным средством американского проникновения в Россию было предоставление Временному правительству крупных денежных займов. В 1917 г. США стали главным кредитором Временного правительства.

«Американская империалистическая буржуазия, — писал товарищ Сталин в августе 1917 г., — **финансирующая** коалицию русской империалистической буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски служающих «живым силам» России (Церетели!) — вот она, картина нынешнего положения». Далее, товарищ Сталин показывает, на что предназначались американские деньги: «...американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Милюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение» ².

Русская буржуазия нуждалась в денежной помощи, а американская буржуазия охотно её предоставляла не только для продолжения империалистической войны, но главным образом — для подавления разраставшегося революционного движения.

Инициатива предоставления кредитов Временному правительству исходила от США. «Финансовая помощь со стороны Америки была бы мастерским ходом» ³, — писал в государственный департамент Фрэнсис вскоре после Февральской революции. В Вашингтоне держались того же мнения, и вскоре оттуда поступило предложение русскому правительству об оказании России денежной помощи и предлагалось обсудить условия будущего займа.

Основным условием предоставления займа, продиктованным американцами, было продолжение Россией войны. Фрэнсис пригрозил русскому правительству, что заключение сепаратного мира повлечёт за собой немедленное закрытие всех американских кредитов. В ответ на это он получил категорическое заверение в том, что «такой возможности не существует».

Другим категорическим требованием американских империалистов было усиление борьбы против большевистской партии.

¹ Государственный департамент в течение некоторого времени пытался не замечать происшедших событий. 18 ноября корпус Эмерсона на военном транспорте «Томас» отплывает в Россию. Прибыв во Владивосток, американские «специалисты» увидели, что делать им нечего и через пять дней отправились в Нагасаки выжидать, «пока прояснится обстановка». Туда же вскоре прибыл и «железнодорожный диктатор России» Джон Стивенс. В Нагасаки он безуспешно поджидал реставрации режима Керенского и посылал в Вашингтон злобные телеграммы с клеветническими выпадами против большевиков и призывами к вооружённой интервенции.

² И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 234—235.

³ FR. 1918. Russia, vol. 1, p. 7.

Государственный департамент не останавливался перед угрозой прекратить выплату денег Временному правительству, если последнее не подавит революционное движение.

Фрэнсис добивался от Временного правительства применения самых крайних мер в борьбе против большевистской партии, требовал кровавой расправы над её вождями. В июле 1917 года Фрэнсис настаивал на убийстве В. И. Ленина¹. Посол США предложил устроить «суд» над Лениным с заранее подготовленным обвинением «в измене» и смертным приговором. Сообщниками американских империалистов в этом коварном замысле оказались враги народа Троцкий, Каменев и Рыков, хотевшие выдать великого вождя революции на растерзание кровавым псам русского и международной реакции. Драгоценную жизнь Ленина спас для партии, для нашего народа, для всего человечества товарищ Сталин, решительно высказавшийся против явки Ленина на суд контрреволюционеров.

Кабальным условием американской «помощи» было установление контроля за расходованием предоставляемых денежных средств. Американские кредиты предоставлялись Временному правительству только для закупок в США. Это была типичная для Америки колонизаторская политика.

Таким образом, США обеспечили за собой возможность сбывать в Россию скопившиеся у них излишки промышленного оборудования и других товаров. В первую очередь американские капиталисты намеревались продать России 40 тыс. вагонов и 2 тыс. паровозов.

16 мая 1917 г. американское правительство предоставило России первый аванс на сумму 100 млн. долларов. Спустя два месяца, 9 июля, был открыт дополнительный кредит в 75 млн. долларов. Платежи из этой последней суммы производились частями, причём на каждую такую выплату требовалось специальное ходатайство посла Фрэнсиса. 23 августа был предоставлен третий заём на сумму в 100 млн. долларов, главным образом — для оплаты русских заказов в Америке на винтовки. В октябре Временное правительство получило от США ещё 50 млн. долларов. К концу октября сумма американских правительственных займов достигла 325 млн. долларов. 1 ноября США предоставили Временному правительству новый заём на сумму 125 млн. долларов, но после Октябрьского переворота этот заём был взят обратно.

Общая сумма долгов буржуазно-помещичьей России Америке значительно уступала сумме английских займов России. Однако если английская финансовая «помощь» сходилась постепенно на нет, то американская только начиналась. Англичане, сильно укрепившие свои позиции в России в последние годы царского режима, вынуждены были теперь потесниться и выражали готовность приступить к разделу российской территории на сферы влияния.

¹ D. Francis. Russia from the American embassy. N. Y. 1920, p. 141.

Уже весной 1917 г. в дипломатических кругах Антанты разрабатываются планы расчленения России. По этому поводу Фрэнсис писал в государственный департамент: «Ситуация представляет превосходные возможности, которыми должны с честью воспользоваться наши способные деловые люди. Британский посол сообщает мне неофициально, что он советует русскому правительству предоставить нам власть во Владивостоке и над всей Сибирской железной дорогой. Англичане контролируют Архангельск»¹. Американцы были не прочь начать с раздела страны, однако мечтали они о полном захвате России, о том, чтобы можно было, как выразился журнал «The Russian Review», «путешествовать из Вашингтона в Петроград без пересадки».

Над нашей страной нависла реальная угроза превращения в колонию американских и английских империалистов. В одном из своих писем в государственный департамент посол Фрэнсис цинично предлагал обходиться с Россией, как с Китаем².

Выступая на VI съезде партии, И. В. Сталин дал глубокий анализ перспектив политического развития России: «Перед Россией,— указывал товарищ Сталин,— стояло два пути:

либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция двигается дальше, расшатываются основы буржуазного мира, и начинается эра рабочей революции;

либо другой путь, путь продолжения войны, продолжения наступления на фронте, подчинения всем приказам союзного капитала и кадетов,— и тогда полная зависимость от союзного капитала (в Таврическом дворце были определённые слухи, что Америка даст 8 миллиардов рублей, даст средства «восстановить хозяйство») и торжество контрреволюции.

Третьего не дано»³.

Русская буржуазия вела страну прямой дорогой к потере национального суверенитета. Предотвратить закабаление России иностранным капиталом могла только социалистическая революция. «Разве не ясно,— говорил в 1947 г. товарищ Молотов,— что если бы 30 лет назад большевики не сумели вырвать нашу родину из рук Керенского, меньшевиков, эсеров, кадетов и других прислужников буржуазии, то наша страна утратила бы свою независимость и влачила бы жалкое существование»⁴.

В Вашингтоне чувствовали приближение в России социального переворота и внимательно следили за происходившими там политическими событиями. Из Петрограда с первых же дней после свержения самодержавия стали поступать тревожные сведения о дальнейшем развитии революции, о нежелании народа продолжать войну, о всё усиливающемся влиянии большевиков.

¹ FR. 1918. Russia, vol. III, p. 187.

² FR. 1918. Russia, vol. I, p. 266. Фрэнсис, разумеется, имел в виду старый Китай, являвшийся полуколонией империалистических держав.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 175—176.

⁴ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, М. 1948, стр. 489.

1 апреля 1917 г. государственный департамент получил от Фрэнсиса телеграмму с описанием положения в России. Фрэнсис сообщал, что в России растут антивоенные настроения, высказал опасение, что это может оказать пагубное влияние на русскую армию, и просил принять срочные меры. Эта телеграмма привлекла внимание Лансинга, показалась ему столь значительной, что он счёл нужным немедленно переслать её Вильсону. В препроводительной записке Лансинг писал: «Я хочу, чтобы мы сделали что-нибудь для обуздания социалистических элементов в России»¹.

В качестве первой меры Лансинг предлагал послать в Россию чрезвычайную комиссию, включив в её состав президента Американской федерации труда социал-предателя Самюэля Гомперса как человека, который смог бы отвлечь русских рабочих от революционной борьбы. Этот план встретил одобрение Вильсона, который лично приступил к подбору участников этой политической экспедиции.

Во главе комиссии был поставлен бывший государственный секретарь США Илайу Рут — «верный слуга Дж. П. Моргана», как его характеризует один американский журналист. В число членов комиссии были включены представители Уолл-стрита: Сайрес Мак Кормик — «король сельхозмашин», президент «Интернешл Харвестер Компани», и Самюэль Бертрон — известный нью-йоркский банкир. Главной идеологической «силой» комиссии был руководитель американской Христианской ассоциации молодёжи Джон Мотт. Ему в помощь были даны два представителя «от рабочих», социал-предатели Джемс Дункан — второй вице-президент АФТ, и Чарльз Рессель — журналист и «авторитет в вопросах социализма» (кандидатуру Гомперса пришлось отставить, так как его имя в глазах русских рабочих было скомпрометировано открытой враждой к социализму). В состав комиссии были включены также начальник генерального штаба США генерал Скотт и адмирал Джемс Гленнон. Многообразный состав комиссии должен был обеспечить широкий охват американским влиянием всех сторон политической и экономической жизни России.

Комиссия находилась в России с июня по август 1917 г. По прибытии в Петроград Рут и его сотрудники расположились в Зимнем дворце: начинавшие чувствовать себя хозяевами в России янки нашли царские покои самым подходящим местом для своего расквартирования.

Рут вёл секретные переговоры с министрами Временного правительства. О содержании этих переговоров мы можем пока лишь догадываться. Остальные члены комиссии разъезжали по России. Генерал Скотт знакомился с состоянием русской армии, адмирал Гленнон — с состоянием флота. Дункан и Рессель устанавливали контакт с русскими соглашателями. Мотт подготавливал почву

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 325.

для развёртывания деятельности Христианской ассоциации молодёжи.

Члены комиссии выступали на многочисленных митингах с пропагандистскими речами. Рут использовал любую возможность для применения своих ораторских способностей. Он произносил речи в московской думе и на открытых митингах, выступал с одинаковым пылом перед министрами и перед уличными зеваками. Солдат он убеждал в том, что Керенский им послан богом¹, а русских промышленников пытался уверить в полном бескорыстии заатлантических дельцов. Во всех его выступлениях сквозила одна мысль: Россия должна продолжать сражаться. Обращаясь к представителям правящей верхушки, Рут настойчиво рекомендовал учиться управлять американскими методами.

Руту и Мотту принадлежит идея широкого развёртывания в России проамериканской пропаганды. Ими был разработан далеко идущий план идеологического проникновения в Россию, подчинения русской общественной мысли идеалам долларовой «демократии». Ближайшей прикладной целью этого плана было укрепить Временное правительство и заставить русских продолжать империалистическую войну.

В письмах из Петрограда Рут предлагал проводить проамериканскую пропагандистскую работу не от имени правительства США, а через подставных лиц, русских пропагандистов «американского образа жизни». На фронте Рут рекомендовал создать широкую сеть пропагандистских пунктов, руководство которыми находилось бы в руках Христианской ассоциации молодёжи. Каждый пункт должен был иметь читальный зал, киноустановку и т. д. Учитывая большое количество неграмотных в старой армии, предусмотрительный Рут рекомендовал оборудовать специальные помещения для чтения вслух американских пропагандистских материалов.

Вернувшись в Вашингтон, Рут представил в государственный департамент документ, который носил красноречивое название: «План американской деятельности по сохранению и укреплению морального состояния армии и гражданского населения в России». Суть этого плана сводилась к следующему:

1) Немедленное создание специального информационного агентства. (По мысли Рута, это агентство должно было распространять только американскую информацию.) 2) Издание большого количества брошюр и листовок. Как следствие революции, аргументировал Рут, в России появилась жажда к политической литературе. Учитывая это, Рут предлагал использовать все средства для распространения американских пропагандистских изданий, вплоть до того, чтобы вкладывать листовки во все продавае-

¹ «В лице Керенского бог послал вам великого лидера», — подлинные слова Рута на солдатском митинге 13 июля 1917 г. E. Root, *The United States and the war. The Mission to Russia. Political addresses*, London 1918, p. 145.

мые газеты; для этого предлагалось создать по всей стране сеть газетных киосков. 3) Демонстрация американских кинофильмов, как хроникальных, так и художественных. Рут возлагал большие надежды на действенность американской кинопропаганды. 4) Издание красочных плакатов с пропагандистскими надписями. 5) Организация устной пропаганды. Для этой цели Рут требовал завербовать сотни квалифицированных ораторов и докладчиков.

Для осуществления плана Рута требовались немалые денежные средства. Возможные расходы Рут оценивал в 5,5 млн. долларов. Целесообразность подобной затраты аргументировалась им следующим убедительным для американских бизнесменов простым «подсчётом». Содержание одного американского полка на фронте обходится правительству США в 10 млн. долларов ежегодно. Истратив вдвое меньшую сумму на военную пропаганду в России, можно заставить воевать против Германии 640 русских полков¹. Перспектива была весьма заманчива. Немудрено, что предложение Рута встретило полное одобрение в американских правительственных кругах.

В конце октября 1917 г. план Рута начинает осуществляться. В Россию выезжает 70 работников Христианской ассоциации молодёжи. Планируется отправка ещё ста тридцати человек. Работой ассоциации в России руководит непосредственно Мотт. Ассоциация создаёт свои пункты не только в Москве и Петрограде, но во многих провинциальных городах, а также на фронте. Представители ассоциации ведут широкую пропагандистскую и осведомительскую работу, вмешиваясь во все политические дела, иногда даже в дипломатическую практику.

Другой американской пропагандистской и шпионской организацией, развернувшей свою деятельность в России, был Комитет общественной информации, созданный Вильсоном в апреле 1917 г., вскоре после вступления США в мировую войну. В его функции входили военная пропаганда, цензура и шпионаж. Деятельностью комитета руководила комиссия в составе: председателя Джорджа Крила и трёх членов — министра иностранных дел, военного и морского министров. Последнее обстоятельство говорило о том большом значении, которое придавал Вильсон работе комитета. К концу 1917 г. на службе в комитете состояло 250 чиновников. Кроме того, комитет пользовался услугами 5 тыс. журналистов и 20 тыс. докладчиков. Это была мощная пропагандистско-разведывательная организация, протянувшая свои щупальцы далеко за пределы Соединённых Штатов.

Русский филиал Комитета общественной информации во главе с Артуром Буллардом создаётся осенью 1917 г. Для передачи информации из США комитету было разрешено пользоваться военным телеграфом. В Россию направляется киноаппаратура, обслуживающий персонал и кинофильмы. Подготавливается

¹ FR. 1918. Russia, vol. I, p. 148.

создание большого количества лекционных бюро и издание печатного органа¹. Денежные средства, которые тратил Комитет общественной информации на пропаганду за границей, расходовались главным образом в России². Для руководства американской пропагандой в Россию выехал Эдгар Сиссон — правая рука Крила, его заместитель и начальник иностранного отдела Комитета общественной информации³.

Кроме Христианской ассоциации молодёжи и Комитета общественной информации, существовала ещё одна американская подрывная организация в России, пытавшаяся активно влиять на ход политических событий. Это была миссия американского Красного креста.

В годы первой мировой войны американский Красный крест был тесно связан с финансовой олигархией Соединённых Штатов и являлся по сути дела военной разведкой Уолл-стрита. Возглавлял Красный крест Генри Девисон — компаньон Моргана. Миллионер Уильям Бойс Томпсон руководил деятельностью Красного креста в России.

Американские разведчики из Красного креста пытались бороться с большевиками ещё до Октябрьской революции. Исполнителей своих преступных планов они нашли в среде эсеров. Екатерина Брешко-Брешковская, Николай Чайковский и Давид Соскис — адъютант Керенского — и ряд других видных эсеров стали платными американскими агентами. Брешковская получила 100 тыс. рублей за написание «от имени русского народа» обращения к Вильсону с призывом о «помощи». 20 тыс. рублей получил от американцев министр Временного правительства эсер Маслов⁴.

Для ведения проамериканской пропаганды Брешковская, Чайковский и Соскис создали специальную организацию — «Комитет гражданского воспитания». На американские деньги издавалось 17 газет погромного, резко антибольшевистского характера и содержалось более восьмисот осведомителей, главным образом из числа эсеров. Всего на подрывную работу из частных средств американских империалистов было истрачено 12 млн. рублей. Однако ни иностранные деньги, ни сопротивление отечественной буржуазии не могли остановить надвигающуюся социалистическую революцию.

¹ Этот орган начал выходить в конце 1917 г. под названием «Американские бюллетени» и представлял собой источник клеветы и дезинформации, рассчитанной на то, чтобы ввести в заблуждение русское общественное мнение.

² The Activities of committee on public information, W. 1918, p. 20.

³ Сиссон прибыл в Петроград уже после Октябрьского переворота и посвятил себя целиком шпионско-диверсионной деятельности против советской власти. Впоследствии он приобрёл позорную известность опубликованием ряда антисоветских фальшивок, названных по имени их фабриканта «Документами Сиссона».

⁴ «Правда», 8 декабря 1917 г.

3 ноября 1917 г. в здании американского Красного креста состоялось секретное совещание по вопросу о принятии экстренных мер для укрепления Временного правительства. На совещании, кроме Томпсона и его заместителя Робинса, встретились начальники союзных военных миссий: английский генерал Нокс, французский — Ниссель и американец Джедсон. Керенского представляли его адъютант Соскис и генерал Нейслаковский.

Положение Временного правительства было критическим. Один из американских шпионов донёс, что войска, расположенные в Петрограде, поддерживают большевиков и готовы выступить против Керенского. Совещание носило характер взаимных обвинений и оскорблений и свидетельствовало о полном разброде в лагере контрреволюции. После двухчасовых препирательств участники совещания разошлись, не приняв никаких решений.

Не было такой силы, которая смогла бы удержать у власти обанкротившееся Временное правительство.

2. Начало борьбы США против Советской России

Великая Октябрьская социалистическая революция вырвала Россию из капиталистического рабства, спасла нашу родину от надвигавшейся национальной катастрофы. Её победа означала крах всех планов иностранных империалистов, стремившихся превратить нашу страну в свою колонию. Руководимые партией большевиков, народы России встали на путь свободного развития, на путь укрепления могущества страны, на путь борьбы за построение социализма.

Всемирно-историческое значение Октябрьской революции не исчерпывается тем, что она произвела коренной перелом в судьбах нашей родины. Победа Октября открыла новую эру в истории всего человечества.

Все предшествовавшие революции приводили лишь к смене форм эксплуатации, лишь к замене одной группы эксплуататоров, угнетавших народные массы, другой группой эксплуататоров. Революция, совершённая русскими рабочими и крестьянами в ноябре 1917 г., принципиально отличалась от этих революций. Она навсегда уничтожила всякую эксплуатацию человека человеком и установила диктатуру пролетариата, диктатуру самого революционного из всех существовавших до сих пор и существующих ныне угнетённых классов.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции впервые оказался прорванным фронт мирового империализма. Власть буржуазии была низложена в одной из самых больших капиталистических стран. Впервые в истории человечества класс гонимых, класс угнетённых поднялся до положения господствующего класса. Великий пример русского пролетариата воодушевил народные массы всего мира на борьбу против своих угнетателей.

«...Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху пролетарских революций в странах империализма»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла всей системе капитализма смертельный удар, от которого он больше никогда не сможет оправиться. В лице первого в мире социалистического государства была создана мощная и открытая база движения всех народов мира против империализма.

«Бросив семена революции как в центры империализма, так и в его тылы, ослабив мощь империализма в «метрополиях» и расшатав его господство в колониях, — Октябрьская революция поставила тем самым под вопрос самое существование мирового капитализма в целом»².

Уже первые законодательные акты Советского правительства повлекли за собой ломку всех устоев капиталистического общества в России, означали коренной поворот в международной политической жизни.

Первый декрет советской власти определил всю дальнейшую внешнюю политику социалистического государства. Это было «Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран» — декрет о мире.

Этим декретом правительство Советской России предлагало всем воюющим народам и правительствам прекратить империалистическую войну и начать переговоры о справедливом демократическом мире. Таким миром Советское правительство считало немедленный мир без аннексий и контрибуций. В декрете о мире содержалось точное определение понятия аннексии. Аннексию декрет определял как всякое насильственное присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности, независимо от того, когда это присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая нация.

Такое определение аннексии до конца разоблачило всю империалистическую политику колониальных захватов и угнетения малых народов. Советское правительство требовало подписания мира на справедливых для всех без изъятия народностей условиях. Одновременно Советское правительство объявляло, что оно не считает названные условия мира ультимативными и готово рассмотреть любые иные условия прекращения войны.

Декрет о мире объявлял об отмене тайной дипломатии: Советское правительство выражало твёрдое намерение вести все переговоры открыто перед всем народом и заявляло о том, что оно немедленно приступает к опубликованию всех тайных договоров, заключённых или подтверждённых Временным правительством. Содержание этих договоров, в том случае, если оно про-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 241.

² Там же, стр. 245.

В. И. Ленин провозглашает советскую власть. 1917.
С карт. худ. Серова.

тиворечило интересам трудящихся масс, Советское правительство отменяло безусловно и немедленно.

Советское правительство предлагало немедленно заключить перемирие сроком на три месяца, с тем чтобы за это время было возможно завершить переговоры о мире и окончательно утвердить условия мира, созвав для этого полномочные собрания народных представителей всех стран, втянутых в войну.

Обращаясь с мирным предложением к правительствам и народам всех воюющих держав, Советское правительство апеллировало особенно к сознательным рабочим трёх самых крупных государств участников войны: Англии, Франции и Германии. Правительство русских рабочих и крестьян выражало уверенность в том, что пролетариат передовых стран поможет довести до конца дело мира и вместе с тем освобождения трудящихся масс от всякого рабства и всякой эксплуатации.

«Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму»¹, — говорил Ленин, заканчивая доклад о мире на II съезде Советов.

Декрет о мире, а также другие первые законы советской власти — о национализации земли, о формировании Советского правительства, о создании Красной Армии и Флота, о равноправии национальностей России, о национализации банков, железных дорог, крупной промышленности — эти мероприятия первого в мире социалистического государства вызвали восторженное одобрение трудящихся масс всех стран и злобное противодействие империалистов всего мира.

Американских империалистов Великая Октябрьская революция привела в смятение. 8 ноября нью-йоркские газеты сообщили о восстании в Петрограде. В тот же день на бирже началась паника. «Вчера биржа пережила наиболее сильное падение акций», — сообщала 9 ноября «Нью-Йорк Таймс», — причиной послужило известие о свержении правительства Керенского. Падение акций было тем более чувствительным, что оно произошло совершенно неожиданно, в разгаре исключительного роста цен».

В течение последующих нескольких дней передовые статьи всех американских газет были посвящены русской революции. Из России поступали противоречивые известия, а падкие на сенсацию буржуазные газеты спешили опубликовать их на своих страницах. Сообщения об аресте Керенского сменялись слухами о его победе. Однако вскоре окончательно выяснилось, что власть в Петрограде находится в руках рабочих и крестьян. Тогда в печати началась кампания против большевиков — распространялись небылицы об «ужасах» советского режима, предсказывались сроки падения советской власти. В резком антисоветском тоне американской реакционной прессы нашла своё выражение вражда империалистов США к социалистической революции.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 221.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Адресъ почтовый: Литейск. Сабельн. пер. д. № 4. Телефонъ № 210-1.
Адресъ редакціи: Спальн. Института, 2-я этажъ кабинета № 14. Телефонъ № 13-10.

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Все-
россійскаго Съѣзда Советовъ Рабочихъ,
Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ
26 октября 1917 г.

Рабочіе и солдаты вѣрно
и честно выполнили свой
обязанности и заслужили
за Свободу Рабочаго Солдатскаго
и Крестьянскаго Депутатовъ
и Советовъ. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Теперь мы должны
принять всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
и крестьянъ, къ осуществленію
нашихъ обязанностей. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству. Мы имеемъ право
и долгъ требовать отъ
всѣхъ насъ, рабочихъ и солдатъ,
чтобы мы не допустили
ни одного шага къ возвращенію
нашему отечеству къ империалистическому
устройству.

«Нам абсолютно не на что надеяться в том случае, если большевики будут оставаться у власти»¹, — писал государственный секретарь США Лансинг президенту Вильсону и предлагал активизировать антисоветские действия американского правительства. Империалисты США возглавили борьбу капиталистического лагеря против молодой Советской республики.

Американское правительство сразу же после Октябрьской революции прекратило все поставки в Россию. Однако это было сделано отнюдь не в открытой форме официального запрещения вывоза (наоборот, все слухи об эмбарго были опровергнуты в печати). С одобрения государственного департамента организации, ведавшие поставками, просто прекратили отправку судов в Россию.

Это было характерным проявлением тактики американских империалистов в их борьбе против социалистического государства, определившейся уже в первые дни советской власти. Боясь скомпрометировать себя в глазах мирового общественного мнения и в глазах своего народа, американское правительство избрало вначале путь тайной борьбы против Страны Советов, борьбы чужими руками.

Уже в конце ноября полковник Хауз из Парижа отправил Лансингу телеграмму с требованием прекратить в печати выпады против Советской России². Это требование преследовало цель скрыть от Советского правительства намерения США. Хауз считал, что кампания, поднятая в печати, может повредить американской политике в России. Лансинг был вполне согласен с Хаузом.

В этом плане следует понимать также директиву Лансинга Фрэнсису от 24 ноября (это была первая телеграмма, полученная послом из государственного департамента после Октябрьской революции). Лансинг предложил Фрэнсису «не связываться с еб я курсом, который выглядел бы как принуждение», т. е. анти-советским курсом. Ничем иным, как стремлением избежать преждевременной компрометации и сохранить за собой свободу действий, объяснить это нельзя, так как в тот же день Лансинг информировал Бахметьева — посла Временного правительства в Вашингтоне — о том, что США не намерены признавать Советское правительство и продолжают рассматривать его, Бахметьева, в качестве представителя России.

Керенский, удирая из революционного Петрограда (бежать ему помогли американцы, предоставившие в его распоряжение автомобиль посольства США), умолял Фрэнсиса «не признавать Советское правительство, если оно будет создано в Петрограде». Американского посла не нужно было упрашивать об этом. Известие о сформировании Советского правительства Фрэнсис встретил с нескрываемой злобой. Однако к обещанию Керенского вер-

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 344.

² FR. 1918, Russia, vol. I, p. 271.

нуться в Петроград и в течение пяти дней подавить восстание Фрэнсис отнёсся скептически. «Это будет зависеть от того,— писал он в государственный департамент,— какое количество войск последует за ним».

Спустя неделю после Октябрьского переворота к Фрэнсису от Керенского тайно пробрался переодетый в штатский костюм офицер и поведал о безнадежном положении своего шефа. Аналогичным образом обрисовал обстановку американскому посланнику в Швеции и Соскис, бежавший в Стокгольм. Соскис, правда, утверждал, что большевики продержатся у власти две-три недели. Однако американцы, видимо, понимали, что за этими фразами не скрывается реальной силы. Немногие последовавшие за Керенским войска были разбиты у Пулковских высот.

Большую тревогу в американских дипломатических кругах вызвал декрет о мире, обращённый ко всем воюющим державам. Как известно, ответа от правительства США на это прямое обращение Советского правительства не последовало. Лишь в прессе появилось заявление Фрэнсиса, в котором содержался косвенный призыв продолжать войну.

25 ноября начальник американской военной миссии генерал Дждсон направил письмо начальнику русского генерального штаба. В этом письме, комментируя сообщения печати о запрещении вывоза из Америки в Россию, Дждсон писал: «Если большевики останутся в обладании власти и будут проводить свою программу заключения мира с Германией, то настоящее запрещение вывоза в Россию останется в силе»¹. Эта угроза и была первым американским ответом на советское предложение прекратить мировую бойню.

Представители «союзников» при ставке главнокомандующего заявили протест против предложения Советского правительства о заключении демократического мира. В своём протесте они ссылались на договор, по которому союзники, включая Россию, обязались не заключать сепаратного перемирия и не прекращать военных действий. США не были участником этого договора, поэтому американский представитель при ставке подполковник Керт своей подписи под протестом не поставил. Узнав об этом, Фрэнсис через генерала Дждсона дал указание Керту присоединиться к протесту. 27 ноября Керт вручил Духонину заявление, в котором говорилось, что правительство Соединённых Штатов «категорически и энергично протестует против заключения Россией сепаратного перемирия»².

Ответ Керту поступил не от Духонина, а от Советского правительства. Совет Народных Комиссаров решительным образом протестовал против вмешательства американского военного агента

¹ «Правда», 28 ноября 1917 г.

² Russian-American relations. March 1917 — march 1920, N. Y. 1920, p. 53.

во внутреннюю жизнь страны и предупреждал, что дальнейшие шаги в этом направлении поведут к осложнениям, ответственность за которые Советское правительство снимало с себя заранее.

Твёрдая позиция Советского правительства действовала на американских военных и дипломатических представителей. Последние быстро сменили тон. Уже 28 ноября Томпсон опроверг в печати слухи о прекращении поставок Красного креста в Россию, а генерал Джедсон в своём втором письме начальнику генерального штаба признавал, «что Россия вполне вправе в том положении, в котором она сейчас находится, поднять вопрос о всеобщем мире»¹.

Джедсон понял, что дипломатический нажим не заставит Советское правительство изменить свою политику. Тогда он решил попытаться «спасти возможное» — добиться от России заключения не мира с Германией, а длительного перемирия без переброски войск, обмена пленными и развития торговых отношений. 1 декабря Джедсон явился в Народный Комиссариат Иностранных дел и изложил свою точку зрения по вопросу о перемирии. Относительно письма Керта он заявил, что «время протестов и угроз по адресу советской власти миновало, если оно вообще когда-либо существовало».

План Джедсона не получил одобрения в высших военных и дипломатических кругах США, а его действия вызвали недовольство Вильсона. 6 декабря Лансинг телеграфировал Фрэнсису: «Президент желает, чтобы американские представители не вступали в прямые переговоры с большевиками»². За несколько дней до этого Лансинг запретил Фрэнсису отвечать на ноты и обращения Советского правительства. Это был курс на обострение отношений с молодой Советской республикой.

Соединённые Штаты искали не пути установления нормальных взаимоотношений с Советской Россией, а контрреволюционную силу, на которую можно было опереться в борьбе против большевиков. Именно такой силой оказался американским империалистам белогвардейский мятежник Каледин.

Имя Каледина появляется в американских дипломатических документах сразу же после перехода власти к большевикам. 12 ноября американский посланник в Швеции телеграфировал в государственный департамент, что сопротивление советской власти оказывают генералы Каледин и Корнилов.

В конце ноября Лансинг предложил Фрэнсису представить информацию о формировании контрреволюционных войсковых соединений. 2 декабря Фрэнсис передал в Вашингтон сообщение представителя Христианской ассоциации молодёжи, только что вернувшегося с фронта, о том, что под командованием Каледина находится 200 тыс. казаков. В те же дни американский консул в

¹ «Известия», 18 ноября 1917 г.

² FR. 1918, Russia, vol. I, p. 289.

Москве Саммерс вступил в контакт с белогвардейцами. Саммерс вёл переговоры с представителем генерала Алексева. Последний обратился к американцам с просьбой начать оккупацию Сибирской железной дороги.

Американская реакционная пресса подняла шум вокруг имени Каледина. Его называли «человеком момента». Появились статьи, требовавшие оказания немедленной помощи контрреволюционным мятежникам.

Корреспондент «Морнинг Пост» сообщал 10 декабря из Вашингтона, что Вильсон занят проблемой оказания помощи и признания Каледина. «Тот факт,— говорилось в сообщении,— что генерал Каледина объявил открытую борьбу Ленину, может ускорить соответствующий шаг американского правительства». Это сообщение соответствовало действительности: в правительстве США обсуждался вопрос о мерах, необходимых для расширения калединского мятежа.

10 декабря Лансинг представил Вильсону обширную докладную записку об отношении к советской власти и к контрреволюционному движению в России¹. Министр «демократической» Америки предлагал учредить в России режим военной диктатуры. В качестве кандидата на пост диктатора Лансинг выдвигал Каледина. О последнем он писал в восторженных тонах: «Это сильная личность. Он привык добиваться цели, несмотря на противодействие... Он излучает силу и власть». Силу калединской клики Лансинг видел в том, что она «по всей вероятности получит поддержку кадетов, всей буржуазии и класса помещиков».

Лансинг высказывал опасение, что калединцы, не зная истинного отношения США к Советскому правительству, «приходят к выводу о бесцельности дальнейшего сотрудничества». Поэтому Лансинг предлагал отправить к Каледину курьера, который информировал бы его о действительной позиции правительства Соединённых Штатов и обещал бы моральную и материальную поддержку в том случае, «если движение станет достаточно сильным».

13 декабря Лансинг направил телеграмму американскому представителю в Союзном совете по делам военных поставок. Телеграмма содержала программу финансовой помощи Каледину. Предварительно с текстом телеграммы ознакомился Вильсон, и она была отправлена только после его одобрения.

Правительство США, выступая инициатором вмешательства в русские дела и организатором союзнической поддержки мятежника Каледина, больше всего заботилось о том, чтобы скрыть это от мирового общественного мнения. Хитроумный план Лансинга, изложенный в телеграмме, сводился к тому, чтобы Каледина финансировали... Англия и Франция, а Соединённые Штаты передали бы им для этого соответствующие суммы денег. Формальным

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 343—345.

мотивом такой комбинации объявлялись существующие в США законы, которые позволяют предоставлять займы только официально признанному правительству, а клика Каледина таковым не являлась. В заключение телеграммы Лансинг ещё раз предлагал соблюдать строжайшую тайну в отношении планов США.

В те же дни «Нейшенл Сити Банк» перевёл в Ростов 500 тыс. долларов. Это была денежная субсидия от американского банка, наиболее заинтересованного в закабалении России.

20 декабря генерал Джедсон передал для опубликования в русской печати заявление о том, что на юге в районе контрреволюционного мятежа нет ни одного американского офицера. Это была ложь, рассчитанная на дезориентацию Советского правительства. За несколько дней до этого в Ростов прибыл американский агент Де Витт Пуль (впоследствии, наряду с Локкартом, один из руководителей контрреволюционного заговора дипломатических представителей). В тот день, когда петроградские газеты публиковали текст лицемерного заверения Джедсона, Пуль вёл в Новочеркасске переговоры с Калединым и Алексеевым.

«Я посылаю Пуля в Ростов неофициально под предлогом ознакомления с коммерческой ситуацией, а на самом деле для того, чтобы сообщить в департамент о том, что там происходит»¹, — писал Саммерс Лансингу. Пулю было дано право направлять свои наиболее важные донесения прямо в Вашингтон, минуя посольство. Через Пуля правительство США осуществляло связь с руководителями контрреволюционного мятежа. Донесения Пуля в госдепартамент до сих пор не опубликованы.

Для связи с контрреволюционной Украинской радой Фрэнсис направил бывшего консула в Риге Дженкинса. Формальным предлогом для поездки было изучение возможности открытия американского консульства в Киеве.

В Новочеркасске Пуль находился в контакте с французским представителем полковником Гюше. Последний заявил ему, что французское правительство предоставило Каледину кредит в 100 млн. рублей «для восстановления в России порядка».

Ознакомившись с ситуацией, Пуль пришёл к выводу, что с военной точки зрения позиция донского правительства прискорбно слаба. Саммерс сообщал в госдепартамент: «Каледину нужны прежде всего деньги»². «...Нужны винтовки, пулемёты, артиллерия, все виды боеприпасов и обмундирования», — вторил ему консул США Смит из Тифлиса³.

Американские дипломатические представители разработали план оказания помощи мятежникам путём иностранной военной интервенции и захвата Транссибирской железной дороги. Необходимость этих действий диктовалась, по мнению Пуля, следую-

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 590.

² Ibid., p. 603.

³ Ibid., p. 605.

щими соображениями: «1) Существенную помощь лиге (клике Каледина.— А. Г.) можно оказать только по Сибирской железной дороге. 2) Без такой помощи лига не сможет достигнуть скольконбудь значительных масштабов»¹. Было даже предложено построить железную дорогу из Ростова в Оренбург, чтобы связать два очага контрреволюции — калединский и дутовский. Консул Смит требовал присылки иностранных войск «не в качестве сражающихся соединений, а как здорового ядра, вокруг которого можно будет собрать других и показать им, как мы умеем браться за дело»².

Американцы не ограничивались только разработкой планов военной интервенции. Американский шпион инженер Бари осенью и зимой 1917 г. активно помогал русским контрреволюционерам³. В дни саботажа советской власти старыми чиновниками Бари снабжал деньгами контрреволюционеров, пытавшихся сорвать работу учреждений. Кроме того, Бари занимался вербовкой мятежников и пересылкой их на Дон к Каледину.

В декабре офицеры американского Красного креста пытались отправить в Ростов к калединцам эшелон с 80 автомашинами. Эти автомобили были «подарены» американским Красным крестом русским в день Октябрьского переворота. Первоначально они должны были следовать из Петрограда в Яссы. 5 декабря начальник миссии американского Красного креста в Румынии полковник Андерсон распорядился отправить автомашины в Ростов. Доставить их туда должен был работавший у американцев полковник Колпашиников-Камак.

Когда советские власти узнали, что автомобили предназначаются для Каледина, они арестовали Колпашиникова. На руках у него находились два документа, выданные американцами, которые удостоверяли, что он якобы направляется в Яссы⁴. Один из них был подписан Фрэнсисом. Кроме того, из письма, отобранного при обыске, явствовало, что денежные средства, необходимые для задуманной авантюры, должен был выдать американский посол.

Контрреволюционные действия американского посла вызвали возмущение советской общественности. «Правда» оценивала дело Колпашиникова, как «заговор американских империалистов с калединцами»⁵.

Участию США в контрреволюционном мятеже был положен конец лишь с окончательным разгромом Каледина и взятием Ростова советскими войсками.

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 614.

² Ibid., p. 606.

³ «Известия», 28 апреля 1918 г.

⁴ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов второго созыва, М. 1918, стр. 133.

⁵ «Правда», 26 декабря 1917 г.

3. Борьба США против выхода Советской России из империалистической войны

Правители США считали, что тайная помощь русским контрреволюционерам не является достаточной мерой вмешательства. В Вашингтоне был разработан план борьбы с Советской Россией путём вовлечения её в военный конфликт с Германией. В случае удачи достигались две цели: отвлечение германских сил с Западного фронта и крушение большевизма. В том, что германское наступление приведёт к падению советской власти, никто из создателей этого плана не сомневался. «Если большевики не смогут обеспечить мир, они вряд ли удержат власть на продолжительное время»¹, — говорилось в донесении британского посольства из Петрограда. Это донесение стало известно государственному департаменту и привлекло внимание его руководителей. Задача дипломатических представителей «союзников» в России сводилась к тому, чтобы сорвать брестские переговоры. Этого добивались тогда все явные и скрытые враги советской власти.

«Все контрреволюционеры, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая самыми отъявленными белогвардейцами, вели бешеную агитацию против подписания мира. Их линия была ясна: они хотели сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев и поставить под удар неокрепшую ещё Советскую власть, поставить под угрозу завоевания рабочих и крестьян.

Их союзниками в этом чёрном деле оказались Троцкий и его сподручный Бухарин, который вместе с Радеком и Пятаковым возглавлял враждебную партии группу, именовавшую себя для маскировки группой «левых коммунистов». Троцкий и группа «левых коммунистов» повели внутри партии ожесточённую борьбу против Ленина, требуя продолжения войны. Эти люди явно играли на руку германским империалистам и контрреволюционерам внутри страны, так как вели дело к тому, чтобы поставить молодую, не имевшую ещё армии, Советскую республику под удар германского империализма»².

2 января 1918 г. Фрэнсис передал поддерживавшему контакт с Советским правительством Р. Робинсу два документа, носившие явно провокационный характер. Один из них назывался «Предполагаемое сообщение комиссару иностранных дел». В этом сообщении Фрэнсис обещал добиваться у своего правительства «всевозможной поддержки, включая посылку военных запасов и продовольствия для русских армий, предоставления кредитов и оказания всех необходимых советов и технической помощи» в том случае, если Советское правительство начнёт боевые действия против центральных держав. А если русские армии будут «серьёзно вести боевые действия», то на этот случай Фрэнсис обещал

¹ FR. 1918, Russia, vol. I, p. 425.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 206.

даже рекомендовать государственному департаменту «формальное признание де-факто правительства народных комиссаров»¹. Другой документ, аналогичный по содержанию первому, был составлен в виде телеграммы, которую Фрэнсис якобы намеревался отправить своему правительству в случае прекращения брестских переговоров.

Фрэнсис опасался, что одних его обещаний и интриг будет недостаточно для того, чтобы спровоцировать Советское правительство на войну. Ему казалось, что более эффективным средством для этого будет прямое обращение к русскому народу из Вашингтона с призывом продолжать войну.

29 декабря в телеграмме в государственный департамент Фрэнсис предложил опубликовать обращение к русскому народу президента или государственного секретаря. Не получив ответа, Фрэнсис телеграфирует 3 января непосредственно Вильсону и просит его выступить с изложением цели войны и особым обращением к русским. Фрэнсис даже подсказывает в этой телеграмме тему и характер выступления: «Усталый народ этой страны не станет воевать ни за территорию, ни за будущее коммерческое процветание. Не станет народ сражаться и во имя договоров, заключённых правительством, которое он сверг. Он, может быть, будет воевать во имя демократического мира и завоеваний революции...»².

В тот же день из Петрограда в Вашингтон была отправлена ещё одна телеграмма с предложением президенту выступить с подобным заявлением. Эту телеграмму отправил председателю Комитета общественной информации Джорджу Крилу его заместитель Сиссон.

Телеграмма Сиссона Крилу — единственный в своём роде образец откровенных разглаговольствований беспринципного американского разведчика-пропагандиста, проливающий свет на предисторию четырнадцати пунктов Вильсона³. Сиссон сообщает Крилу, что для его работы в России выдержки из прежних заявлений Вильсона не годятся. Нужно новое выступление президента «о целях антиимпериалистической войны и американских требований демократического мира», обращённое «к простым людям России и Германии». Сиссон указывает даже форму, в которую для удобства распространения должны быть облечены будущие четырнадцать пунктов — «тысяча слов или меньше, короткие, почти плакатные параграфы, короткие фразы»⁴.

¹ Russian-American relations, p. 65—66.

² FR. 1918, Russia, vol. I, p. 424.

³ Russian-American relations, p. 67.

⁴ Из этой телеграммы также видно, что большие надежды на пропагандистское воздействие наряду с демагогией Вильсона Сиссон возлагал на... американскую кинематографию. Кроме опубликования президентского обращения, этот коммивояжёр от пропаганды просил прислать в Россию американские фильмы — комедии и «эмоциональные драмы».

Таким образом, с самого начала четырнадцать пунктов были задуманы как документ, который явится материалом для ведения проамериканской пропаганды. Даже Хауз признавал, что «положение в России являлось в некотором смысле главным целесообразным оправданием речи Вильсона». Задача, по мнению Хауза, сводилась к тому, чтобы «изолировать Россию, насколько возможно, от Германии... выражением сочувствия и обещанием более существенной помощи»¹. Более того, выступление президента мыслилось как косвенный ответ на дипломатические акты Советского правительства — опубликование тайных договоров, разоблачавшее империалистическую политику европейских правительств, и неоднократные обращения Совета Народных Комиссаров к правительствам и народам воюющих держав с предложением заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Широкие народные массы стран Антанты встретили с одобрением эти действия Советского правительства и требовали от своих правительств заключения мира. Теперь авторитет президента «демократической» Америки был призван удержать их в орбите войны.

Выступление Вильсона состоялось 8 января. Большая часть его была посвящена России и брест-литовским переговорам. Вильсон не скупился на комплименты русским. В своём обычном лицемерно-торжественном тоне Вильсон провозглашал: «Верят ли нам его (русского народа.— А. Г.) нынешние лидеры или нет, но нашим сердечным желанием является отыскать путь, который дал бы нам возможность помочь народу России достигнуть того, что составляет предмет его горячих надежд — свободы и благоустроенного мира».

После вступительной части следовала изложенная в четырнадцати пунктах программа, которую Вильсон выдавал за мирную программу США.

Шестой пункт был посвящён России. Вильсон требовал очищения всех русских территорий от иностранных войск и предоставления русскому народу возможности свободно решать все внутренние проблемы. В пафосе лжи и лицемерия Вильсон так увлёкся, что бросил фразу, о которой впоследствии он должен был пожалеть. Эта фраза может служить эпиграфом к всякому исследованию об американской интервенции: «Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестёр-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими её нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций,— проверкой их разумной и бескорыстной симпатии»².

В архиве Хауза мы читаем, что пункты Вильсона были «великолепным оружием пропаганды, но не годились, чтобы служить мирной программой»³. Для этой цели несколько месяцев спустя был составлен другой документ, отнюдь не получивший столь ши-

¹ «Архив полковника Хауза», т. III, М. 1939, стр. 231—232.

² Russian-American relations, p. 71—72.

³ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 118.

рокой известности, как первый. Это был так называемый «Комментарий к четырнадцати пунктам», одобренный Вильсоном. Комментарий раскрывал подлинное содержание каждого пункта. Шестой пункт получил свой истинный смысл и стал выглядеть как программа расчленения России¹.

Правители США возлагали большие надежды на четырнадцать пунктов. На следующий день после выступления Вильсона Лансинг уже требовал от Фрэнсиса доложить о мерах, принятых для распространения четырнадцати пунктов. 12 января Фрэнсис докладывал: 100 тыс. экземпляров будет расклеено в Петрограде, распространение 800 тыс. взяла на себя Христианская ассоциация молодёжи.

Расчёты американцев не оправдались. Ленин разгадал и разоблачил планы сокрушения советской власти немецкими штыками. В статье «О революционной фразе», разоблачая предательскую политику Троцкого и Бухарина, он писал: «Взгляните на факты относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы *теперь* воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом»².

Хотя в приведённой выдержке речь идёт об англо-французах, однако с полным правом эту ленинскую характеристику империалистической политики в вопросе о выходе Советской России из войны можно отнести и к Соединённым Штатам. Правомёрность этого становится ещё более очевидной, если сравнить «Тезисы по вопросу о заключении сепаратного мира», написанные Лениным 7 (20) января 1918 г., с подготовительными набросками к этим тезисам. Параграф десятый тезисов разоблачал фальшивый довод против заключения мира, говорящий о том, что, подписывая мир, большевики якобы становятся агентами германского империализма:

«...этот довод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма...»³. В подготовительных заметках этот тезис сформулирован: «...объект[ивно] = агент Вильсона»⁴. Имя Вильсона олицетворяло для Ленина наиболее опасного врага молодого Советского государства — американский империализм.

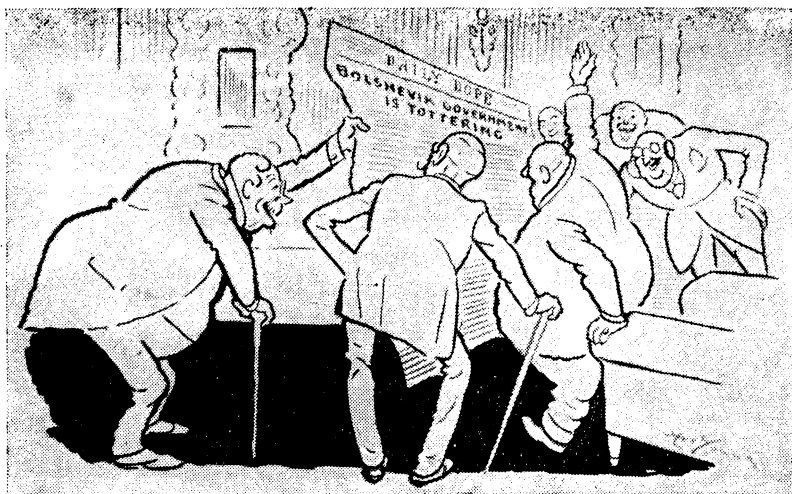
Попытка американских империалистов столкнуть Советскую Россию с кайзеровской Германией потерпела крах. Однако были

¹ Подробнее о «Комментарии к четырнадцати пунктам» см. стр. 125.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 9.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 404.

⁴ «Ленинский сборник», XI, стр. 37.

Преждевременная радость американских империалистов: газета «Новости лжи» сообщает о падении советской власти.
Карикатура из американской печати времен интервенции.

дни, когда государственным деятелям США казалось, что их планы близки к осуществлению.

10 февраля 1918 г. брестские переговоры были прерваны. Троцкий, предательски нарушив данные ему директивы, не подписал мирного договора с Германией. Одновременно он сообщил немцам, что Советская республика вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии. Это открывало немецким войскам дорогу на Петроград. 18 февраля германское командование начало наступление по всему фронту.

В эти дни, когда отряды вооружённых рабочих и крестьян сдерживали натиск врага, выявился провокационный характер широкообещательных обещаний американской «помощи». Руководители американской внешней политики и дипломатические представители США в России, ещё совсем недавно так много говорившие о помощи русскому народу, теперь вдруг совершенно замолчали об этом.

Французское посольство в Вашингтоне запросило государственный департамент, намерено ли правительство США оказать поддержку Советскому правительству деньгами и материалами. Лансинг наложил на этот документ резолюцию: «Об этом не может быть и речи»¹. Вильсон был с этим согласен.

Из России американские представители, почти не скрывая радости, сообщали о неминуемом, как им казалось, разгроме большевиков. «Немцы в семидесяти верстах от Петрограда, — писал

¹ FR. 1918, Russia, vol. I p. 383.

Фрэнсис. — Они могут быть в городе через сорок восемь часов». «Германские войска грузятся в эшелоны для занятия Москвы»¹, — телеграфировал Саммерс.

Фрэнсису чудился близкий конец советской власти, и он уже строил планы относительно нового правительства.

Ни в одной из этих телеграмм нет ни слова об оказании какой-нибудь помощи Советской России против германской агрессии. Нет этого и в документах, поступавших из Вашингтона в Петроград.

25 февраля Лансинг направляет Фрэнсису директивную телеграмму. Единственное, что его беспокоило, — это судьба архивов американского посольства и консульств. Он отдал распоряжение уничтожить эти архивы в случае невозможности их вывезти.

Фрэнсис просил не о помощи, а о военной интервенции. Не оказать поддержку русским против немецкого вторжения советовал он своему правительству, а нанести им удар в спину. Фрэнсис предлагал: американцам захватить Владивосток, англичанам и французам — Мурманск и Архангельск². 24 февраля Фрэнсис повторил своё предложение: «Я снова рекомендую занять Владивосток, Мурманск и Архангельск».

Стремясь развязать военную интервенцию, Фрэнсис передаёт Лансингу провокационное сообщение о том, что якобы 20 тыс. вооружённых немецких военнопленных захватили Иркутск. Впоследствии эта версия о немецких военнопленных, якобы хозяйничавших в Сибири, хотя и была опровергнута советскими властями, тем не менее всё же фигурировала в качестве основного предлога для высадки иностранных войск на Дальнем Востоке.

Мудрая политика Ленина и Сталина сорвала план империалистов, рассчитанный на вовлечение Советской республики в империалистическую войну. 3 марта в Бресте был подписан мирный договор между Советской Россией и Германией.

Условия договора были несправедливы и крайне тяжелы. Это был грабительский мир. Советской республике он был навязан немецкими империалистами. Однако вина за него ложилась также на англо-французскую и на американскую буржуазию. «Именно она, — писал Ленин, — спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннекционистский и насильственный Брестский мир!»³

Проблема условий мира между центральными державами и Россией обсуждалась в американских дипломатических кругах ещё задолго до его подписания. «Вопрос теперь заключается в том, — писал Лансингу Фрэнсис, — что если сепаратный мир

¹ FR, 1918, Russia, vol, I, p. 385.

² Ibid., p. 384.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 47.

нельзя предотвратить, должны ли мы помочь Советам получить наиболее благоприятные условия или искусственным невмешательством разрешить Германии продиктовать её собственные условия?»¹. Американские империалисты выбрали последний путь. Дипломаты США разделяли точку зрения русской буржуазии, считавшей, что господство немцев лучше, чем власть большевиков.

Несмотря на то, что мир был уже подписан, американские дипломатические и военные агенты не оставляли попыток вовлечь Советскую Россию в войну с Германией. Мирный договор подлежал ратификации съездом Советов, и следующей ставкой американских империалистов была попытка сорвать ратификацию. Подручными американских империалистов в этом деле оказались предатели Троцкий и Бухарин, действовавшие заодно с «левыми» и правыми эсерами.

5 марта Троцкий явно с провокационной целью заявил корреспонденту агентства «Ассошиейтед Пресс» Смигу, что Советская Россия будет вести против Германии «священную войну» совместно с США². В тот же день Троцкий вёл переговоры с английским разведчиком Локкартом и американским агентом Робинсом. Локкарту Троцкий пообещал предпринять на съезде такой шаг, который «сделает неизбежным объявление войны со стороны Германии»³. Троцкий хотел осуществить во всероссийском масштабе то, что удалось его ставленнику Юрьеву в Мурманске, — распахнуть дверь для англо-американской военной интервенции. В качестве первой меры Троцкий предлагал американцам полный контроль над Сибирской железной дорогой⁴.

Следует отметить, что американцы понимали бессилие Троцкого сделать что-либо против воли Советского правительства или без его ведома, поэтому они с большой осторожностью относились к его предложениям. Однако у Фрэнсиса всё же появилась надежда на возобновление войны. Поэтому он рекомендовал Лансину временно воздержаться от захвата Архангельска, Мурманска и Владивостока. Он высказывал даже уверенность, что съезд Советов откажется ратифицировать Брестский мир, если американское правительство опубликует заявление, гарантирующее суверенитет Советской России⁵.

В Вашингтоне разделяли мнение Фрэнсиса. 12 марта американский консул в Москве получил для передачи IV Всероссийскому съезду рабочих, крестьянских и солдатских депутатов приветственную телеграмму от президента Вильсона⁶. Целью этого приветствия было дать лишнее оружие в руки троцкистско-эсеровской клики, борющейся на съезде против ратификации мира.

¹ FR. 1918, Russia, vol. I, p. 422.

² W. H a r d, Raymond Robins' Own Story, N. Y. 1920, p. 143.

³ Russian-American relations, p. 82.

⁴ FR. 1918, Russia, vol. I, p. 394—395.

⁵ Ibid., p. 392.

⁶ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 295—296.

Одновременно с посланием Вильсона поступила телеграмма от Гомперса, преследовавшая те же цели.

Съезд Советов не дал себя обмануть посланием президента США. В ответной телеграмме, написанной Лениным, съезд обращался ко всем народам, страдавшим от ужасов империалистической войны, с выражением твёрдой уверенности в том, что недалеко то время, когда иго капитала будет свергнуто. Телеграмма Ленина была разящим ударом по лживой демагогии Вильсона.

Ленин в выступлении на съезде разоблачил провокационную политику врагов советской власти. «Буржуазия вас тянет в западню на войну,— говорил он, обращаясь к депутатам.— Не только наступать, но и отступать приходится. Это всякий солдат знает. Поймите, что буржуазия и вас и нас тянет в западню. Поймите, что вся буржуазия и все ее вольные и невольные пособники подстраивают эту западню. Вы сумеете перенести самые тяжелые поражения и самые трудные позиции сохранять и, отступая, выигрывать время. Время работает за нас»¹.

Съезд ратифицировал мирный договор. Заговор иностранных империалистов, троцкистов, бухаринцев и эсеров, направленный на срыв Брестского мира, провалился. Советская Россия вышла из империалистической войны. Заключение мира дало возможность большевистской партии укрепить советскую власть, создать Красную Армию и накопить силы для дальнейшей борьбы.

После этого политика Соединённых Штатов по отношению к Советской России принимает курс на вооружённое вмешательство. Деятельность американских представителей в России уже никак нельзя было назвать дипломатической. Фрэнсис ещё в феврале высказывал намерение принять участие в антисоветском мятеже². Он выполнил своё желание в Архангельске. Саммерс и Пуль стали участниками контрреволюционного заговора в Москве. Робинса, который был противником вооружённой интервенции, государственный департамент поспешил отозвать в Америку. Борьба США против Советской России вступила в новую фазу, фазу открытого военного нападения на нашу страну.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 171—172.

² 23 февраля 1918 г. Фрэнсис писал сыну: «...сепаратный мир будет жестоким ударом для союзников, и если только какая-либо область России откажется признать власть большевистского правительства в заключении такого мира, я буду стараться поселиться в этой области и поощрять мятеж».

D. Francis, Russia from the American Embassy, N. Y. 1920, p. 236.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ США НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1. Роль США в разжигании военного конфликта

Обращаясь к народу 2 сентября 1945 г., товарищ Сталин говорил: «В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединённых Штатов Америки и опираясь на них,— вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток»¹. Это указание товарища Сталина о том, что Япония совершила нападение на Советскую Россию в 1918 г., опираясь на Англию, Францию и США, служит путеводной нитью для историка, изучающего интервенцию на Дальнем Востоке.

В плане заключительного слова по докладу «О войне и мире» на VII съезде партии, 8 марта 1918 г., Ленин писал: «Новая ситуация: Япония наступать хочет: «ситуация» архи-сложная... отступать здесь с д[о]г[ово]ром, там без дог[ово]ра»².

В дальнейшем, объясняя задержку японского выступления, Ленин как на одну из причин этой задержки указывал на противоречия между США и Японией. Однако Ленин всегда подчёркивал возможность сделки между империалистами этих стран для совместной борьбы против советской власти: «Американская буржуазия может стакнуться с японской...»³. В докладе Ленина о внешней политике на объединённом заседании ВЦИК и Московского Совета содержится глубокий анализ американско-японских империалистических противоречий. Этот анализ заканчивается предупреждением о том, что возможность сговора между американской и японской буржуазией представляет реальную угрозу для Страны Советов. «Вся дипломатическая и экономическая исто-

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1947 г., стр. 205.

² «Ленинский сборник», XI, стр. 65.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 326.

рия Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну ...мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой»¹.

Такой искрой явилось возобновление военных действий на Восточном фронте и германское наступление против Советской республики в конце февраля 1918 г.

В эти тревожные для русского народа дни империалисты разработали коварный план удушения социалистического государства. Маршал Фош в интервью с представителем газеты «Нью-Йорк Таймс» сформулировал его следующим образом: Германия захватывает Россию; Америка и Япония должны немедленно выступить и встретить немцев в Сибири².

Этот план был предан гласности французским маршалом. Однако авторы его и главные исполнители находились в Соединённых Штатах. Перспектива сокрушения советской власти комбинированным ударом с запада и востока была столь заманчивой, что Вильсон начал развязывать японскую интервенцию, торжественно заверяя в то же время в своих «дружеских чувствах» к русскому народу.

В 1921 г. Лансинг составил записку, излагающую историю американо-японских переговоров об интервенции. Он писал её для себя и потому не облакал мысли в витиеватые и двусмысленные дипломатические формулы. Многое в этой записке названо своими именами. Относительно позиции США в конце февраля 1918 г. там сказано: «То, что Япония пошлёт войска во Владивосток и Харбин, казалось одобренным фактом»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 332 (разрядка моя.— А. Г.).

История новейшего времени содержит поучительные примеры того, что антагонизм между империалистскими державами не является помехой для развёртывания антисоветской агрессии. Так было и в годы гражданской войны, так было в дни Мюнхена.

² New York Times, 1918, Febr. 26.

³ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 394.

В Вашингтоне в дни немецкого наступления на Петроград считали, что власти большевиков приходит конец. Поэтому решено было устранить возможные недоразумения и информировать союзные державы о согласии США на японское вооружённое выступление против Советской России.

18 февраля, в тот день, когда германские дивизии начали своё движение на Петроград, в Верховном совете Антанты был поднят вопрос о посылке иностранных войск на Дальний Восток. Инициатива его обсуждения принадлежала американскому представителю генералу Блисссу. Было решено предоставить Японии свободу действий против Советской России.

Генерал Блисс, который подписал документ, развязывавший руки японцам, действовал как официальный представитель Соединённых Штатов. Его действия получили полное одобрение американского правительства.

В конце февраля в Вашингтоне стало известным, что Япония закончила последние приготовления, и её войска готовы к вторжению на Дальний Восток. Государственные деятели США начинают форсировать события.

27 февраля Лансинг беседовал с французским послом. Посол сообщил ему, что японское правительство намеревается, начав интервенцию на Дальнем Востоке, расширить военные операции вплоть до Уральского хребта. Лансинг ответил, что правительство США не примет участия в интервенции, однако против японской экспедиции возражать не будет. В тот же день Лансинг особым письмом доложил об этом Вильсону. Обращая особое внимание на обещание японцев наступать до Урала, он писал:

«Поскольку это затрагивает наше правительство, то мне кажется, что всё, что от нас потребуется, это создание практической уверенности в том, что с нашей стороны не последует протеста против этого шага Японии»¹.

Для того чтобы создать эту «практическую уверенность», Вильсон решил отправить в Японию меморандум об отношении США к интервенции. В меморандуме чёрным по белому было написано, что правительство Соединённых Штатов даёт своё согласие на высадку японских войск на Дальнем Востоке. На языке Вильсона это звучало следующим образом: «Правительство США не считает разумным объединяться с правительствами Антанты в просьбе к японскому правительству выступить в Сибири. Оно не имеет возражений против того, чтобы просьба эта была принесена, и оно готово уверить японское правительство, что оно вполне доверяет ему в том отношении, что, вводя вооружённые силы в Сибирь, Япония действует в качестве союзника России, не имея никакой иной цели, кроме спасения Сибири от вторжения армий Германии и от германских интриг, и с полным желанием предоставить разрешение всех вопросов, которые могут воздействовать

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 355.

на неизменные судьбы Сибири, мирной конференции»¹. Последняя оговорка, а именно тот факт, что дальнейшее решение судьбы Сибири Вильсон намеревался предоставить международной конференции, свидетельствовала о том, что США собирались использовать Японию на Дальнем Востоке лишь в качестве жандарма, который должен был уйти, исполнив своё дело. Япония, как известно, рассматривала свою роль в Азии несколько иначе.

Совместные действия против большевиков отнюдь не снимали японо-американского соперничества. Наоборот, борьба за новые «сферы влияния» (именно такой рисовалась американцам будущая Россия) должна была его усилить. Перспектива захвата Сибири сильной японской армией вызывала у военных руководителей США невольный вопрос: каким образом удастся выдворить эту армию из областей, на которые претендовали американские капиталисты. «Я часто думаю,— писал генерал Блисс начальнику американского генерального штаба Марчу,— что эта война вместо того, чтобы быть последней, явится причиной ещё одной. Японская интервенция открывает путь, по которому придёт новая война»². Это писалось как раз в те дни, когда США начали провоцировать Японию на военное выступление против Советской России. Вопрос о японской интервенции являлся, таким образом, для американских политиков в известной мере проблемой будущей войны с Японией. Интересы «священной частной собственности», ненависть к Советскому государству объединили на время усилия двух империалистических хищников. Более осторожный толкал на опасную авантюру своего ослеплённого жадностью собрата, не забывая, однако, о неизбежности их будущего столкновения, быть может, даже в расчёте на это столкновение.

Составитель архива Хауза постарался создать впечатление, будто февральский меморандум был написан Вильсоном «под непрерывным давлением со стороны французов и англичан» и являлся в биографии президента чем-то вроде досадного недоразумения, проявления слабости и т. п. Изучение документов Лансинга даёт возможность сделать иное заключение: это был один из немногих случаев, когда Вильсон в стремлении форсировать события выражался более или менее откровенно.

1 марта заместитель Лансинга Полк пригласил в государственный департамент послов Англии и Франции и ознакомил их с текстом меморандума. Английскому послу было даже разрешено снять копию. Это означало, в силу существовавшего тогда англо-японского союза, что текст меморандума станет немедленно известен и в Токио. Так без официального дипломатического акта вручения ноты США довели до сведения японского правительства свою точку зрения. Теперь с отправкой меморандума можно было не спешить, тем более что из России поступали весьма неприят-

¹ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 294.

² P. C. March, *Nation at war*, N. Y. 1932, p. 115.

ные для империалистов США сведения о возможности подписания мира с немцами.

Через четыре дня, 5 марта, Вильсон вызвал к себе Полка (Лансинг был в то время в отпуске) и вручил ему для немедленной отправки в Токио изменённый вариант меморандума. Полк прочитал его и изумился: вместо согласия на японскую интервенцию в ноте содержались возражения против неё. Однако, поговорив с президентом, Полк успокоился. Своё впечатление, вынесенное из разговора с Вильсоном, Полк изложил в письме к Лансингу: «Это изменение нашей позиции, однако я не думаю, что это существенно повлияет на ситуацию. Я слегка возражал ему (Вильсону.— А. Г.), но он сказал, что продумал это и чувствует, что второе заявление абсолютно необходимо...»

Я не думаю, что японцы будут вполне довольны, однако наша нота не является протестом: они могут воспринять её просто как совет, выступить и делать всё, что им угодно»¹.

Относительно мотивов, определивших замену нот, не приходится гадать. Не столько вмешательство Хауза (как это можно вынести из чтения его «Архива») повлияло на Вильсона, сколько телеграмма о подписании Брестского мира, полученная в Вашингтоне вечером 4 марта. Заключение мира между Германией и Советской Россией смешало все карты Вильсона. Немцы остановились, останавливать японцев Вильсон не собирался, однако для него было очень важно скрыть свою роль в развязывании японской интервенции, поскольку предстояло опять разыгрывать из себя «друга» русского народа и снова добиваться вовлечения России в войну с Германией². Японцы знали от англичан истин-

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 256 (разрядка моя.— А. Г.).

² Не прошло и недели, как Вильсон обратился с «приветственной» телеграммой к IV съезду Советов с намерением воспрепятствовать ратификации Брестского мира. Это было 11 марта 1918 г. В тот же день государственный департамент направил Фрэнсису — для ознакомления Советского правительства неофициальным путём — текст меморандума, вручённого 5 марта японскому правительству, а также представителям Англии, Франции и Италии. Интересно, что на копии, посланной в Россию, в качестве даты написания документа было поставлено «3 марта 1918 г.». В американской правительственной публикации утверждается, что это было сделано «ошибочно». Зная методы государственного департамента, можно утверждать, что эта «ошибка» была сделана умышленно, с провокационной целью. Для такого предположения имеются достаточные основания. Государственный департамент направил копию меморандума в Россию для того, чтобы ввести в заблуждение Советское правительство, показать США «противником» японской интервенции. Замена даты 5 марта на 3 марта могла сделать документ более «убедительным»: 3 марта в Вашингтоне ещё не знали о подписании Брестского мира, следовательно, меморандум, составленный в этот день, не мог явиться следствием выхода Советской России из империалистической войны, а якобы «отражал демократическую позицию» Соединённых Штатов. Несмотря на всеухищрения Вильсона, планы американских империалистов постиг позорный провал: Брестский мир был ратифицирован, Советская Россия вышла из империалистической войны.

ную позицию США. Поэтому, полагал Вильсон, они не сделают неверных выводов, даже получив ноту, в которой содержится противоположное тому, что им было известно. А в случае проникновения сведений в печать позиция Соединённых Штатов будет выглядеть как «вполне демократическая». Вильсон решился на дипломатический подлог. «При чтении,— писал Полк Лансину,— вы, вероятно, увидите, что повлияло на него, а именно соображения относительно того, как будет выглядеть позиция нашего правительства в глазах демократических народов мира»¹.

Как и следовало ожидать, японцы поняли Вильсона. Зная текст первого варианта меморандума, они могли безошибочно читать между строк второго. Министр иностранных дел Японии Мотоно, ознакомившись с нотой США, заявил не без иронии американскому послу Моррису, что он «высоко оценивает искренность и дружеский дух меморандума». Японский поверенный в делах, посетивший Полка, выразил ему «полное удовлетворение тем путём, который избрал государственный департамент»².

Наконец, 19 марта Моррису был вручён официальный ответ японского правительства на меморандум США. По своей казуистике и лицемерию японская нота не уступала вильсоновским документам. Министрство иностранных дел Японии выражало полное удовлетворение по поводу американского заявления и снова ехидно благодарило за «абсолютную искренность, с которой американское правительство изложило свои взгляды». С невинным видом японцы заявляли, что идея интервенции родилась не у них, а была предложена им правительствами стран Антанты. Что касается существа вопроса, то, с одной стороны, японское правительство намеревалось в случае обострения положения на Дальнем Востоке выступить в целях «самозащиты», а с другой стороны, в японской ноте содержалась обещание, что ни один шаг не будет предпринят без согласия США.

Лансину тон ответа, вероятно, показался недостаточно решительным для японцев, он решил подтолкнуть их на более активные действия против Советской России. Через несколько часов после получения японской ноты, Лансинг уже телеграфировал в Токио Моррису: «Воспользуйтесь, пожалуйста, первой подходящей возможностью и скажите конфиденциально

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 356. Махинации Вильсона ввели в заблуждение современное ему общественное мнение Америки и даже некоторых историков. В своё время ни текст обоих вариантов меморандума, ни даже сам факт его вручения не были преданы гласности. В газетах о позиции США в отношении японской интервенции появлялись противоречивые сообщения. Только через два года журналист Линкольн Колькорд опубликовал текст «секретного» американского меморандума, отправленного 5 марта 1918 г. в Японию. (Журн. «The Nation», 1920, Febr. 21.) Вопрос казался выясненным окончательно. Лишь много лет спустя было опубликовано «второе дно» меморандума — его первый вариант.

² FR. 1918, Russia, vol. II, p. 69.

министру иностранных дел, что наше правительство надеется самым серьёзным образом на понимание японским правительством того обстоятельства, что наша позиция в отношении посылки японских экспедиционных сил в Сибирь никоим образом не обосновывается на подозрении по поводу мотивов, которые заставят японское правительство совершить эту акцию, когда окажется уместным. Наоборот, у нас есть внутренняя вера в лояльность Японии по отношению к общему делу и в её искреннее стремление бескорыстно принимать участие в настоящей войне.

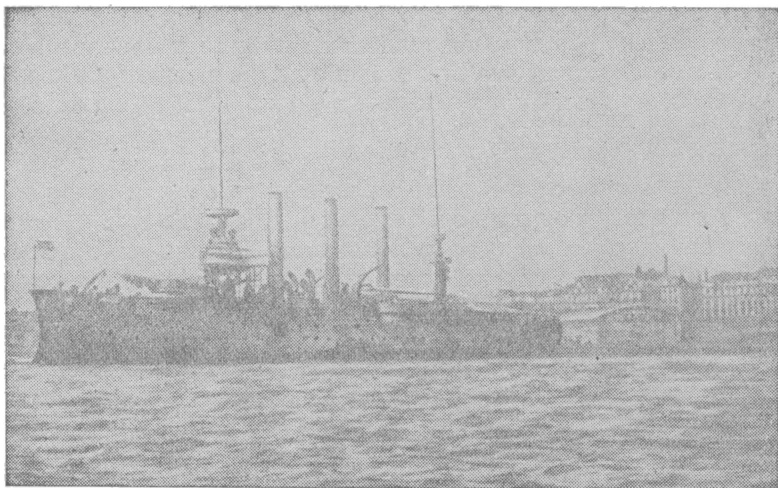
Позиция нашего правительства определяется следующими фактами: во-первых, информация, поступившая к нам из различных источников, даёт нам возможность сделать вывод, что эта акция вызовет отрицательную моральную реакцию русского народа и несомненно послужит на пользу Германии; во-вторых, сведения, которыми мы располагаем, недостаточны, чтобы показать, что военный успех такой акции будет достаточно велик, чтобы покрыть моральный ущерб, который она повлечёт за собой»¹.

Этот циничный документ в обычной для американской дипломатии казуистической форме выражал следующую мысль: США не будут возражать против интервенции, если они получат заверение от японцев в том, что последние нанесут Советской России тщательно подготовленный удар, достаточно сильный, чтобы сокрушить власть большевиков. Государственный департамент активно развязывал японскую интервенцию. Лансинг спешил предупредить Токио, что США не только поддерживают план японского вторжения на Дальний Восток, но даже настаивают на том, чтобы оно носило характер смертельного удара для Советской республики. Это была обычная для США установка на ведение войны чужими руками, на втягивание в военный конфликт своего соперника. Возможно, что здесь имел место также расчёт и на будущее: в случае провала антисоветской интервенции добиться, по крайней мере, ослабления и компрометации Японии. Однако пока что государственный департамент и японская военщина выступали в трогательном единении.

Тем временем во Владивостоке происходили события, свидетельствовавшие не менее ярко об истинном отношении США к подготовке японского десанта.

12 января во Владивостокском порту встал на якорь японский крейсер «Ивами». Военные судна Антанты (в том числе и американский крейсер «Бруклин») заходили во Владивосток-

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 82 (разрядка моя.— А. Г.).

Американское военное судно «Бруклин» во Владивостоке.

ский порт и раньше¹. Однако на этот раз это была явная и прямая подготовка к агрессивным действиям.

Пытаясь сгладить впечатление от этого незаконного акта, японский консул выступил с заявлением, что его правительство послало военный корабль «исключительно с целью защиты своих подданных».

Владивостокский Совет заявил решительный протест против вторжения японского военного корабля в русский порт. Относительно того, что крейсер «Ивами» послан для защиты японских подданных, Совет заявил следующее: «Защита всех жителей, проживающих на территории Российской республики, является прямой обязанностью российских властей, и мы должны засвидетельствовать, что за 10 месяцев революции порядок в городе Владивостоке не был нарушен»².

Адвокатами японской агрессии выступили американский и английский консулы. 16 января они направили в земскую управу письмо, в котором говорилось по поводу протеста местных властей: «Утверждение, содержащееся в заявлении, относительно того, что общественный порядок во Владивостоке до сих пор не

¹ «Бруклин» появился во Владивостокском порту 24 ноября 1917 г.— накануне выборов в Учредительное собрание. Американские пушки, направленные на город, должны были предрешить исход выборов в пользу буржуазных партий. Тем не менее этот агрессивный демарш не дал желаемых результатов: по количеству поданных голосов большевики оказались сильнейшей политической партией во Владивостоке.

² «Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1918, 4 (17) января.

был нарушен, мы признаём правильным. Но с другой стороны, мы считаем, что как в отношении чувства неуверенности у стран, имеющих здесь значительные материальные интересы, так и в отношении того направления, в котором могут развиваться события в этом районе, политическая ситуация в настоящий момент даёт право правительствам союзных стран, включая Японию, принять предохранительные меры, которые они сочтут необходимыми для защиты своих интересов, если последним будет грозить явная опасность»¹.

Таким образом, американский и английский консулы развязали руки японской военщине для захватнических действий. За месяц до того, как Вильсон составил свой первый меморандум об отношении к интервенции, американский представитель во Владивостоке принял активное участие в подготовке японской провокации.

Задача консулов заключалась теперь в том, чтобы создать картину «нарушения общественного порядка» во Владивостоке, «слабости местных властей» и «необходимости интервенции». Для этого по всякому поводу, даже по самому незначительному, иностранные консулы обращались в земскую управу с протестующими письмами. Они придирались даже к мелким уголовным правонарушениям, нередким в большом портовом городе, изображая их в виде событий величайшей важности, требующих иностранного вооружённого вмешательства.

В начале февраля во Владивостоке состоялось совещание представителей иностранной буржуазии совместно с консулами. На совещании обсуждался вопрос о борьбе с «анархией». Затем последовали протесты консульского корпуса против ликвидации буржуазного самоуправления в городе, против рабочего контроля за деятельностью порта и таможни, против действий Красной гвардии и т. п.².

Американский консул открыто выступал против мероприятий советских властей и грозил применением вооружённой силы. К этому времени во Владивостокском порту находилось уже четыре иностранных военных корабля: американский, английский и два японских.

Трудящиеся массы Владивостока с возмущением следили за провокационными действиями иностранных консулов и были полны решимости с оружием в руках защищать советскую власть. На общем собрании Владивостокского Совета решено было заявить о готовности оказать вооружённое сопротивление иностранной агрессии. Дальневосточный краевой комитет Советов отверг протесты консулов как совершенно необоснованные и как явное вмешательство во внутренние дела края.

¹ Japanese aggression in the Russian Far East. Extracts from the Congressional record. March. 2, 1922. W. 1922, p. 7.

² «Голос Приморья», 6 марта 1918 г.

29 марта эсеров-меньшевистская Владивостокская городская дума опубликовала провокационное заявление. В этом заявлении, полном клеветнических нападок на Совет, дума заявляла о своём бессилии поддерживать порядок в городе. Это был документ, специально рассчитанный на создание повода для высадки иностранного десанта. Атмосфера в городе накалялась. «Владивосток буквально на вулкане», — сообщал за границу один из белогвардейцев¹.

Японские войска высадились во Владивостоке 5 апреля 1918 г. В этот же день был высажен английский десант. Одновременно с высадкой иностранных войск начал из Маньчжурии своё новое наступление на Читу банда Семёнов. Всё это свидетельствовало о предварительном сговоре, о согласованности действий всех контрреволюционных сил на Дальнем Востоке.

Поводом для выступления японцев послужило, как известно, провокационное убийство японских подданных во Владивостоке. Несмотря на то, что это была явная провокация, руководители американской внешней политики ухватились за неё, чтобы «оправдать» действия японцев и уменьшить «отрицательную моральную реакцию» в России. Живая японская версия была усилена в Вашингтоне и немедленно передана в Вологду послу Фрэнсису.

Американский консул во Владивостоке передал по телеграфу в государственный департамент: «Пять вооружённых русских вошли в японскую контору в центре города, потребовали денег. Получив отказ, стреляли в трёх японцев, одного убили и других серьёзно ранили». Лансинг внёс в это сообщение свои коррективы, после чего оно выглядело следующим образом: «Пять русских солдат вошли в японскую контору во Владивостоке и потребовали денег. Ввиду отказа убили трёх японцев»². В редакции Лансинга ответственность за инцидент ложилась на русскую армию.

Американские дипломаты прилагали все усилия, чтобы изобразить японское вторжение в советский город, как незначительный эпизод, которому не следует придавать серьёзного значения. Именно так пытался изложить дело американский консул представителям Владивостокского Совета. Американский консул действовал заодно с японским. 8 апреля они совместно с другими иностранными представителями вручили председателю Приморской земской управы заявление, в котором утверждалось, что японский десант, якобы, не является вмешательством во внутренние дела России, а агрессивные действия Японии объявлялись «вынужденными»³.

Однако американским дипломатам не удалось ввести в заблуждение Советское правительство.

¹ «Красный архив», 1928, т. 4 (29), стр. 111.

² FR. 1918. Russia, vol. II, pp. 99—100.

³ Бюллетень № 2 Приморской областной земской управы, 9 апреля 1918 г.

7 апреля Ленин и Сталин отправили во Владивосток директивную телеграмму городскому Совету. «Не делайте себе иллюзий,— говорилось в телеграмме,— японцы наверняка будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники»¹. Последующие события оправдали прогноз Ленина и Сталина.

Советская печать правильно оценила роль Соединённых Штатов в развязывании японского выступления. «Известия» в статье с подзаголовком «Наконец разоблачились» показали причастность США к японскому десанту.

В обзоре печати, посвящённом событиям на Дальнем Востоке, приводились откровенные высказывания американских должностных лиц: «Представитель американского дипломатического корпуса заявил:

«Нас, американцев, сибирские общественные круги обвиняют в том, что мы будто бы связываем руки японцам и способствуем торжественному шествию большевизма. Дело обстоит, конечно, не так»².

Японский десант был первым актом вооружённой иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Её вторым актом был инспирированный англо-франко-американскими империалистами мятеж чехословаков.

2. Мятеж чехословацкого корпуса и США

В годы первой мировой войны на Восточном фронте в плен к русским сдалось большое количество чехов и словаков — солдат австрийской армии, не желавших воевать за габсбургскую монархию. Ещё при царе было начато формирование из военнопленных чехословаков воинских частей. Эти части предназначались для использования в войне с Австрией и Германией. К моменту социалистической революции в России существовало мощное воинское соединение чехословацких войск, насчитывавшее около 60 тыс. хорошо вооружённых солдат. В Петрограде, Москве и Киеве существовали отделения чехословацкого «Национального совета», созданного в Париже Массариком и имевшего свои отделения во всех государствах Антанты.

Подготавливая вооружённую интервенцию против советской власти, империалисты незамедлительно остановили свой выбор на чехословацком корпусе как на наиболее надёжной военной силе, находившейся внутри России. Им удалось довольно быстро стоговариться с лидерами «Национального совета» относительно выступления чехословацких войск. Этот вопрос подробно обсуждался на секретном совещании представителей Антанты с чехо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 199.

² «Известия», 10 апреля 1918 г.

словацкими руководителями и русской белогвардейщиной, со-
званном в Яссах в ноябре 1917 г.

Как только был подписан Брестский мир, державы Антанты поставили перед Советским правительством вопрос об эвакуации чехов из России. При этом представители Антанты настаивали на том, чтобы эвакуация производилась не через Мурманск, а через Владивосток.

План империалистов состоял в том, чтобы растянуть эшелоны с чехословацкими войсками по дорогам Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, занять таким образом всю Сибирскую железно-
дорожную магистраль.

Советское правительство разрешило чехословацкому корпусу покинуть пределы России через Владивосток, однако обусловило это разрешение категорическим требованием полного разоружения войск и устранения контрреволюционного командного состава. Советское правительство предвидело, что такая крупная и хорошо вооружённая сила, какую представлял собой чехословацкий корпус, может в процессе передвижения по стране быть использована в интересах контрреволюционных действий Антанты. Поэтому, согласно требованию Советского правительства, чехословаки, должны были передвигаться во Владивосток как группы свободных граждан, имевшие при себе лишь минимальное количество оружия (168 винтовок на эшелон) для самозащиты.

Однако командование чехословацкого корпуса нарушило эти условия. Была сдана лишь часть оружия, а основная его масса оставалась либо спрятанной под обшивкой вагонов, либо сохранялась в разобранном виде.

Разоружение чехословацких эшелонов по пути следования в значительной мере было сорвано вследствие предательства Троцкого и его приспешников. По распоряжению Троцкого, с ряда важных узловых станций были отведены наиболее стойкие красногвардейские отряды. Контрреволюционное чехословацкое офицерство получило возможность действовать беспрепятственно.

Движение эшелонов с чехословацкими воинскими частями по железнодорожным линиям, ведущим к Тихому океану, началось с конца марта 1918 г.

В начале апреля 1918 г. в здании французского посольства в Москве состоялось совещание военных представителей Антанты с участием белогвардейских генералов. На этом совещании обсуждался вопрос о подготовке контрреволюционного выступления чехословацких войск. На последовавших затем совещаниях представителей Антанты, чехословаков и белогвардейцев был выработан план мятежа.

Большое значение использованию чехословаков для борьбы против Советской России придавали Соединённые Штаты. Ещё в марте 1918 г. Лансинг поручил Моррису войти в контакт с Мас-

сариком и подробно сообщить государственному департаменту о его взглядах на положение в России и на возможность организации в России контрреволюционного выступления¹.

В середине мая Массарик прибыл в Вашингтон и затем в течение всего лета работал в непосредственном контакте с государственным департаментом, послушно выполняя волю американских империалистов. Тесные связи Массарика с государственными деятелями США признают даже американские историки².

На Дальнем Востоке американские агенты развивали бешеную антисоветскую деятельность. В апреле во Владивостоке был раскрыт контрреволюционный заговор, имевший своей целью свержение советской власти, отторжение Сибири и Дальнего Востока от России и установление там полуколониального режима под протекторатом США. К роли марионеточного «правительства» будущей американской вотчины готовила себя контрреволюционная организация, возглавляемая эсером Дербером. Эта подпольная шпионская группа уже именовала себя «Временное правительство автономной Сибири».

В печати был опубликован программный документ дерберовского «правительства». В этом документе эсеры обращались к США с просьбой начать военную интервенцию. Они предлагали американцам взять на себя управление Сибирской и Китайско-Восточной дорогами, а также послать войска для захвата Владивостока, Приморья и Забайкалья вплоть до Иркутска. О том, что заговорщики действовали в контакте с чехословацким командованием, говорит тот факт, что после переворота во Владивостоке, произведённого чехословаками, «власть» в городе была передана Дерберу.

При обыске у одного из членов «сибирского правительства» были найдены документы, изобличившие участие в контрреволюционном заговоре иностранных консулов и командующего Тихоокеанской эскадрой США адмирала Найта.

Советское правительство препроводило компрометирующие документы правительству США и предложило немедленно отозвать американского консула во Владивостоке, назначить расследование о причастности американских дипломатических представителей к контрреволюционному заговору, а также выяснить отношение правительства США к Советскому правительству и ко всем попыткам официальных американских представителей вмешиваться во внутреннюю жизнь России³. В этой ноте нашла выражение твёрдая решимость Советского правительства пресечь всякое вмешательство во внутреннюю жизнь страны, а также последовательное стремление к мирному урегулирова-

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 92.

² L. Strachovsky, Die diplomatischen Verhandlungen zur amerikanischen Intervention in Sibirien. 1918—1920. В книге «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1938, S. 222.

³ Russian-American relations, p. 197.

нию отношений с иностранными державами. Однако это менее всего входило в расчёты американского правительства. Соединённые Штаты всё более стремительно развязывали военный конфликт. Основная ставка была на чехов.

К этому моменту фактически уже всё было готово для осуществления плана мятежа. На узловых станциях на протяжении всего пути от Пензы до Владивостока растянулось свыше 60 поездов с чехами. С конца апреля во Владивостоке начали скапливаться прибывавшие туда головные чехословацкие эшелоны. Отправлять их дальше по морю империалисты не собирались.

В мае 1918 г. чехословацкие части занимали район Пензы и Сызрани. Другая группа чехословацких войск сконцентрировалась в районе Челябинска. Между Курганом и Иркутском находились части под командованием Гайды. Крупная группировка чехословацких войск, насчитывавших 14 тыс. чел., во главе с генералом Дитерихсом, оказалась в районе Владивостока. Штаб корпуса и «Национальный совет» находились в Челябинске. Исходные позиции были заняты.

17 мая в Челябинске произошло первое открытое выступление чехословаков против советской власти. 25 мая мятежники овладели Марьинском. Эта дата считается началом мятежа.

28 мая был захвачен Нижнеудинск, а на следующий день — Канск и Пенза, 31 мая — Петропавловск и Томск. В первых числах июня мятежники захватили Курган, Омск и Самару.

Чехословацкий мятеж ширился при прямой поддержке американских империалистов.

3 июня Фрэнсис телеграфировал государственному департаменту: «Необходимо предотвратить разоружение чехословаков... Следует сообщить Советскому правительству, что подобный акт будет рассматриваться как враждебные в отношении союзников действия»¹. День спустя Фрэнсис писал: «Я намереваюсь, если возможно, предотвратить разоружение 40 тыс. или более чехословаков, которым Советское правительство приказало сдать оружие». В тот же день 4 июня правительства США и Антанты вручили Советскому правительству ноту, в которой содержался протест против разоружения чехословаков. Народный комиссар иностранных дел в своём ответе на ноту указывал, что поводом к разоружению чехословаков послужили их собственные действия. В ноте Советского правительства были изложены факты, свидетельствовавшие о бесчинствах чехословаков на территории Советской республики, о зверских расправах с представителями советской власти и гражданским населением².

США рассматривали мятеж чехословаков как прямую и непосредственную подготовку к иностранному вторжению в пределы

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 188.

² «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 2, М. 1926, стр. 144—146.

Советской России. Консул Пуль называл чехов «авангардом союзнического выступления», считая основной их задачей захват и удержание наиболее важных стратегических пунктов. Поэтому он всячески толкал руководителей мятежа к более активным действиям: «Известите конфиденциально,— телеграфировал Пуль консулу США в Омск,— командование чехословаков, что союзники, с политической точки зрения, будут рады сохранению ими (чехословаками) теперешнего положения. С другой стороны, союзники не будут препятствовать, если возникнет необходимость в военных действиях. Ранее всего необходимо обеспечить контроль над Сибирской железной дорогой и, если возможно, сохранить господство над территорией, где они находятся»¹.

Вильсон возлагал большие надежды на чехов: «этот народ,— писал он Лансину,— двоюродные братья русских». Президент США явно рассчитывал на то, что интервенция, осуществлённая при участии чехословаков, не будет выглядеть, как иноземное вторжение. «Я не писал в последнее время потому,— сообщал он Хаузу,— что «потею кровью» над вопросом, что следует делать в России. При моём прикосновении он ускользает, как ртуть. Но я надеюсь, что вскоре могу сообщить о некоторых успехах как в отношении экономической помощи, так и помощи чехословакам»².

Вильсон предоставил чехам заём в сумме 12 млн. долларов. Американское правительство оказывало большую материальную помощь чехословакам. Оно направило в Сибирь вооружение и боеприпасы. Имеются документальные данные о посылке 100 тыс. винтовок, 100 пулемётов, около 5 млн. патронов, а также орудий, снарядов, обуви, обмундирования и запасных частей к вооружению³.

Весьма активную деятельность по оказанию помощи чехословакам развернули ассоциация Христианской молодёжи и американский Красный крест. При посредничестве последнего в Сибирь было отправлено 150 тыс. пар обуви и 70 тыс. комплектов тёплого обмундирования.

«Для нас выписали вооружение, снаряжение, бельё и обувь из Америки»,— передавал по прямому проводу Дитерихс Гайде.

По распоряжению Вильсона был создан специальный комитет для организации помощи чехословакам. В функции комитета входило приобретение, перевозка и распределение снабжения для них.

Раздувая чехословацкий мятеж, американские империалисты проводили одновременно деятельную подготовку к организации вторжения в Советскую Россию. 29 мая Фрэнсис в телеграмме, посланной в Вашингтон, истерически настаивал на осуществле-

¹ C. W. Ackerman, Trailing the Bolsheviks, N. Y. 1919, p. 134.

² R. S. Baker, Woodrow Wilson. Life and letters, N. Y. 1939. vol. VIII, p. 266.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 25, л. 13.

нии интервенции. Это не мешало ему, однако, одновременно выступать в советской прессе с лицемерными заверениями в том, что США не намерены вмешиваться во внутренние дела России. Американское правительство уже подыскивало командующего экспедиционными войсками, предназначенными для Сибири. Начальник генерального штаба Марч ещё в мае заявил генералу Грэвсу: «Если кому и надо ехать в Россию, так это вам».

4 июня Лансинг известил Фрэнсиса о том, что департамент тщательно изучает его предложение относительно интервенции в Сибири и хотел бы получить конкретные данные о плане действий. Лансинг интересовался также условия, в которых будут протекать военные действия и предполагаемое отношение населения к интервенции.

По расчётам правительства США уже приближался тот момент, когда окажется возможным высадить свои войска на востоке России. Внутри США велась деятельная «подготовка» общественного мнения. Писались статьи, произносились речи о необходимости перейти к активным формам борьбы против большевиков. 9 июня 1918 г. в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья сенатора Поиндекстера, призывавшая правительство действовать без промедления. «Россия — только географическое понятие», — разглагольствовал этот интервенционист. А стало быть, резюмировал он, её богатства подлежат разделу. Кому же, как не США, воспользоваться столь благоприятной возможностью приумножить свои капиталы. «Зависимость союзников от американской помощи даёт возможность США контролировать политику, проводимую в России странами Антанты»¹.

С трибуны конгресса неслись требования об усилении борьбы против советской власти. Сенатор Шерман, выступая 20 июня 1918 г. на заседании сената, настаивал на решительных действиях, рисовал заманчивые картины наживы: «Сибирь, — говорил Шерман, — это хлебное поле и пастбища для скота, столь же ценные, как и её минеральные ресурсы... США являются наиболее подходящей страной для решения русского вопроса»².

Сенатором Кингом была предложена для передачи в комиссию по иностранным делам резолюция об отправке Соединёнными Штатами экспедиционных сил в Россию. С требованием немедленных действий в Сибири выступил 24 июня депутат Фесс.

Нью-йоркский корреспондент газеты «Тан» сообщал, что американский сенат, вотируя кредиты на армию, обсуждал вопрос о союзном вмешательстве в Сибири, причём все ораторы высказывались в его пользу. А уже 29 июня в сенате был рассмотрен законопроект о формировании в США «русского легиона» из проживающих там русских и об отправке его в Россию для борьбы с большевиками.

¹ Congressional Record, vol. 56, pt. 2, p. 11177.

² Congressional Record, vol. 56, pt. 8, p. 8064.

Особой враждебностью отличалось выступление в конгрессе депутата Хелма, настаивавшего на помощи контрреволюционерам. Он зачитал две статьи из «Вашингтон Пост». В одной из них указывалось на необходимость использования чехословаков, составивших против советской власти, в качестве ядра, вокруг которого соберутся русские контрреволюционные силы.

Все антисоветские элементы с надеждой обращали свои взоры к американскому правительству. «Посол» Бахметьев услужливо передавал государственному департаменту резолюции различных контрреволюционных партий, просивших скорейшего осуществления интервенции в России. Дипломатические представители США в России также охотно пересылали в Вашингтон подобные обращения.

К Вильсону обращались все, у кого были основания ожидать от него помощи. Имеется небезынтересный рассказ о посещении президента организатором и командиром женского «батальона смерти» белогвардейкой Бочкарёвой. Она на коленях умоляла американского президента о помощи в борьбе против большевиков. «Слёзы струились из глаз президента,— вспоминает растроганный биограф Вильсона Бейкер,— и он уверял её в своём сочувствии»¹.

Эта столь сильно взволновавшая и растрогавшая американского президента особа выступила перед сенатом с часовой речью. Бочкарёву, буквально исходившую истерической ненавистью к большевикам, обласкали, как могли.

Готовя высадку своих войск во Владивостоке, американцы ждали того момента, когда начнутся активные действия Владивостокской группы чехословаков. Эта группа численностью в 14 тыс. человек представляла собой, как уже указывалось, скопление головных эшелонов чехословацкого корпуса.

Государственный департамент проявлял к этим войскам повышенный интерес. Лансинг требовал о них полной информации: «Сообщите полностью следующие данные,— предлагал он консулу во Владивостоке Колдуэллу: — 1) общее количество чехословаков во Владивостоке; 2) число вооружённых ружьями; 3) характер и количество других видов оружия, включая пулемёты и т. д.; 4) количество имеющегося у них снаряжения; 5) имеются ли дополнительные виды снаряжения и где; 6) моральное состояние войск; 7) характер и число высших офицеров; 8) план военной организации.

Ответьте возможно скорее»².

Лансингу не терпелось получить эти сведения: в государственном департаменте ожидали со дня на день контрреволюционного выступления чехов во Владивостоке. Руководителям внешней политики США необходимо было иметь точные данные о силах че-

¹ R. S. Baker, Op. cit., p. 271—272.

² FR. 1918, Russia, vol. II, p. 224.

хот, чтобы знать, каковы шансы последних на успех, и в соответствии с этим заранее выработать линию своего дальнейшего поведения.

Контрреволюционное чешское офицерство во Владивостоке, готовясь к мятежу, деятельно вело агитацию среди своих войск. Однако замыслы контрреволюции встречали серьёзное сопротивление среди солдат. Многие чехословацкие солдаты жадно прислушивались к голосу большевистской «Правды». 7 июня 1918 г. вышел первый номер чехословацкой коммунистической газеты «Правда». Разоблачая происки контрреволюционного офицерства, газета призывала чехословацких солдат не поддаваться на провокации и поддерживать власть Советов. Этот призыв нашёл горячий отклик среди передовой части чехословацких солдат. В знак протеста против контрреволюционной агитации чешского офицерства на солдатских митингах выносились негодующие резолюции¹.

И всё же чехословацкое военное командование, в расчёте на помощь из-за океана, решило выступить. Заговорщики действовали в тесном контакте с американским адмиралом Найтом и консулом США Колдуэллом. Последнему было заранее сообщено о готовящемся выступлении.

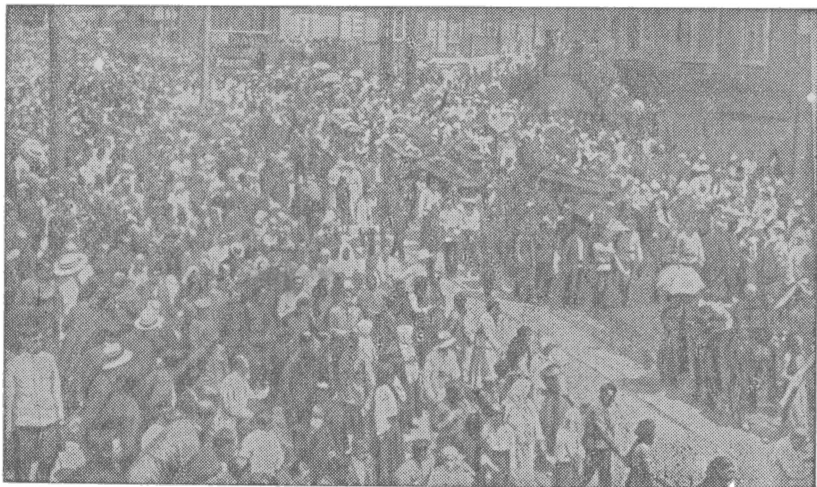
Утром 29 июня чехословаки предъявили Владивостокскому Совету ультиматум о разоружении Красной гвардии. Не дожидаясь ответа на своё наглое требование, они напали на советские войска и начали кровавую резню². В тот же день вечером Найт высадил отряд американских моряков. Красногвардейцы и владивостокские рабочие оказывали яростное сопротивление контрреволюционным мятежникам.

Следует отметить, что на стороне контрреволюции выступили не все чехословацкие части. Из 14 тыс. солдат против советской власти подняли оружие не более 9 тыс. Остальные отказались принимать участие в контрреволюционном перевороте и были разоружены мятежниками. Наиболее революционные солдаты были расстреляны.

Превосходящим силам интервентов удалось сломить сопротивление рабочих и красногвардейцев. Советская власть была свергнута. Во Владивостоке начало хозяйничать «Временное правительство автономной Сибири». 6 июля на улицах города заперели прокламации, извещавшие, что Владивосток взят под

¹ Вот, например, резолюция собрания чехословацкого отряда «Красной Армии»: «Мы, солдаты Владивостокского чехословацкого отряда при Красной социалистической армии, приветствуем трудовое население Дальнего Востока в лице его Советов и заявляем, что мы признаём единственную власть, власть Советов, которую готовы защищать от всех врагов как внутренних, так и внешних. Заявляем, что мы исполняем только приказы ЦИК и его исполнительных органов на местах. Да здравствует Российская Советская Федеративная республика!» («Рабочий и крестьянин», 26 мая 1918 г.).

² «Центросибирь», 11 июля 1918 г.

Похороны жертв контрреволюционного переворота 29 июня 1918 г.
во Владивостоке.

международный протекторат. От имени США прокламация была подписана адмиралом Найтом.

Террор, начатый мятежниками в первый день переворота, принял ещё более широкие размеры.

В эти дни газета «Дальневосточные известия» писала: «В городе введены военнополевые суды, массами расстреливаются арестованные рабочие. На улицах повторяются картины, напоминающие последние дни Парижской Коммуны: вся буржуазия разделилась во всё новое, на улицах Владивостока «христосуются», белогвардейцев и чехословаков забрасывают цветами, арестованных рабочих избивают, выводят на улицы на посмешище буржуазии. Избиения и убийства рабочих происходят открыто. В них принимают участие учащиеся (бойскауты, студенты и студентки). Не отстают в этом гнусном избиении жёны и дочери буржуазии»¹.

Таковы были первые дни интервенционистского режима во Владивостоке.

3. Вторжение американских войск на советский Дальний Восток

Прошло лишь три дня после выступления чехословаков, а в Париже верховный военный совет Антанты уже обсуждал вопрос о вооружённом вторжении на советский Дальний Восток в широких масштабах. Это было 2 июля 1918 г. 6 июля вопрос об интервенции был включён в повестку дня секретного совещания в Бе-

¹ «Дальневосточные известия», 8 июля 1918 г.

лом доме. На совещании присутствовал лишь узкий круг лиц, вершивший судьбами США в годы войны: президент, министры — военный, морской и иностранных дел, начальник генерального штаба и начальник штаба военно-морских сил. Вопрос о вторжении был уже фактически предрешён, поэтому никакого обмена мнениями не состоялось. Вильсон (по воспоминаниям начальника генштаба Марча) «в манере школьного учителя, обращающегося к классу», изложил присутствующим свою точку зрения. Участники совещания без излишней суеты выразили своё одобрение (некоторые просто кивнули головой). Решение о вооружённой интервенции было принято. Американские и японские войска посылались в Сибирь. Правда, теперь шла речь уже не о завоевании всей Сибири вплоть до Урала (как это было в феврале 1918 г.). Прошедшие месяцы научили правителей США более реально смотреть на вещи. Район действий ограничивался пока Дальним Востоком. В качестве ближайшей задачи выдвигалось соединение владивостокской группы чехов с чехословацкими войсками, наступавшими из Сибири. Для этого решено было прежде всего организовать бесперебойное снабжение чехов.

Верные своему принципу действовать чужими руками, американцы решили на первый план выдвинуть Японию и предложили ей передать чехам нужное количество оружия и боеприпасов. На себя США брали оплату издержек. Ещё ярче эта тактика проявилась в вопросе о посылке войск на Дальний Восток. В решении от 6 июля была оговорена численность экспедиционных войск: 7 тыс. японских и 7 тыс. американских солдат. Однако, когда несколько дней спустя японцы заявили, что они пошлют большее количество войск, США не думали возражать всерьёз против этого. Усиление японской армии на Дальнем Востоке входило в их планы, рассчитанные на разжигание военного столкновения между Советской Россией и Японией. С молчаливого согласия американского правительства, Япония довела численность своих войск на Дальнем Востоке более чем до 100 тыс. человек.

С целью прикрыть захватнический характер интервенции, на совещании 6 июля решено было также опубликовать от имени правительства Соединённых Штатов официальное заявление о том, что задачей военной экспедиции на Дальний Восток является оказание помощи чехословакам в борьбе с... германскими и австрийскими пленными.

Замышляя широкий план действий на Советском Дальнем Востоке, американская дипломатия ещё в начале 1918 г. почувствовала необходимость в создании какой-либо фальшивки, способной отвлечь внимание общественности от агрессивных замыслов США. Так возник миф о германской угрозе Дальнему Востоку. Родившись в недрах государственного департамента, миф о сосредоточении вооружённых военнопленных немцев и австрийцев, угрожающих Сибирской железной дороге, раздувался самым решительным образом. Расчёт был прост: экспедиция в Россию

против немцев приобретала видимость удара по Германии и Австро-Венгрии, по врагам, против которых велась война.

Ещё 13 февраля Лансинг предложил американскому посланнику в Китае Рейншу доложить о деятельности немецких и австрийских военнопленных. На это последовал, однако, весьма туманный ответ. В государственном департаменте были разочарованы. Вскоре из Вашингтона прибыло новое требование: «проверить или дополнить слухи о вооружённых немецких пленниках»¹. Из Пекина опять поступил неопределённый ответ, не удовлетворивший вдохновителей агрессии. Тогда заместитель Лансинга Полк, не полагаясь более на творческое воображение своих дипломатов, направляет в Пекин следующую шпаргалку, по которой надлежало сочинить подробную и обстоятельную фальшивку: «Сколько пленников отпущено на свободу? У скольких пленников имеется оружие? Где они получили оружие? Каково численное соотношение между немцами и австрийцами? Кто руководит ими? Пришлите нам эти сведения тотчас же, как их добудете, и продолжайте, пожалуйста, присылать аналогичную информацию»². Однако даже после столь пространной и категорической инструкции информации из Пекина продолжала оставаться бледными и невыразительными.

Несколько «исправил» дело американский консул в Иркутске Мак Говен, оказавшийся куда более искусным мастером клеветы, чем незадачливые чиновники в пекинском посольстве.

Мак Говен живо сообразил, чего ждут в Вашингтоне, и в своей телеграмме из Иркутска, датированной 14 марта 1918 г., нарисовал весьма живописную картину «немецкого проникновения в Сибирь»: «12-го проследовал в восточном направлении поезд с военнопленными и двенадцатью пулемётами; две тысячи остановивались здесь... Надёжный осведомитель сообщает, что прибыли германские генералы... Генеральный штаб ожидает из Петрограда указаний о разрушении мостов, туннелей и об осуществлении плана обороны. Немецкие, турецкие, австрийские офицеры заполняют станции и улицы, причём признаки их воинского звания видны из-под русских шинелей. Каждый военнопленный, независимо от того, находится ли он на свободе или в лагере, имеет винтовку»³.

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 63—64.

² Ibid., p. 66.

³ Russian-American relations, p. 164.

Американские представители в России находились, как известно, в тесной связи с эсерами. 12 марта из Иркутска членом Сибирской областной думы эсером Неупокоевым было отправлено «правительству автономной Сибири» письмо, одно место в котором удивительно напоминает телеграмму Мак Говена: «Сегодня прибыло 2 000 человек австрийцев, турок, славян, одетых в русскую форму, вооружены винтовками и пулемётами и проследовали дальше на Восток» («Красный архив», 1928, 4 (29), стр. 95). Вполне возможно, что именно эсер Неупокоев был «надёжным осведомителем» Мак Говена.

Из дипломатических донесений подобные фальшивки переходили в американскую печать, которая уже давно вела злобную интервенционистскую кампанию.

В конце марта из Москвы, с разрешения Советского правительства, на Дальний Восток отправились два официальных представителя США и Великобритании, для того чтобы внести полную ясность в вопрос о германских военнопленных в Сибири и на Дальнем Востоке. Это были американец Уэбстер — сотрудник миссии Красного креста — и английский капитан Хикс.

Уэбстер и Хикс свыше месяца обследовали лагерь военнопленных в Западной и Восточной Сибири и в Забайкалье. 26 апреля они представили подробный отчёт о своей поездке. Всюду, где только не побывали Уэбстер и Хикс (так же, как и американский майор Драйздель, посланный с той же целью из Пекина), они находили немецких военнопленных в лагерях под надёжной охраной. По всей Сибири они обнаружили лишь немногим более девятистот вооружённых венгров и чехов — бывших военнопленных. Это были интернационалисты, принявшие советское подданство и добровольно вступившие в ряды Красной гвардии.

Таким образом, никакой германской угрозы Дальнему Востоку не существовало. Тем не менее американские империалисты сочли необходимым снова вытащить эту разоблачённую фальшивку, чтобы прикрыть ею захватнические цели своего вторжения.

3 августа правительство Соединённых Штатов официально опубликовало в Вашингтоне декларацию о посылке войск на Дальний Восток. Этот документ представлял собой нагромождение лицемерия и лжи. Вильсон заявлял, что «военное выступление в России допустимо в настоящее время только в целях оказания возможной защиты и поддержки чехословакам против вооружённых австрийских и германских пленных, которые на них нападают». Затем шли обычные торжественные заверения в том, что правительство США «не имеет в виду вмешательство в вопросы о политическом суверенитете России, ни в её внутренние дела, ни даже в местные дела определённых территорий»¹. Это были лживые слова; в действительности, американские империалисты поступали как раз наоборот.

¹ Советско-американские отношения 1919—1933 гг., М. 1934., стр. 25—26. Гневным ответом на эту лживую декларацию американских империалистов прозвучала резолюция, принятая Пятым дальневосточным съездом трудящихся в Хабаровске 28 августа 1918 г.:

«Войска Японии, Соединённых Штатов Америки, Англии и Франции вторглись в пределы Дальнего Востока. Они разрушают наши сёла и города, убивают наших жён и дочерей, расстреливают каждого, кто не подчиняется их распоряжениям...

Расстреливая наших братьев на Уссурийском и Забайкальском фронтах, оплёвывая всё, что дорого и свято трудовому народу России, правительства Японии и Соединённых Штатов Америки, Англии и Франции осмеливаются ещё заявить, что они не вмешиваются в наши внутренние дела и

Правительство США спешило с отправкой войск на Дальний Восток и требовало подобных действий от Японии в силу того, что в Приморье происходили события, которые не могли не вызвать определенного беспокойства у руководителей антисоветской интервенции.

Трудящиеся Владивостока с ненавистью встретили контрреволюционный переворот. Марионеточное «правительство» Дербера с каждым днём разоблачало себя как агентуру иностранного капитала. Эсеры отменили все декреты советской власти, снизили заработную плату, удлиннили рабочий день, передали предприятия их бывшим владельцам. Рабочие отвечали на антинародную политику дерберовской банды забастовками, демонстрациями, митингами протеста.

27—28 июля происходили выборы в Владивостокскую городскую думу. Из 101 места 53 получили большевики. Несмотря на кровавый террор, контрреволюционеры всех мастей оказались в меньшинстве. Это привело в ярость белогвардейцев и интервентов, которые немедленно объявили выборы незаконными.

Такие же неудачи терпели контрреволюционеры и на фронте. Если первые дни боевых действий принесли чехам незначительные успехи (8 июля они взяли Никольск-Уссурийск), то затем наступил перелом.

31 июля красные войска перешли на Уссурийском фронте в наступление. Чехи с большими потерями начали откатываться к Владивостоку. В тот же день на конференции профсоюзов Владивостока было вынесено решение о невыполнении заказа на изготовление боеприпасов для белой армии. Конференция заявила решительный протест против интервенции. Рабочие Владивостока активно выступали против врагов советской власти.

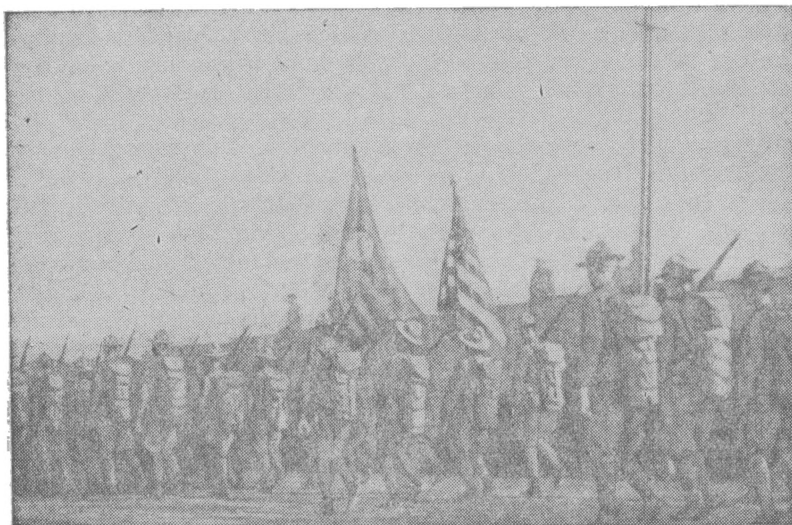
Обстановка складывалась отнюдь не в пользу контрреволюции. Чехи и белогвардейцы в ближайшем будущем могли очутиться в катастрофическом положении; им требовалась решительная и немедленная помощь США и Японии. Медлить со вторжением было больше нельзя. Провал выборов во Владивостоке и неудачи чехов на фронте заставили интервентов форсировать события.

2 августа военное министерство приказало командиру 8-й дивизии генералу Грэвсу приготовиться к поездке в Россию. На сле-

пришли воевать с германцами и мадьярами. Против этой наглой лжи и неслыханного издевательства, брошенного в лицо трудового народа Дальнего Востока, решительно протестуем и заявляем:

1) акт вторжения японских, американских, английских и французских войск в пределы Дальнего Востока мы считаем как самое грубое оскорбление и возмутительное нарушение суверенных прав народа России;

2) мы обращаемся к братьям, трудящимся Америки, Англии, Японии и Франции, указывая на злодеяния, грабежи и убийства, творимые их правительственными войсками, и требуем, чтобы виновники этих зверств были наказаны, а войска немедленно отозваны». («Дальневосточные известия», 1918, 30 августа.)

Американские войска на улицах Владивостока в 1918 г.

дующий день было отдано распоряжение об отправке во Владивосток 27-го и 31-го пехотных полков, расположенных на Филиппинах. Эти части должны были усилиться пятью тысячами человек из Соединённых Штатов. Для отбора солдат Грэвсу даны были следующие указания: «Следует выбрать людей сильных, смелых, пригодных для напряжённой работы, уроженцев всех областей Соединённых Штатов»¹. Войска, направлявшиеся в Россию, снабжались зимней одеждой. Отправка их происходила в обстановке глубокой тайны. Ночью, с потушенными фонарями вышел из Сан-Франциско военный транспорт «Томас», увозивший в Россию Грэвса и двухтысячный отряд интервентов.

Между тем во Владивостоке, начиная с 3 августа, стали высаживаться сильные контингенты иностранных сухопутных войск. Первыми прибыли англичане. Затем высадились французские колониальные войска. 11 августа во Владивостокский порт вошли первые транспорты с японскими войсками. 16 августа высадился 27-й американский пехотный полк, прибывший из Маниллы. Через несколько дней высадился 31-й американский пехотный полк. 1 сентября во Владивосток прибыл генерал Грэвс. Количество американских войск, посланных на Дальний Восток, равнялось 9 тыс. человек.

Войска интервентов не успевали сойти на берег, как их немедленно бросали на Уссурийский фронт, где Красная Армия всё ещё продолжала теснить чехов.

¹ Грэвс, Американская авантюра в Сибири, пер. с англ., М. 1932, стр. 26.

Только в конце августа интервентам удаётся перейти в наступление. Японцы, чехи, американцы, французы и белогвардейцы сломили героическое сопротивление малочисленных и плохо вооружённых отрядов Красной Армии и стали быстро продвигаться к Хабаровску.

В течение следующего месяца интервентам удалось захватить весь Дальний Восток.

В 1918 г. США и Япония, несмотря на существующие между ними противоречия, выступали единым фронтом против общего врага — Советской России. «В тесном союзе друг с другом,— писала «Правда»,— рука об руку идут против русских рабочих и крестьян Вильсон и микадо. Американский банкир держит на привязи японского людоеда и посылает его «защищать цивилизацию» против большевистских «банд», снабжая его порохом и консервами»¹. Однако за спиной друг у друга каждый из партнёров по разбою точил нож на своего соперника.

Первым яблоком раздора явились железные дороги. Немедленно после высадки десантов США начали предпринимать решительные меры, направленные на полный захват железнодорожной сети Дальнего Востока. Здесь им пришлось натолкнуться на решительное сопротивление Японии. Японское командование, используя преимущество в вооружённых силах, устанавливало свои порядки на железных дорогах в местах, где располагались японские гарнизоны. На это жаловался Лансингу появившийся вновь на политической сцене Стивенс. Он просил государственный департамент принять меры к тому, чтобы обеспечить руководящую роль американцев. Совместное американо-японское управление он считал бесполезным.

30 августа США предложили японскому правительству вверить управление КВЖД и Сибирской магистралью Стивенсу. В качестве аргумента приводилось то соображение, что Стивенс состоял на русской службе. На японцев этот аргумент не подействовал. В свою очередь японцы протестовали против удаления Хорвата — их агента — с поста управляющего КВЖД, мотивируя это тем, что русский народ усмотрит в этом акте... вмешательство в свои внутренние дела (!). Было очевидно, что ни тот, ни другой из захватчиков не поступятся своей добычей. Им надо было идти на компромисс.

В ноябре Стивенс, ратовавший ранее за американское безраздельное господство в железнодорожном деле, предложил план создания межсоюзного контрольного органа. После длительных переговоров в январе 1919 г. было достигнуто соглашение между США и Японией о совместном надзоре за железными дорогами Дальнего Востока. По этому соглашению, управление дорогами передавалось межсоюзному комитету, в состав которого входили представители держав, осуществлявших интервенцию. Председа-

¹ «Правда», 17 августа 1918 г.

телем комитета назначался чиновник колчаковского «правительства». Охрана дорог поручалась военным силам интервентов. В подчинении комитета находился технический совет во главе со Стивенсом. Последнему были даны, однако, довольно широкие полномочия: он ведал вопросами эксплуатации дорог, назначением персонала, распределением обязанностей между работниками технического совета и т. д.

Декларация о создании межсоюзного комитета была подписана во Владивостоке 14 марта 1919 г. Интересна оценка, данная достигнутому соглашению колчаковским штабом: «Заботы об улучшении транспорта, несомненно, имеют своей главной целью установление доминирующего значения Америки в железнодорожном деле Сибири и создание возможности глубокого экономического проникновения американского капитала с попутным вытеснением в этом отношении Японии. Назначение межсоюзного комитета с преобладанием американцев рассматривается японскими кругами, как большая бескровная победа Америки»¹.

В апреле 1919 г. командующие интервенционистскими войсками договорились о разделе «сфер влияния» на железных дорогах Дальнего Востока — о распределении участков для несения охраны. Япония захватила Амурскую железную дорогу, часть Уссурийской (от Никольска Уссурийского до Спасска и от Губерова до Хабаровска), а также значительную часть Забайкальской железной дороги (от станции Маньчжурия до Верхнеудинска). США получили два участка Уссурийской железной дороги (от Владивостока до Никольска и от Спасска до Усури), Сучанскую ветку и часть Забайкальской железной дороги (от Верхнеудинска до Байкала). Гарнизон в 1 тыс. человек США направили в Харбин.

КВЖД и часть Уссурийской железной дороги (от Усури до Губерова) формально отошла под контроль Китая, а фактически — американских и японских империалистов².

Достигнутое соглашение отнюдь не означало прекращения соперничества между США и Японией на Дальнем Востоке. Наоборот, с каждым месяцем интервенции борьба между интервентами усиливалась, принимая порой весьма острые формы, доходя иногда до открытых столкновений между американцами и японской агентурой — казачьими атаманами.

Американские фальсификаторы истории пытаются представить эти стычки как борьбу «демократических» войск США против зверей-монархистов Семёнова и Калмыкова. На самом деле это была самая обыкновенная грызня в лагере империалистических хищников. США враждовали с реакционером Семёновым, но прекрасно уживались с реакционером Колчаком.

¹ «К десятилетию интервенции». Сборник статей. М.—Л. 1929, стр. 113.

² Mac Murray, *Treaties and agreements with and concerning China*, N. Y. vol. I, 1921, p. 82—84.

На десятилетия остались в памяти жителей Дальнего Востока, переживших интервенцию, зверства, грабежи, издевательства, чинившиеся иноземными захватчиками.

«Кровь стынет в жилах,— рассказывает в своих воспоминаниях А. Е. Пономарёв — бывший командир отдельного Сучанского партизанского отряда,— когда вспоминаешь чёрные дела, совершённые американскими извергами в Советском Приморье. Мне не раз приходилось видеть пепел сожженных деревьев, грабежи и убийства, совершённые американскими захватчиками.

В 1919 году американскому карательному отряду Педдера удалось захватить в деревне Бронвичи раненого партизана Шлемова. Собрав под угрозой оружия всех жителей деревни, интервенты устроили расправу над партизаном: отрезали нос, уши, нанесли несколько штыковых ран в живот. Поиздевавшись вдоволь, американский палач Педдер приказал привязать Шлемова на ночь к дереву. Тучи таёжной мошки и комаров набросились на окровавленное тело партизана. Шлемов умер в невероятных мучениях.

Наутро мы выбили американцев из деревни. Интервенты в страшной спешке не успели замести следы кровавых злодеяний в Бронвичах. Я, лично знавший Шлемова, не мог его сразу узнать — так было изуродовано и обезображено тело партизана. Мы поклялись мстить за мученическую смерть боевого товарища.

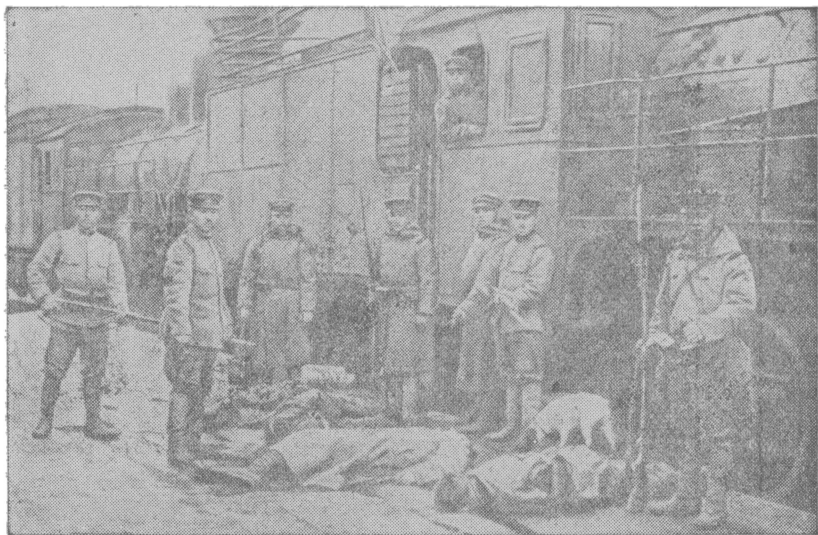
В той же деревне интервенты схватили крестьянина Кухаренко, сын которого был партизаном, и подвергли его пыткам. Его били шомполами, вывёртывали ему руки, допытываясь, где сын. Крестьянин молчал, и злодеи снова принимались истязать свою жертву.

Мы застали Кухаренко полумёртвого. Когда к нему на время вернулось сознание, он тихо сказал: «Детки, уничтожайте американских гадов, нет им места на земле. Передайте это и моему сыну». К вечеру Кухаренко умер».

Грязные руки американских империалистов обогреты кровью советских людей.

Американские империалисты несут ответственность не только за злодеяния собственных войск, но также за всё то, что творила на Дальнем Востоке при их попустительстве Япония.

Никогда не забудут русские люди варварской расправы японцев с населением села Ивановки Амурской области. Японский отряд окружил беззащитное село и в течение двух часов обстреливал его из артиллерии. Затем каратели ворвались в село, согнали население на площадь, зажгли дома, а собранную толпу расстреляли из пулемётов. В Ивановке было убито около 300 человек. Это было дело рук японских интервентов, но ответственность за чудовищное преступление ложится также и на их американских сообщников. «На американские деньги,— писал издававшийся в США журнал «Soviet Russia»,— были куплены снаряды, которыми были убиты школьники Ивановки. Американские снаряды сделали это. Американские солдаты патрулируют железные дороги, убивая русских, старающихся помешать перевозке адских

Японские интервенты на Дальнем Востоке у трупов расстрелянных ими советских граждан.

материалов, от которых гибнут их жёны, дети и родные. И сам факт присутствия там американских солдат и офицеров возлагает на демократическую Америку моральную ответственность за чёрные дела японо-колчаковцев»¹.

В результате интервенции краю был нанесён колоссальный материальный ущерб.

В 1918—1920 гг. в Верхнеудинском уезде хозяйничали и американцы и японцы. За этот период уезду нанесены были материальные убытки общей стоимостью в 2 181 303 руб. золотом².

Убытки водного транспорта Амура за период интервенции исчислялись в сумме 14 335 054 руб. Известно, что американские интервенты ещё в начале 1918 г. пытались захватить суда Амурской флотилии. В 1917 г. речной транспорт Дальнего Востока располагал 227 пароходами. После интервенции оставалось лишь 96 судов.

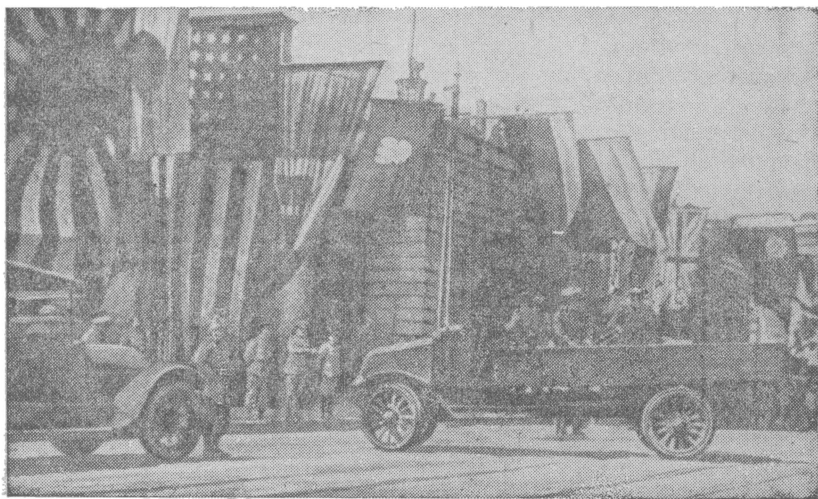
С особой жадностью американские интервенты набрасывались на природные богатства Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, Хабаровск, Омск и другие сибирские города буквально кишели агентами американских «деловых кругов», стремившихся прибрать к своим рукам богатейшие источники сырья, нажиться на спекуляции продуктами сельского хозяйства и добывающей промышленности.

¹ Soviet Russia, 1919, № 2, p. 6.

² «На рубеже», 1937, кн. 5, стр. 25.

О грязных махинациях одного из таких дельцов Ионаса Лида известно из сохранившейся документации колчаковского «правительства». Лид был ярким поборником захвата Соединёнными Штатами Северного морского пути. В 1917 г. он приобрёл контрольный пакет акций Енисейского и Обского речных пароходств. Год спустя Лидом была основана в Америке Компания по изысканию Северного морского пути. Вторжение иностранных войск на Дальний Восток и захват колчаковцами Сибири открыли широкое поле деятельности для этого авантюриста. В 1919 г. Лид прибыл в Омск и получил разрешение колчаковского «правительства» на организацию экспедиции к устьям Оби и Енисея из пятнадцати пароходов. Пять судов, гружённых промышленными товарами, предполагалось отправить из США и десять — из Англии. Лид рассчитывал вывезти из Сибири 1 млн. пудов масла и 300 тыс. других сельскохозяйственных продуктов. Экспедиция не состоялась только лишь потому, что пока Лид вёл переговоры с правительствами Англии и США, Красная Армия нанесла белым ряд сокрушительных ударов, в корне изменивших обстановку в Сибири.

С большим усердием вели американские империалисты в Сибири изыскания полезных ископаемых и редких металлов. Ещё в 1917 г. в Сибири и на Урале работали американские экспедиции, обнаружившие там месторождения золота, платины и вольфрама. Вильсон в своей пресловутой декларации от 3 августа 1918 г. заявил, что США намереваются послать в Сибирь комиссию из коммерсантов, «экспертов» и советников. Вскоре после начала оккупации в штаб Грэвса из Вашингтона прибыли 15 офице-

Штаб интервентов во Владивостоке.

ров-разведчиков. Грэвс разослал их в различные части Сибири для собирания сведений, необходимых американскому командованию. Эти шпионы вели не только военную, но также политическую и экономическую разведку.

В 1919 г. американские империалисты потребовали от Колчака предоставления им неограниченных прав на эксплуатацию природных богатств Камчатки и прилегающих к ней районов. Правительство США добивалось также предоставления американским фирмам концессий на строительство железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке. 11 февраля 1919 г. белогвардейская газета «Наше дело», издававшаяся в Иркутске, сообщала о переговорах Всесибирского союза земств и городов с деловыми кругами США относительно широкого привлечения в Сибирь американских капиталов. Сибземгор намеревался получить от американцев на сумму 200 млн. рублей долгосрочных и на сумму 180 млн. рублей краткосрочных кредитов. Соединённым Штатам предоставлялось право на строительство целого ряда заводов, фабрик, электростанций, трамвайных линий. Американские империалисты с жадностью ухватились за подобные предложения. Белогвардейский режим они всячески старались использовать для осуществления своих давнишних стремлений превратить восточные районы нашей родины в колонию США.

4. Борьба советского народа против американских оккупантов в Приморье

Интервентам и белогвардейцам удалось захватить территорию Дальнего Востока, но им не удалось ни покорить советских людей, ни сломить их волю к сопротивлению. Рабочие в городах, крестьяне в таёжных деревнях брались за оружие, создавали партизанские отряды, боролись не на жизнь, а на смерть за свободу и независимость своей родины. Борьбу народа против иноземных захватчиков и их белогвардейской агентуры возглавила большевистская партия. Уже в октябре 1918 г. начинаются первые вооружённые выступления крестьян против белых и интервентов. В приморской тайге, на Амуре, в Забайкалье создаются партизанские отряды, в городах возникают подпольные комитеты. Мы ограничимся лишь рассмотрением партизанского движения в южном Приморье, где русским людям, поднявшимся с оружием в руках на защиту свободы и независимости своей родины, пришлось столкнуться с американскими войсками.

22 декабря во Владивостоке собрался актив подпольной большевистской организации Приморья. Актив принял решение о переходе к активной борьбе с интервентами путём развёртывания партизанского движения. На активе был избран партийный комитет Приморской области. При комитете был создан военный отдел для руководства партизанским движением и помощи партизанам оружием, боеприпасами и проч.

Южное Приморье — один из районов партизанских боёв с американскими интервентами.

В те же дни в селе Фроловка Ольгинского уезда состоялось совещание руководителей крестьянских боевых дружин Сучанского района. На этом съезде было принято единодушное решение: немедленно поднять всеобщее восстание. Крестьяне большинства таёжных сёл приняли с энтузиазмом известие о начале вооружённой борьбы с интервентами. Началось формирование партизанских отрядов.

В предчувствии готовящегося взрыва народного возмущения американцы совместно с белогвардейцами принимали меры по его предотвращению. 2 февраля отряд американцев занял Фроловку. Американцы пытались отобрать у крестьян оружие, но их попытки не увенчались успехом.

Район восстания всё более и более расширялся, захватывая новые волости. 15 февраля вспыхнуло восстание в селе Владимиро-Александровке, 23 февраля — на рудниках Тетюхе. К концу февраля партизанские отряды были организованы в большинстве деревень Сучанской долины. 5 марта партизаны захватили город Ольгу.

Восстание охватило район значительной протяжённости. Силы партизан росли с каждым днём. Ощущалась острая необходимость в координации действий партизанских отрядов, в создании единого руководящего центра.

Такой центр был создан в марте 1919 г. Это был Временный военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского

Приморские партизаны.

уезда. Военно-революционный штаб занялся в первую очередь реорганизацией и укреплением партизанских отрядов. Перед партизанами стояла задача очищения южного Приморья от бело-гвардейцев и интервентов. Предстояли тяжёлые бои.

В марте партизаны начали наступление. Они направили свой удар в направлении села Владимиро-Александровки, где находился сильный отряд белых. Этот отряд был окружён, но продолжал оказывать сопротивление.

На выручку осаждённому из Владивостока была выслана целая белогвардейская эскадра. В течение трёх суток партизаны отбивали попытки белых закрепиться на берегу бухты Находка. Только после того как на помощь колчаковцам пришли американский и японский военные корабли, белогвардейцам удалось высажить десант. Им удалось также соединиться с осаждённым гарнизоном Владимиро-Александровки. Однако в последующих боях колчаковцы были наголову разбиты и бежали во Владивосток. К началу мая весь Ольгинский уезд был очищен от белых. Только на Сучанском руднике и по линии железной дороги располагались японо-американские войска.

Начальник американского гарнизона в Сучане, понимая, что он не располагает достаточными силами для подавления партизанского движения и стремясь сохранить железную дорогу за колчаковцами, пошёл на хитрость. Американцы заявили о своём «нейтралитете» и выделили трёхвёрстную «нейтральную зону» по обе стороны ветки. Они предложили партизанам заключить соглашение, по которому американские войска обязались не выхо-

доть за пределы «нейтральной» зоны, а партизаны — не входить в неё с оружием.

Следует отметить, что американцы помогали колчаковцам не только своим односторонним «нейтралитетом», но и вооружёнными силами. Так было, например, в описанном бою в бухте Находка, где вмешательство американского военного судна решило исход боя в пользу белых. Ещё в марте 1919 г. белогвардейский генерал Иванов-Ринов сообщал Колчаку, что им достигнуто полное единство действий с американцами в вопросе борьбы против партизан на Сучане¹.

В конце мая в Сучанский район для руководства партизанским движением прибыл Сергей Лазо. Лазо быстро ознакомился с обстановкой и дал правильную характеристику американскому «нейтралитету».

«Под прикрытием «нейтралитета», — говорил Лазо, — американцы могут быть совершенно спокойны за сохранность тех грузов, которые интервенты провозят для Колчака... Надо покончить с фальшивым «нейтралитетом». Сейчас основная задача партизанского движения — мешать подвозу колчаковской армии амуниции и военного снаряжения, посылаемого интервентами. Необходимо взрывать мосты, тоннели, пускать под откос военные поезда, портить железнодорожные пути. Вот чем должны заняться сейчас наши отряды»².

Партизаны перешли к решительным действиям: они обстреляли поезд, в котором ехали колчаковцы. Американская охрана поезда вступила в бой с партизанским отрядом. С «нейтралитетом» было покончено. Сучанские партизаны Приморья начали активные боевые действия против американских и японских захватчиков. В стане интервентов это вызвало переполох. «Грэвс, живс задетый случившимся, выехал лично в Сучан, чтобы организовать активную борьбу с большевиками»³, — писало колчаковское «министерство» иностранных дел своему представителю в Париже.

Лазо разработал план одновременного внезапного удара по американским гарнизонам Сучанской ветки. В этой операции должны были принять участие все партизанские силы. План Лазо ставил целью взрыв железнодорожных мостов и подъёмников на узкоколейной дороге, по которой доставлялся каменный уголь для железнодорожного и морского транспорта Дальнего Востока. Выполнение этого плана должно было привести к дезорганизации тыла Колчака.

Сучанские партизаны насчитывали к этому времени в своих рядах немногим более полутора тысяч человек. Им противостояли силы интервентов, превосходящие их по численности более чем

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 90, л. 135.

² «Сергей Лазо. Воспоминания и документы», М. 1938, стр. 127.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 90, л. 113.

в два раза. На стороне врага было также преимущество в вооружении. Тем не менее партизаны решили выступить. Ненависть к захватчикам вела их в бой.

Лазо взял на себя командование отрядом, перед которым была поставлена задача овладеть станцией Романовка, где находился сильный американский гарнизон.

Под покровом темноты партизаны подползли близко к американскому лагерю. Американцы беспечно спали в палатках, и только несколько ничего не подозревавших часовых прохаживались вдоль железнодорожного полотна. Перед самым рассветом был дан сигнал к наступлению, и партизаны открыли огонь по врагу.

В американском лагере началась паника. Солдаты, застигнутые врасплох, выскакивали в одном белье с поднятыми руками. Не желая проливать лишнюю кровь, партизаны прекратили огонь. Однако это оказалось уловкой. Едва наши бойцы подошли ближе, как их встретил пулемётный огонь. Партизаны дрогнули, и только решительное вмешательство Лазо выправило положение. «Вперёд, за мной!» — скомандовал мужественный командир и повёл партизан в атаку. Американский отряд был почти полностью уничтожен.

В ту же ночь американцы были выбиты из станций Ново-Нежино, Кангауз, Фанза. Успех операции был полный. Интервенты отступили к Шкотову и на Сучанский рудник. Железная дорога оказалась в руках партизан.

В этих боях партизаны захватили большие трофеи. На станции Кангауз они отбили у американцев 1 тыс. пудов муки, 500 комплектов обмундирования, большое количество продовольствия. На станции Романовка в руки партизан попали американские непромокаемые палатки, которые были использованы для устройства госпиталя в тайге. Захвачено было также значительное количество вооружения и боеприпасов, столь необходимых для партизан.

Взорвав станционные здания и подъёмные машины, установленные для тяги поездов, гружённых углем, партизаны через горные перевалы ушли в тайгу. План Лазо был выполнен.

Сергей Лазо.

Это был период наивысшего подъёма партизанского движения в Сучанской долине. Победы партизан создали возможность для восстановления в освобождённом районе советской власти.

27 июня в Сергеевке открылся первый съезд трудящихся Ольгинского уезда. На съезд прибыло 125 делегатов, представлявших 42 315 человек¹. Делегаты собрались со всех концов партизанского края. Некоторым пришлось проделать путь в 300—400 вёрст.

Съезд восстановил в Ольгинском уезде советскую власть. В глубоком тылу Колчака, за несколько тысяч километров от линии фронта, был избран уездный исполнительный комитет Советов, к которому перешла вся полнота власти в освобождённом от белогвардейцев районе.

Съезд особо занимался вопросом борьбы против японо-американской интервенции и высказал решимость отдать все силы делу изгнания иноземных захватчиков. В обращении съезда к консульскому корпусу во Владивостоке говорилось:

«Мы заявляем вам, находящимся в Сибири и на Дальнем Востоке, что вы своим присутствием и своими действиями разжигаете и поддерживаете кровавую гражданскую войну в России, раздирающую нас и наши земли на куски. Вы помогаете кучке спекулянтов, торговцев, капиталистов, промышленников и офицеров-чиновников издеваться над волей большинства, творить неслыханные насилия над рабочими и крестьянами. Мы заявляем вам, экспедиционным войскам, что мы не воюем с народами ваших стран и не хотим воевать с вами. Но до тех пор, пока вы находитесь на нашей территории вооружёнными, пока вы поддерживаете наших врагов, будем вести борьбу до последней капли крови»².

Это обращение было принято 3 июля — в последний день заседаний съезда. Съезд спешно заканчивал работу: его делегаты спешили по домам, чтобы разнести весть о восстановлении в Приморье советской власти, чтобы призвать народ на её защиту, тем более что в этом ощущалась острая необходимость: завоеваниям трудящихся угрожала опасность. Американские интервенты, оправившиеся после удара, нанесённого им партизанами, собрав значительные силы, начали контрнаступление. Всего в 17 верстах от Сергеевки шёл ожесточённый бой с интервентами, атаковавшими деревню Казанку.

Американцы пустили здесь в ход артиллерию, их пулемёты поливали огнём партизанские цепи, но сучанцы мужественно дрались, не отступая ни на шаг. Атаки противника отбивались с большими для него потерями. Только лишь после того, как крупному отряду американцев удалось обойти партизан с тыла, защитникам Казанки пришлось отступить.

¹ «Красный архив». 1938, № 6, стр. 56.

² «Пролетарская революция», 1922, № 7, стр. 93.

«Американцы, — рассказывает очевидец, — как бешеные звери, ворвались в деревню, хватали каждого встречного, ломались в дома, грабили, издевались над женщинами.

На глаза кровавым убийцам попался единственный мужчина — семидесятилетний слепой старик Ерченко. Американские солдаты схватили беззащитного старика.

— Где партизаны? Признавайся, собака! — кричали янки.

— Разве не видите, — спокойно отвечал им Ерченко, — что я слепой.

— Скрываешь, не хочешь говорить!?

— Если бы и знал, всё равно ничего не сказал, — невозмутимо говорил Ерченко.

— Врёшь, скажешь, — злобствовали американцы и начали пытать беспомощного старика. Американцы били Ерченко ногами, прикладами, кололи штыками, а потом в упор, на глазах дочери, расстреляли его. В этой же деревне американцы убили несколько женщин, сожгли школу».

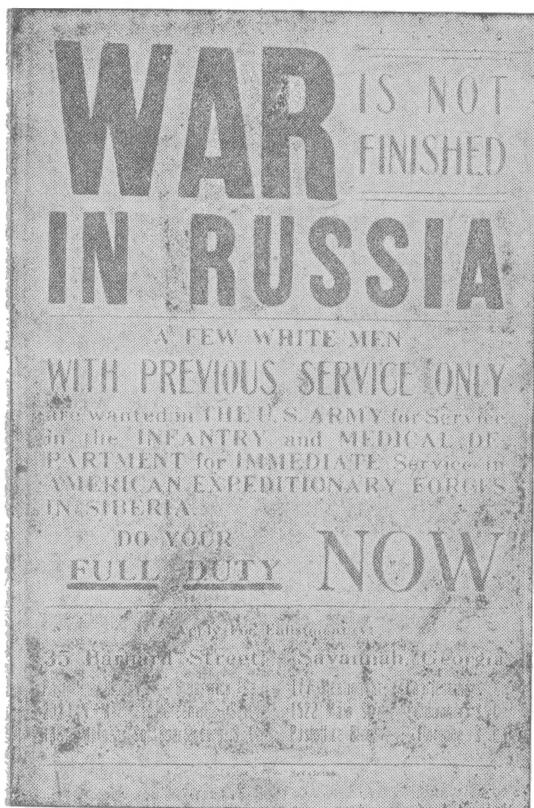
Жуткие свидетельства зверской расправы, учинённой интервентами в Казанке, можно найти и в американских источниках. 5 сентября 1919 г. на заседании сената США были зачитаны выдержки из письма американского солдата — участника карательной экспедиции. «В Казанке, — говорится в этом письме, — лейтенант Веджер стрелял по собравшемуся населению — толпе безоружных мужчин и женщин. Одна пуля поразила беременную женщину, которая упала на землю и, умирая, плавая в луже крови, родила мёртвого ребёнка»¹.

Одновременно с ударом по Казанке американцы пытались захватить село Новецкое. Однако здесь их постигла неудача. 500 вооружённых до зубов захватчиков были разбиты вчетвером меньшим по численности отрядом партизан. Американцам удалось ворваться в село, но партизаны не дрогнули. В ближнем бою они пустили в ход самодельные бомбы. Эти бомбы изготовлялись рабочими на Тетюхинском руднике и представляли собой консервные банки, начинённые динамитом и кусками железа. Разрыв такой бомбы сопровождался страшным шумом и производил опустошающее действие. Американцы понесли большие потери и позорно очистили поле боя.

Партизаны оказывали интервентам и белогвардейцам яростное сопротивление. Однако под давлением превосходящих сил врага им приходилось очищать Сучанскую долину. Некоторое время партизаны держались в Сергеевке, затем отступили к Молчановке. Это была последняя предтаёжная деревня. Из Молчановки партизаны ушли в тайгу.

Летом 1919 г., одновременно с подъёмом партизанского движения, в Приморье происходило резкое усиление забастовочного движения. Чем сильнее разгоралось пламя освободительной пар-

¹ Congressional Record, vol. 58, pt. 5, p. 4901.

«Война в России не окончена» — американский правительственный плакат, вербующий «добровольцев» для отправки в Сибирь. Правительство США намеревалось набрать таким образом 8 000 человек, однако нашлось лишь 14 (!) авантюристов, пожелавших принять участие в антисоветской интервенции.

сен протест правительству и требование ухода из области всех союзных сил»¹.

Белогвардейская администрация и американские интервенты пытались вывозить из Сучана запасы добытого угля. Но после захвата партизанами железной дороги и взрыва подъяёмников и это оказалось невозможным. Владивосток остался без угля.

В июне началась всеобщая забастовка рабочих железнодорожного и водного транспорта Владивостока и Уссурийской железной дороги. Забастовкой руководили большевики. Действия ба-

тизанской войны, тем решительнее становился общенародный протест против иностранных поработителей. На заводах, на транспорте вспыхивают забастовки, которые носят ярко выраженный политический, антибелогвардейский, антиинтервенционный характер.

В апреле 1919 г. забастовали рабочие Владивостокского порта. В мае бросили работу сучанские шахтёры. Большая их часть ушла в партизанские отряды.

1 июня управляющий Приморской области доносил министру внутренних дел Колчака: «На Сучане до забастовки насчитывалось до 2 500 человек рабочих, теперь большинство из них разошлось по красноармейским организациям, раскинутым по деревням и сопкам. Причина забастовки имеет почти исключительно политический характер. Выне-

¹ «Красный архив», 1938, № 6, стр. 43.

стующих усиливались ударами партизан, взрывавших мосты, разбивавших пути, пускавших под откос поезда.

Не успела закончиться эта забастовка, как ещё более мощную стачку объявили железнодорожники КВЖД. Она проходила под лозунгом: не пропустить ни одного поезда на помощь Колчаку.

Администрация дороги и технический совет во главе с американцем Стивенсом пытались вначале уладить конфликт «мирными» способами, путём частичного удовлетворения экономических требований рабочих. Стивенс опубликовал воззвание, в котором предлагал рабочим вернуться на работу и обещал рассмотреть все жалобы служащих.

Рабочие продолжали борьбу. Тогда белогвардейцы объявили дорогу на военном положении и начали расправу с бастующими. После прибытия на КВЖД белогвардейского карательного отряда Стивенс резко изменил тактику. Он стал поощрять самые репрессивные меры по отношению к стачечникам. Когда рабочие потребовали освобождения арестованных товарищей, Стивенс настаивал на том, чтобы требование было отклонено. «Поведение вожаков забастовки,— писал он,— вызывающее: они отказываются начать работу раньше освобождения арестованных. Я не могу одобрить такое освобождение из-под ареста. Это будет признаком слабости. Сообщите председателю комитета, что если русские власти недостаточно сильны, я уверен, что китайские власти окажут вооружённую поддержку. Сейчас как раз время. Законное применение вооружённой силы разрешит вопрос»¹.

В результате забастовки движение по КВЖД в течение долгого времени было почти полностью парализовано. Это привело к сильной дезорганизации снабжения колчаковской армии, откатывавшейся на восток под ударами красных войск.

Разгром колчаковцев в Сибири и их поспешное бегство, развал белогвардейских частей и всё усиливающееся народное движение вызывали большую тревогу среди американских и японских империалистов на Дальнем Востоке. В дипломатических и военных кругах Японии и США начались переговоры о совместной обороне захваченного интервентами Дальнего Востока от наступающей Красной Армии. С этой целью в начале декабря 1919 г. командующий тихоокеанским флотом США адмирал Гливс прибыл в Японию.

Грызня между американскими и японскими интервентами на Дальнем Востоке, достигшая своего кульминационного пункта весной 1919 г., сейчас несколько смягчилась, уступив место попыткам договориться о совместных действиях. Японский наймит Семёнов, ещё совсем недавно провоцировавший столкновения с американцами, говорил теперь с ними совершенно иным тоном.

«Грэвс передал мне,— сообщал колчаковский чиновник Клемм «посланнику» в Пекине Кудашеву,— что последнее время ата-

¹ «Борьба классов», 1936, № 6, стр. 66.

Приморские партизаны-корейцы.

ман Семёнов чрезвычайно заискивает у американцев, всячески стараясь заручиться их благоволением. Он просит забыть прежние недоразумения, в которых виноваты некоторые его офицеры, поступавшие своевольно, а равно настаивает на назначении к нему американского представителя для установления тесной связи с американским штабом. Грэвс спросил, как я советую ему поступить; я сказал, что, по всей вероятности, Семёнов пришёл к сознанию, что без американской поддержки ему трудно сыграть большую роль. Я добавил, что против посылки в Читу американского офицера для связи едва ли можно что-либо возразить»¹.

Поздней осенью 1919 г. на Сучане начинается новый подъём партизанского движения. В колчаковских войсках вспыхивают восстания, восставшие присоединяются к партизанам, и снова пламя народной освободительной войны охватывает Приморье. К 1920 г. весь район южного Приморья вплоть до китайской границы был во власти партизан. Колчаковцы держались только в крупных населённых пунктах под прикрытием японо-американских интервентов.

В декабре 1919 г. правительство США приняло решение о выводе своих войск из России. Причиной этого являлся прежде всего разгром советскими войсками колчаковской армии. «Правитель-

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 17а, л. 175.

ство Колчака потерпело полный крах,—писал президенту 23 декабря 1919 г. Лансинг.—Армии большевиков продвигаются по Восточной Сибири. Народ, видимо, предпочитает их колчаковским офицерам. Армии большевиков приближаются к району, где находятся наши солдаты, и соприкосновение с ними приведёт к открытым враждебным действиям и ко многим осложнениям»¹.

К числу тех осложнений, которые предвидел Лансинг, относилось прежде всего разложение американских войск. На протяжении полутора лет находясь на чужой территории, ведя несправедливую захватническую войну, соприкасаясь с революционно настроенным населением, американские солдаты не только потеряли боеспособность, но всё решительнее и настойчивее выступали против своего правительства, отправившего их сюда вопреки воле народа Соединённых Штатов.

«Когда американские солдаты прибыли в Сибирь, — писал журнал «Soviet Russia», — они понятия не имели о положении вещей. Они не знали, что являются орудием бюрократов для уничтожения революции. Они думали, что большевики—немецкие агенты, и были готовы сражаться с ними. Скоро, однако, они увидели, что дело обстоит не так, что в Красной Армии нет немцев, а состоит она из сибирских рабочих и крестьян... Они перестали верить в своё правительство»².

Партизаны знали, что в американских войсках нарастают антиинтервенционистские настроения. Поэтому они старались использовать любую возможность для ведения революционной пропаганды³. Эта пропаганда давала свои плоды.

В Сучанской долине не раз случалось, что отдельные американские солдаты братались с партизанами и даже переходили на сторону партизан. В марте 1919 г. белогвардейцы, захватив деревню Навороссию, задержали там американского солдата. Из рассказов крестьян выяснилось, что до прихода белых в деревне жило десять американцев, которые вели среди населения агитацию против Колчака. С появлением карательного отряда американцы ушли к партизанам.

В начале 1920 г. начинается эвакуация американских войск. К этому времени из Приморья уже были изгнаны белогвардейцы. Власть находилась в руках земской управы, контролируемой большевиками.

1 апреля 1920 г. из Владивостока ушёл последний американский транспорт с войсками. Однако в городе остался отряд во-

¹ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 392—393.

² «Soviet Russia», 1919, № 28, p. 20.

³ «Товарищи американцы,—говорилось в одной из партизанских листовок,—следуйте за вашими международными товарищами и соединитесь с русскими большевиками против нашего смертельного врага — буржуазии. Не будьте манекенами в руках буржуазии. Соединитесь вместе и сбросьте диктатуру Колчака, Семёнова и других тиранов. Вперёд вместе, долой капиталистов. Да здравствует красный интернационал и революционный мир трудящихся!» («На рубеже», 1934, кн. 2, стр. 91—92.)

Приморье должно стать красным. Плакат.

оружённых сил США, во Владивостокском порту продолжал находиться американский крейсер.

Уход основной массы американских войск не означал вовсе прекращения борьбы США против Советской России, не означал отказа от попыток прибрать к рукам Дальний Восток. Это была вынужденная временная перемена тактики. Как и в начале 1918 г., США снова на первый план выдвигали Японию, направляя её на Советское государство.

Сообщая 30 января 1920 г. о решении вывести свои войска из Сибири, американское правительство заявило японцам, что «оно не собирается противодействовать мерам, какие японское правительство найдёт нужным для достижения тех целей, во имя которых американское и японское правительства стали сотрудничать в Сибири»¹, т. е. для борьбы с советской властью. В американской печати давно уже велась кампания за предоставление Японии полной свободы рук на Дальнем Востоке. «Пусть Япония захватит Сибирь»,—провозглашал жирный заголовок статьи о разгроме Колчака, помещённой 29 декабря 1919 г. в газете «Ворлд».

Большевики Приморья правильно разгадали манёвр Соединённых Штатов. «Американцы,—говорил в марте 1920 г. Лазо,—занимают въжидательную позицию. Они выжидают момента, когда можно будет воспользоваться плодами борьбы других, хотя бы и союзных, но в сущности враждебных ей стран. Америка готова предоставить Японии временную свободу действий... Отзывая свои войска из Сибири, она всё же, отвечая на ноту

¹ FR. 1920, vol. III, p. 501.

Японии, говорит, что и у неё есть свои особые интересы на Дальнем Востоке, которыми она не поступится»¹.

Это был правильный анализ сложившейся обстановки. Последующие события его подтвердили. В ночь на 5 апреля 1920 г. при молчаливом согласии США японская военщина совершила переворот. Видные деятели революционного движения, в том числе и Сергей Лазо, были захвачены японскими бандитами и злодейски умерщвлены.

Для американских правительственных кругов выступление японцев не явилось сюрпризом. «Здесь рассматривают японскую оккупацию Владивостока, — сообщил корреспондент «Нью-Йорк Таймс» из Вашингтона, — как логическое следствие предшествовавших событий»².

Японский консул Мацудайра в одном из своих интервью после событий 4—5 апреля заявил, что Япония действует с согласия союзников. Американцам, учитывавшим, что подобное откровенное заявление вызовет среди населения Дальнего Востока резко отрицательную реакцию по отношению к ним, ничего не оставалось, как выступить с «опровержением». Однако это опровержение как по своему содержанию, так и по своей форме не столько опровергало, сколько подтверждало слова Мацудайры.

«В связи с комментариями по поводу интервью Мацудайры в отношении японской политики в Сибири, появившимися в печати несколько дней назад, — телеграфировал государственный департамент своему консулу во Владивостоке, — следует заявить, что со стороны Соединённых Штатов не было заключено никакого соглашения и не велось никаких переговоров относительно Китайско-Восточной железной дороги с тех пор, как в 1919 г. было заключено межсоюзное соглашение, в соответствии с которым была создана межсоюзная железнодорожная комиссия и межсоюзный технический совет»³. Никаких других слов правительство США не смогло найти для того, чтобы выразить своё отношение к злодеяниям японской военщины. Было ясно, что американские империалисты молчаливо благословляли самураев на их кровавые дела.

С согласия американских империалистов Япония ещё два с половиной года терзала советский Дальний Восток. Только в 1922 г. японские интервенты были окончательно изгнаны за пределы нашей родины.

¹ «Сергей Лазо, Воспоминания и документы», стр. 174.

² «Soviet Russia», 1920, № 19, p. 469.

³ Japanese aggression in the Russian Far East, p. 30.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ США НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ

1. Захват интервентами Мурманска и Архангельска

Первой жертвой иностранного военного вторжения на Советский Север пал Мурманск. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, Мурманский порт, не замерзающий круглый год и связанный железной дорогой с жизненными центрами страны, являлся перевалочным пунктом значительного количества военных грузов, поступавших в Россию из Англии, США, Франции. В Мурманском порту постоянно находились военные корабли союзников.

Другим обстоятельством, создавшим благоприятные условия для военной интервенции, была слабость советской власти в Мурманске. К руководству в Мурманском Совете пробрался троцкист Юрьев — человек, изменнически открывший иностранным империалистам дорогу на Советский Север.

При Временном правительстве высшим органом военной и гражданской власти на Мурмане являлось управление главноначальствующего Мурманского укрепленного района (Главномур). На посту начальника Главномура с правами коменданта осажденной крепости находился контр-адмирал К. Ф. Кетлинский. После Октябрьской революции Кетлинский, формально признавший советскую власть, при попустительстве местных соглашателей, сохранил свои диктаторские полномочия. Его штаб превратился в центр контрреволюционного заговора. Офицеры штаба Главномура находились в тесном контакте с представителями иностранных миссий.

Революционные рабочие, солдаты и матросы настойчиво требовали отстранения Кетлинского и упразднения Главномура. Однако изменническое руководство Совдепа отказалось выполнить это требование.

28 января (10 февраля) 1918 г. Кетлинский был убит неизвестными лицами. Убийство начальника Главномура вызвало переполох в лагере врагов советской власти. Мурманские контрреволюционеры испугались, что власть может выскользнуть из их рук. Через день после убийства Кетлинского произошла тай-

ная встреча начальника штаба Главномура Веселаго с двумя официальными представителями Великобритании в Мурманске: консулом Холлом и адмиралом Кемпом—командующим английскими военно-морскими силами на Севере. Веселаго сообщил англичанам, что он готовит в Мурманске «новую форму правления». Английский адмирал обещал контрреволюционеру всяческую поддержку. О состоявшейся сделке был поставлен в известность военный представитель США в Мурманске лейтенант Мартин.

Вскоре после этой беседы полномочия Главномура захватила так называемая «народная коллегия» из трёх человек. В состав этого триумvirата предателей вошёл Юрьев. Управление делами Мурманского укрепленного района было передано Веселаго. Почва для иностранного вмешательства была подготовлена в достаточной степени. Интервенты могли действовать.

18 февраля, в тот день, когда германские войска, предательски нарушив условия перемирия, начали наступление на Петроград, верховный военный совет Антанты открыл обсуждение вопроса об антисоветской вооружённой интервенции. Американский представитель генерал Блисс высказался за оккупацию северных портов России¹.

Интервенция началась с захвата Мурманска. Неоценимую помощь в этом оказали интервентам троцкисты. Они не только сдали империалистам город без боя, но даже заключили с ними «соглашение», придав тем самым военному вторжению видимость «помощи русским».

События развёртывались следующим образом: 1 марта Юрьев и Веселаго запросили по телеграфу Троцкого, в каких формах следует им осуществлять сотрудничество с интервентами. На эту телеграмму в тот же день Троцкий дал предательскую директиву: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий».

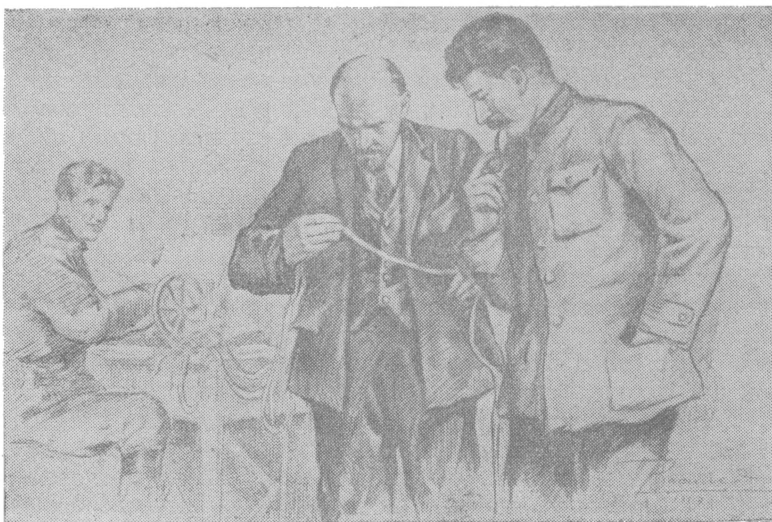
Получив от Троцкого санкцию на предательство, мурманские контрреволюционеры немедленно заключили с англичанами и французами «словесное соглашение», по которому верховное командование вооружёнными силами в Мурманском районе фактически передавалось в руки интервентов. Это было соглашение о вооружённом вмешательстве.

Тогда Ленин и Сталин немедленно связались по прямому проводу с председателем Мурманского Совета и потребовали принятия срочных дипломатических мер для охраны Мурманска от оккупации интервентами.

Юрьев не выполнил указаний руководителей Советского правительства. Мурманский Совет продолжал свою предательскую линию.

9 марта в Мурманске высадился первый иностранный десант — 200 солдат с английского военного корабля «Глори». Это

¹ FR. The Lansing papers, vol II, p. 270.

В. И. Ленин и И. В. Сталин у прямого провода. С рис. худ. Васильева.

было логическим следствием «словесного соглашения». 14 марта в Мурманск прибыл второй английский военный корабль «Кокрэн», 18 марта — французский крейсер «Адмирал Об». Однако дальнейшее развёртывание военного вмешательства временно задержалось по независящим от интервентов обстоятельствам.

23 марта Верховный военный совет Антанты, обсудив вопрос об интервенции на Севере, принял следующее решение: Мурманск удержать во что бы то ни стало, а от захвата Архангельска пока воздержаться, ограничиться только уничтожением в Архангельске военных запасов, т. е. послать туда диверсантов для подрыва складов. Причина вынужденной перемены курса заключалась в следующем: за два дня до этого немцы начали крупное наступление на Западном фронте.

Не располагая достаточным количеством войск в Мурманске для того, чтобы продвигаться вглубь страны, интервенты пытались расширить сферу своего влияния политическими средствами, используя мурманских марионеток. Именно в этих целях Мурманский Совет вопреки воле Советского правительства вынес решение об образовании в Мурманске краевого Совета с подчинением ему всего района Мурманской железной дороги. В руководящие органы краевого Совета вошли изменники Юрьев, Веселаго и их сообщники.

Посол США Фрэнсис был в курсе всех дел, происходивших на Севере, и из посольства в Вологде пытался влиять на ход мурманских событий. От своего правительства Фрэнсис требовал присылки на Север военного корабля.

24 мая в Мурманском порту бросил якорь американский крейсер «Олимпия». Фрэнсис немедленно дал указание командиру «Олимпии» Биреру высадить десант. Отряд американских моряков присоединился к английским и французским войскам на Мурмане. Кроме того, на русский берег с американского военного корабля сошли подрывники, направлявшиеся в Советскую республику для организации диверсионных актов.

Между тем обстановка на фронтах во Франции по сравнению с мартом 1918 г. изменилась коренным образом. Хотя положение ещё не стабилизировалось окончательно и немцы пытались ещё вести наступательные операции, но было очевидно, что решить исход войны в свою пользу им не удастся. Интервенты могли без ущерба для Западного фронта начать в широких масштабах вторжение на Советский Север.

1 июня вопрос об интервенции стал предметом обсуждения Вильсона и Лансинга. Вильсон дал указание государственному департаменту сообщить англичанам о намерении правительства США послать в Мурманск часть американских войск, предназначенных для Франции¹.

Два дня спустя эта проблема была включена в повестку дня заседания Верховного военного совета Антанты. Здесь вопрос был решён в пользу расширения военного вмешательства. Решено было захватить Архангельск, используя для этого английские, американские, французские и итальянские войска под английским командованием. В документе, подписанном представителями Англии, США, Франции и Италии, говорилось, что войска посылаются на Север России для предотвращения «германской угрозы Мурманску». Однако эта «угроза» была таким же мифом, как и «вооружённые австро-германские пленные» на Дальнем Востоке, мифом, призванным прикрыть захватнические устремления американских и иных империалистов. Впоследствии сами интервенты неоднократно признавали, что их единственным врагом на Севере были большевики.

Со второй половины июня в Мурманске начинается быстрое сосредоточение военных сил интервентов. 20 и 23 июня высаживается 1500 англичан. В начале июля интервенты располагали в Мурманске 8 тыс. солдат. В порту находилось шесть иностранных военных кораблей. Командование интервенционистскими войсками находилось в руках английского генерала Пуля.

США вторгались на Советский Север на равных правах с Англией, преследуя те же самые захватнические цели. Однако, стремясь прикрыть империалистическую политику лицемерными фразами, они пытались изобразить своё участие во вторжении как «нейтрализацию» других интервентов. Американцы добивались от Советского правительства приглашения ввести свои войска на советскую территорию для того, чтобы создать «сдержки-

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 484—485.

вающее начало» по отношению к англичанам. Действовали они через Юрьева. Последний телеграфировал в Москву: «С прибытием английского генерала Пуля обозначилось преобладание энергичного английского влияния... Не имея возможности для сохранения инициативы опереться на реальную русскую военную силу, считаю необходимым нейтрализовать неизбежную пока исключительность влияния англичан привлечением американцев к большему участию в событиях. Америка охотно на это пойдет, но необходимо особое приглашение. Запрашиваю указаний Совнаркома. В случае неполучения их во вторник 25 июня краевой Совет самостоятельно секретно обратится к представителю Америки»¹.

25 июня из Москвы поступил ясный, категорический ответ: «Английский десант не может рассматриваться иначе, как враждебный против Республики. Его прямая цель — пройти на соединение с чехословаками и, в случае удачи, с японцами, чтобы низвергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Нами предписано выдвинуть для обороны Мурманской железной дороги от вторжения насильника необходимые войска. На Мурманский краевой Совдеп возлагается обязанность принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся на Советскую территорию наёмники капитала встретили решительный отпор. Всякое содействие, прямое или косвенное, вторгающимся насильникам должно рассматриваться как государственная измена и караться по законам военного времени»².

Советское правительство требовало от Юрьева решительной борьбы со всеми интервентами. За десять дней до того, 14 июня, Советское правительство направило США, Англии и Франции ноты с требованием немедленно вывести военные корабли из советских портов и территориальных вод. Когда выяснилось, что Юрьев продолжает свою провокационную политику, Ленин послал ему последнее предупреждение: «Если Вам до сих пор не угодно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, то пеняйте на себя»³.

За измену родине Совет Народных Комиссаров декретом от 1 июля 1918 г. объявил Юрьева врагом народа, стоящим вне закона⁴.

Мурманские контрреволюционеры открыто перешли в лагерь интервентов и завершили свою измену подписанием предательского договора с империалистами. Взамен «словесного» было заключено «временное по особым обстоятельствам соглашение».

В статье первой этого «документа» говорилось:

¹ В. В. Т а р а с о в, Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1920 гг., 1948, стр. 105.

² «История дипломатии». т. 2, М. 1945, стр. 285.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 35, стр. 276.

⁴ «Известия», 2 июля 1918 г.

«Настоящее соглашение, подлежащее утверждению Союзными правительствами, заключается между представителями Великобритании, США и Франции, с одной стороны, и президентом Мурманского краевого Совета, с другой, в целях совместных действий сторон, подписавших это соглашение, в деле обороны Мурманского края от держав германской коалиции»¹. Совместные антисоветские действия интервенты и белогвардейцы прикрывали лживой фразой о борьбе с несуществующей германской опасностью. Главное командование иностранными и белогвардейскими войсками целиком переходило в руки интервентов. Все расходы по интервенции записывались в общий счёт государственного долга царской России. В одном из пунктов соглашения «союзники» лицемерно заявляли об отсутствии у них намерений вмешиваться во внутренние дела края; однако сам факт подписания данного документа против воли центрального правительства,— документа, направленного против советской власти, являлся грубым актом антисоветской интервенции.

От имени США соглашение подписал капитан первого ранга Бирер, командир «Олимпин». Американское правительство одобрило его действия.

«Временное соглашение» являлось дальнейшим шагом к развёртыванию военной интервенции в широких масштабах. Интервенты не скрывали этого. «Цель соглашения,— писал Фрэнсис в государственный департамент,— заключалась в том, чтобы осуществить беспрепятственную высадку союзных войск и побудить местный совет отказаться от верности Центральному Совету в Москве»².

Нотой от 13 июля Советское правительство выразило своё удивление по поводу участия США во «временном соглашении» и высказало надежду, что американское правительство не пойдёт в дальнейшем по пути нарушения неприкосновенности территории и элементарных прав Советской России³. Однако Соединённые Штаты продолжали идти как раз по этому пути — пути захватнических и насильственных действий против Советской республики.

За несколько дней до подписания «соглашения» интервенты захватили Кемь, расстреляли трёх членов местного совета и начали открыто вести военные действия против Советского государства.

«Враги Советской России окружают нас тесным железным кольцом, чтобы отнять у рабочих и крестьян все то, что им дала Октябрьская революция,— говорил Ленин на митинге 2 августа 1918 г.— Высоко развевающееся знамя русской социальной революции не дает покоя международным хищникам — империалистам, и они пошли войной на нас, пошли войной на Советскую власть, пошли на власть рабочих и крестьян.

¹ «Известия», 14 июля 1918 г.

² FR. 1918, Russia, vol. II, p. 520.

³ «Известия», 13 июля 1918 г.

Вы помните, товарищи, как в начале революции французы и англичане не переставали твердить, что они «союзники» свободной России. И вот ныне эти «союзники» сказались. Путем обмана и лжи, говоря, что они не намереваются воевать с Россией, эти люди заняли Мурман, затем взяли Кемь и начали расстреливать наших товарищей, советских работников»¹.

10 июля интервенты овладели станцией Сорока. Советские организации здесь были разогнаны, коммунисты и люди, сочувствовавшие советской власти, брошены в тюрьму. Массовые аресты были произведены также в Мурманске. Все русские военные корабли, находившиеся в Мурманском порту, были захвачены интервентами. Шла деятельная подготовка к оккупации Архангельска.

В Архангельске за годы мировой войны скопилось большое количество боеприпасов и других военных материалов, поступивших сюда из США, Англии и Франции. Эти запасы представляли большую ценность для молодой Советской республики, создавшей свою армию и готовившейся к вооружённой схватке с врагами. Надо было предотвратить захват этих материалов интервентами.

Ленин и Сталин ещё весной 1918 г. направили на Север Чрезвычайную комиссию по разгрузке Архангельского порта (ЧКОРАП) и затем лично руководили работой этой комиссии. Дипломатические представители «союзников», особенно Фрэнсис, пытались всеми силами воспрепятствовать эвакуации Архангельска. Тем не менее все военные грузы были своевременно вывезены вглубь страны. Впоследствии они пригодились Красной Армии в борьбе с интервентами и белогвардейцами.

Десант в Архангельске планировался Пулем на первую неделю августа. В распоряжении Пуля к тому времени находилось свыше 14 тыс. человек — интервентов и белогвардейцев. Численность оккупационных войск продолжала непрерывно расти. 17 июля Вильсон отдал распоряжение о посылке на Советский Север сухопутных американских войск, и пять дней спустя последовало приказание начальника генерального штаба США генерала Марча командующему американскими экспедиционными силами в Европе Першингу о выделении для целей военной интервенции пехотных частей и вспомогательных подразделений².

31 июля интервенты захватили Онегу. 2 августа пал Архангельск. Спротивление защитников города было сломлено из-за подлой измены военных «специалистов» — ставленников Троцкого. После эвакуации из Архангельска органов советской власти изменники совместно с вышедшими из подполья эсерами и кадетами совершили «переворот» и создали «правительство Северной области» во главе с американским агентом Н. В. Чайков-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 24.

² P. C. March, Nation at war, p. 140.

ским. Этот «переворот» понадобился интервентам для того, чтобы впоследствии изобразить штурм Архангельска как мирную высадку «по приглашению» вновь образовавшегося правительства.

В своих мемуарах, изданных в 1921 г., Фрэнсис писал: «Антибольшевистский переворот произошёл за четыре часа до прибытия этих войск. Генерал Пуль запросил правительство в Архангельске: вы разрешаете нам высадиться?.. Ответ нового правительства был такой: «Высаживайтесь быстрее»¹. Это — заведомая ложь. За день до «переворота» на рассвете 1 августа военные корабли интервентов подошли к устью Северной Двины и вступили в бой с береговыми батареями на острове Мудьюге. Десант был высажен без чьего-либо «приглашения» или «разрешения» и немедленно вступил в бой с советскими войсками. Аэропланы интервентов обстреливали невооружённые речные пароходы, на которых эвакуировалось из Архангельска гражданское население. В захваченном Архангельске оккупанты творили суд и расправу. Город был отдан на поток и разграбление «цивилизованным» разбойникам.

2. Режим грабежа и насилий

«Как только первые отряды английской и американской пехоты появились на берегу, началась сплошная облава, поиски большевиков и им сочувствующих. С утра до вечера можно было видеть, как вооружённые солдаты ведут по улицам советских людей — мужчин и женщин», — так описывает очевидец начало оккупации Архангельска².

Захватив Советский Север, интервенты организовали колониальный грабёж края. Этот грабёж не поддаётся точному учёту, так как интервенты тщательно заматали следы и не оставляли компрометирующих документов.

Прежде всего интервенты захватили русский флот. Не прошло и недели после начала оккупации Архангельска, как империалисты потребовали от белогвардейского «правительства» предоставления им всех судов. С военных кораблей русские матросы были удалены. Их заменили иностранцы. Целиком из американцев была укомплектована команда миноносца «Капитан Юрасовский».

Интервенты немедленно отменили все декреты советской власти. Фабрики и заводы были возвращены капиталистам. Помещичьи и церковные земли, переданные декретом о земле в пользование крестьянам, перешли обратно в руки их прежних владельцев. Интервенты не только реставрировали дореволюционные порядки, но и устанавливали свой режим грабежа и насилий, ещё более зверский, чем существовавший при царе.

¹ Francis, Russia from the American Embassy, p. 264—265.

² «Правда Севера», 19 февраля 1949 г.

В результате интервенции жизнь на Советском Севере почти замерла. Разорены были рыбные промыслы, разрушены фабрики. Город Мурманск пришёл в полное запустение. Общий ущерб, нанесённый краю интервенцией, равнялся 953 359 тыс. золотых рублей. Немалая часть из этой суммы приходится на долю США.

Внимание колонизаторов привлекали, в первую очередь, сырьевые богатства края. Всё, что находилось на складах, оккупанты вывезли бесплатно в качестве процентов по государственным долгам царского правительства или под ничего не стоившие компенсационные обязательства консулов. Таким образом, только из Архангельска было вывезено сырья на сумму около 50 млн. золотых рублей. На многие десятки миллионов рублей было вывезено товаров под видом «торговли».

Американцы вывезли из Архангельска 304 575 пудов льна, 43 779 пудов кудели, 5 055 пудов пакли, не уплатив за это ни копейки. С особой жадностью набрасывались они на редкие металлы и меха. Количество и стоимость этого ценного сырья, награбленного американцами, не поддаётся никакому учёту.

Следует, однако, отметить, что англичане больше преуспевали в грабеже Севера, нежели американцы. Так, из партии в 20 тыс. тонн льна, скопившегося в Архангельске и захваченного англичанами, американцам досталось только 3 тыс. Это не давало покоя послу Фрэнсису. С чувством раздражения на своих более удачливых соперников записывал он в свой дневник: «Британцы

Хозяиничанье интервентов на Севере. Зарисовка с натуры неизвестного художника.

имеют столетний опыт в международной торговле (читай: колониальном грабеже.— А. Г.) и поэтому имеют преимущества перед другими, менее опытными»¹.

Соперничество английских и американских колонизаторов следует видеть и в той борьбе, которая развернулась внутри белогвардейского лагеря за право стоять у призрачного кормила власти в захваченном интервентами Архангельске.

Первое «правительство» Северной области, возглавленное Чайковским, просуществовало недолго. Уже 7 августа генерал Пуль назначил военным губернатором Архангельска французского полковника Донопа, котсрому подчинил все гражданские власти города. Доноп немедленно объявил город на военном положении, ввёл военную цензуру на все издания, в том числе и на официальный орган «правительства» Чайковского «Вестник Верховного управления Северной области». Чайковский пробовал протестовать. Потерпев неудачу у англичан, он обратился к американскому послу. Фрэнсис также оставил протест Чайковского без последствий: американцы не возражали против сосредоточения всей полноты власти в руках командования интервенционистскими войсками. Однако, когда англичане решили совсем убрать Чайковского и заменить его своим ставленником, Фрэнсис резко выступил против этого.

В ночь с 5 на 6 сентября в Архангельске произошёл новый «переворот». Группа офицеров во главе с командующим белогвардейскими войсками — агентом английской разведки Чаплином (он же Томпсон) — арестовала Чайковского и других членов эсеровского «правительства» и отправила их на Соловецкие острова. Сделано было это с санкции англичан, но без ведома американцев. Последнее обстоятельство в значительной степени определило ход дальнейших событий. О том, что произошло на следующее утро, красноречиво рассказывает в своём дневнике Фрэнсис.

«Утром 6 сентября я производил смотр батальону американских солдат. Я только закончил смотр, когда генерал Пуль, принимавший парад, повернулся ко мне и сказал:

— Здесь ночью произошла революция.

— Чорт возьми! Кто это устроил?

— Чаплин.

Я спросил, тут ли он, и кивнул ему, чтобы он присоединился к нам.

Генерал Пуль заметил:

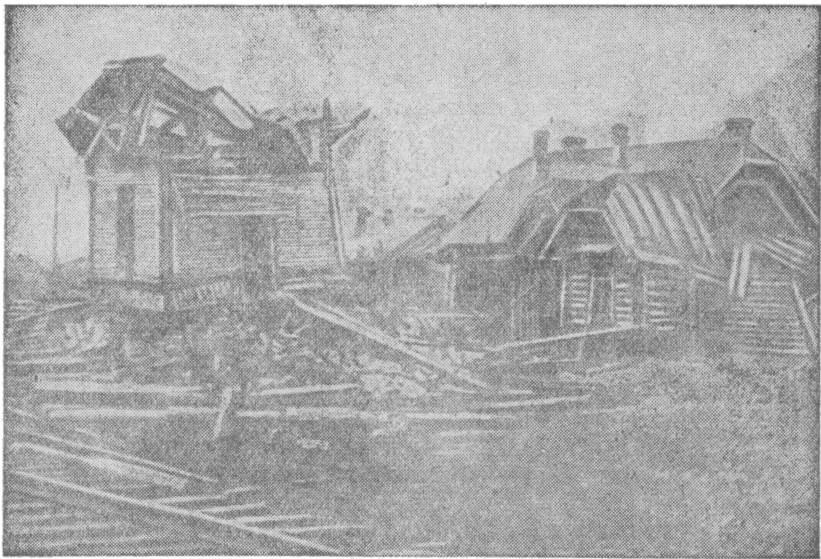
— Чаплин намерен выпустить прокламацию в 11 часов.

Тогда было уже 10 часов 15 минут. Я спросил:

— Чаплин, кто устроил эту революцию ночью?

Он ответил:

¹ D. Francis, Op. cit., p. 294.

Станция Плесецкая, разрушенная интервентами.

— Я... Я учредил это правительство... Но министры становились поперёк дороги генералу Пулю, они мешали полковнику Донопу. Я не вижу никакой пользы вообще от правительства.

Я ответил:

— Вы не опубликовывайте то воззвание, которое, как говорил генерал Пуль, вы написали, пока я не посмотрю его и не покажу его своим коллегам»¹.

Этот отрывок из дневника Фрэнсиса ярко иллюстрирует политические нравы, царившие в оккупированном Архангельске, показывает, кто был истинным хозяином положения и какую жалкую роль играли белогвардейские приспешники интервентов.

Чайковского вернули из Соловков и водворили на пост премьера. Однако чтобы он не забывал своей роли марионетки и не приписывал одержанную им победу силе эсеров, американское командование послало к дому, где разместилось «правительство», отряд солдат. Американцы отправили «правительственную» охрану в союзную контрразведку и расставили у входа в здание свои посты.

Несколько дней спустя Фрэнсис писал в государственный департамент: «Я думаю, что Чайковский больше не будет назначать министров, которых мы не пожелаем».

Фрэнсис, опасавшийся последствий открытого, грубого установления военной диктатуры, старался установить ту же самую

¹ D. Francis, Op. cit., p. 270.

диктатуру постепенно, незаметно. 11 сентября американский посол вызвал к себе «правительство» и заставил «министров» подписать заявление, в котором они признавали подчинение местных «органов власти» оккупантам. По прямому указанию Фрэнсиса «министерские» портфели были отобраны у соглашателей и переданы представителям крупной буржуазии. Новое «правительство» образовалось 28 сентября. Из его шести членов «социалистом» был только один Чайковский, да и тот продержался лишь до января 1919 г., после чего его отправили в Париж на мирную конференцию в качестве «эксперта» по русским делам. Формально Чайковский оставался «премьер-министром» до самых последних дней контрреволюционной авантюры на Севере; фактически белогвардейскими делами вершил генерал Миллер. Эсеры проложили дорогу Миллеру, способствовали утверждению кровавого режима, насаждавшегося иноземными захватчиками.

Насилиями и зверствами пытались интервенты устрашить население, чтобы держать его в повиновении.

«Жуткий террор, установленный на Севере англо-американскими военными властями,— вот та «демократия», которую они несли нам,— рассказывает очевидец интервенции М. Рехачев.— Мы помним, как американцами и англичанами были сожжены деревни Кодыш и Кочмас на Мехренъге. Мы помним, как американские солдаты приезжали с фронта с награбленным у населения прифронтовых деревень золотом и мехами.

Территория области по воле американских и английских колонизаторов была покрыта сетью тюрем и концентрационных лагерей. В Архангельске под тюрьмы, кроме губернской центральной тюрьмы, были заняты часть губернского архива, трюм парохода «Вологжанин». Были сооружены тюрьмы в Кегострове, на Быку, Бакарице и других районах¹.

Тюрьмы были переполнены ни в чём не повинными людьми. Малейшее подозрение в симпатиях к советской власти влекло за собой арест. За первый год интервенции только через застенки одной губернской тюрьмы прошло 38 тыс. человек. Это составляло 9,5% населения всего Северного края. 8 тыс. из них были расстреляны. В состав особого военного суда, выносившего смертные приговоры, кроме белогвардейцев, входили также представители «союзных» армий, в том числе и американской.

Мрачная слава ходила о тюрьмах на «острове смерти» Мудьюге и полуострове Иоканъге, созданных по приказу англо-американских захватчиков. Режим, существовавший в этих тюрьмах, можно сравнить только с режимом гитлеровских лагерей смерти.

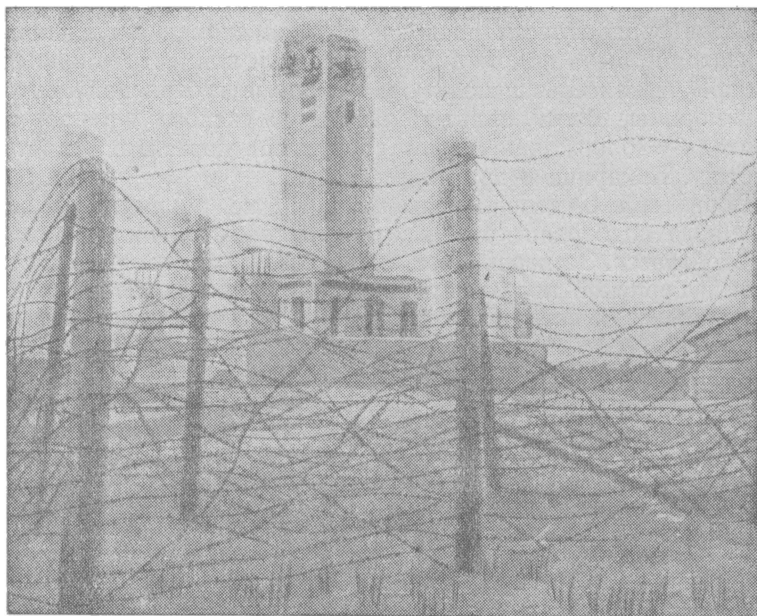
Жуткие картины зверского произвола оккупантов, их чудовищных злодеяний воссоздаются воспоминаниями жертв интервенции. А. Епишкин, переживший ужасы заключения на Мудьюге, пишет об этой тюрьме:

¹ «Правда Севера», 19 февраля 1949 г.

«На Мудьюг я попал в августе 1919 года. Об этом жутком острове смерти много писалось в воспоминаниях перенёсших там заключение. Поэтому я не буду описывать всего, что мне пришлось испытать. Расскажу лишь об отдельных фактах. Вот, например, как гоняли в баню. В почти нетопленном помещении заставляли мыться холодной водой. Тут же стирали арестантские рубища. Всё это нужно было сделать за полчаса. И выстиранное «бельё» снова надеть на себя. Если кто запаздывал во-время управиться, сажали в холодный погреб, где по колено была болотистая грязь. Палачам не понравилось, что мало гибнет людей. И они в ночь с 6 на 7 ноября 1919 года организовали расстрел спящих в фанерном бараке 240 человек. В этом бараке находился и я. 150 пьяных вооружённых молодчиков стреляли по бараку. 7 человек убили, до 30 человек ранили. Конца не было этим гнусным издевательствам, принесённым англо-американскими захватчиками».

Вот воспоминания другого узника Мудьюга, врача Маршавина:

«Это было 17 сентября 1918 года. Я работал тогда старшиной радистов на Иоканьге. Мы были тогда арестованы англичанами и всей командой в количестве 12 человек на пароходе «Иней» доставлены в архангельскую тюрьму. Нас обвинили

Памятник жертвам англо-американской интервенции на Севере, воздвигнутый на о. Мудьюге. На переднем плане ограда лагеря, построенная интервентами.

Американские и английские интервенты расстреливают коммуниста.

в том, что мы держали связь с Москвой, принимали сведения командования Красной Армии и распространяли эти сведения среди населения. Высадили нас на берег против Банковского переулка. Мы были встречены избиением палками, кулаками, прикладами. Измученных, полуголодных, нас повели под конвоем англичан и американцев. Посадили в камеру размером не более 30 квадратных метров; сидело в ней более 50 человек. Кормили исключительно плохо, многие умирали с голоду, не выдержав английского рациона — 200 граммов хлеба из отрубей и всяких отходов и холодной воды. Работать заставляли с 5 часов утра до 11 часов ночи. Сгруппированных по 4 человека, нас заставляли впрягаться в сани и возить дрова от Смольного буяна до Кузнечихи.

2 октября 1918 года в 4 часа утра 119 заключённых вывели из камер во двор и под охраной более 300 англичан и американцев погнали на баржу, которая стояла у Поморской пристани. Баржа была залита водой, покрывшейся тонким слоем льда. Вот в эту-то полузатопленную баржу под ударами прикладов и дубинок стали сбрасывать нашу группу заключённых. Мы думали, что нас утопят в море. Но баржу буксиром привели на Мудьюг. Многие товарищи не выдержали страшной пытки. На Мудьюг прибыли их трупы.

Баржа к самому берегу подойти не могла. Она остановилась у отмели около трёх километров от острова. Под градом ударов, по грудь в холодной морской воде, остатки нашей группы достигли земли, земли острова смерти. Нас завели в холодный ба-

рак и заставили раздеться догола. И только через 12 часов нам разрешили одеться в мокрое, обледеневшее платье. Многих к утру не осталось в живых»¹.

Англо-американские захватчики пытались и расстреливали советских граждан. В руки интервентов попал член Архангельского комитета большевиков и начальник красногвардейского отряда Степан Ларионов. Он был зверски расстрелян сводным отрядом англичан, американцев и французов. Сохранился обличительный документ — короткая записка главнокомандующего войсками интервентов генерала Айронсайда (сменившего на этом посту Пуля), в которой он сообщал о казни Ларионова и его товарищей. Расправа над Ларионовым была произведена днём, во дворе тюрьмы, на глазах у заключённых. Очевидцы рассказывают о героическом поведении Ларионова перед расстрелом. На предложение завязать глаза Ларионов ответил палачам: «Если вам совестно нас расстреливать, то можете себе завязать глаза, а мы сумеем умереть с открытыми глазами».

Американские насильники подвергали свои жертвы изуверским пыткам: избивали арестованных, жгли их лица горящими папиросами, закапывали людей живьём.

Свидетельства о зверствах можно найти даже в воспоминаниях самих участников интервенции. Американский разведчик Ральф Альбертсон в своей книге «Военные действия без войны» рассказывает о том, что американцы применяли химические снаряды, мучили и расстреливали захваченных в плен красноармейцев. «Один раз мы расстреляли больше тридцати пленных, — с циничной откровенностью повествует этот оккупант. — А когда мы захватили комиссара в Борковской, один сержант, который сам об этом рассказывал, бросил его труп на улице с шестнадцатью штыковыми ранами».

В книге другого интервента — американского офицера Джона Кьюдахи «Архангельск. Война Америки с Россией», мы читаем: «Британский генерал, начальник Двинского отряда Финлесон, говорил нам: «Не должно быть никаких колебаний в нашем стремлении смыть клеймо большевизма с России и цивилизации». Действительно ли это было нашей целью в те зловещие ночи, когда мы расстреливали русских крестьян и сжигали русские дома? Единственное клеймо позора, существовавшее в действительности, это было клеймо, которое мы, уходя, оставляли после себя. Но ещё более глубокое, чёткое, жгучее клеймо позора остаётся на лицах тех людей, которые, сидя в мягких креслах, чертили планы вооружённых союзов и будущих международных соглашений»².

Американские империалисты несут ответственность за тысячи

¹ «Правда Севера», 19 февраля 1949 г.

² «К десятилетию интервенции», стр. 209.

Жертвы интервенции в Мурманском крае.

советских граждан, замученных в контрразведке, умерших в тюрьмах, расстрелянных без суда и следствия.

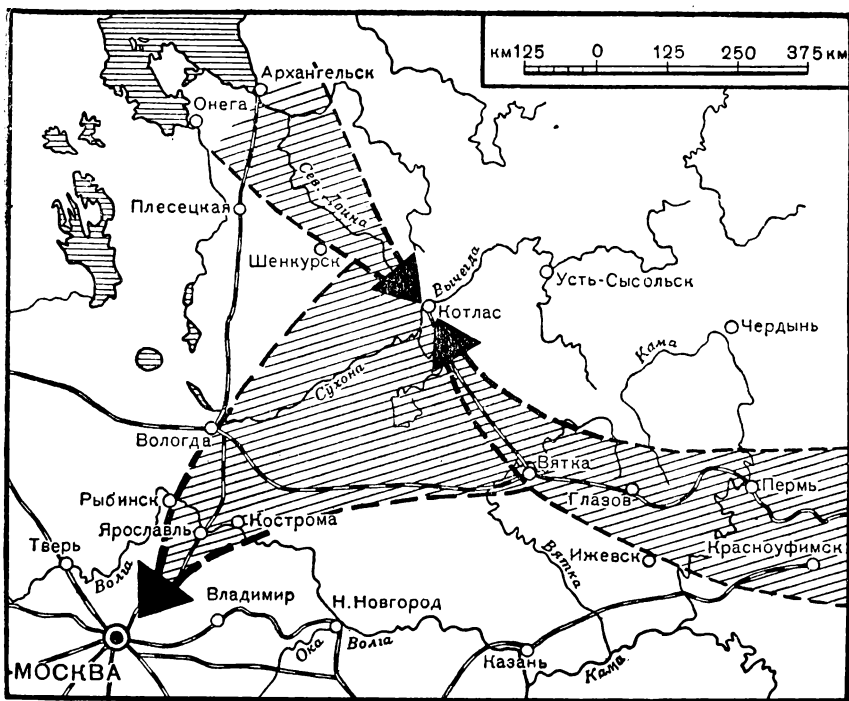
Советский народ никогда не забудет и не простит кровавых злодеяний заатлантических колонизаторов на нашей земле.

Советские люди гибли в борьбе с оккупантами, но не было такой силы, которая могла бы сломить их волю к сопротивлению. Не щадя жизни, сражались они за свободу и независимость своей родины. Никакими зверствами нельзя было их утратить. Чем лютее свирепствовал враг, тем сильнее становились удары советских войск, красных партизан и всего народа, поднявшегося против иноземных паразитов.

3. Разгром интервентов

Захватив Мурманск и Архангельск, интервенты пытались развить наступление вглубь нашей страны. Своей главной задачей они ставили захват Котласа и Вятки и соединение с чехословаками (а затем с Колчаком), угрожавшими Советской республике с востока, для совместного удара на Москву. В состав ударной группы, на которую было возложено выполнение этой задачи, входили американские части.

Основная масса войск Соединённых Штатов, предназначенных для завоевания Советского Севера, прибыла в Архангельск 4 сентября 1918 г. Это были: 339-й пехотный полк, 1-й батальон 310-го инженерного полка, 337-я санитарная рота и 337-й полевой госпиталь, в общей сложности 5 200 человек. Следует учесть,

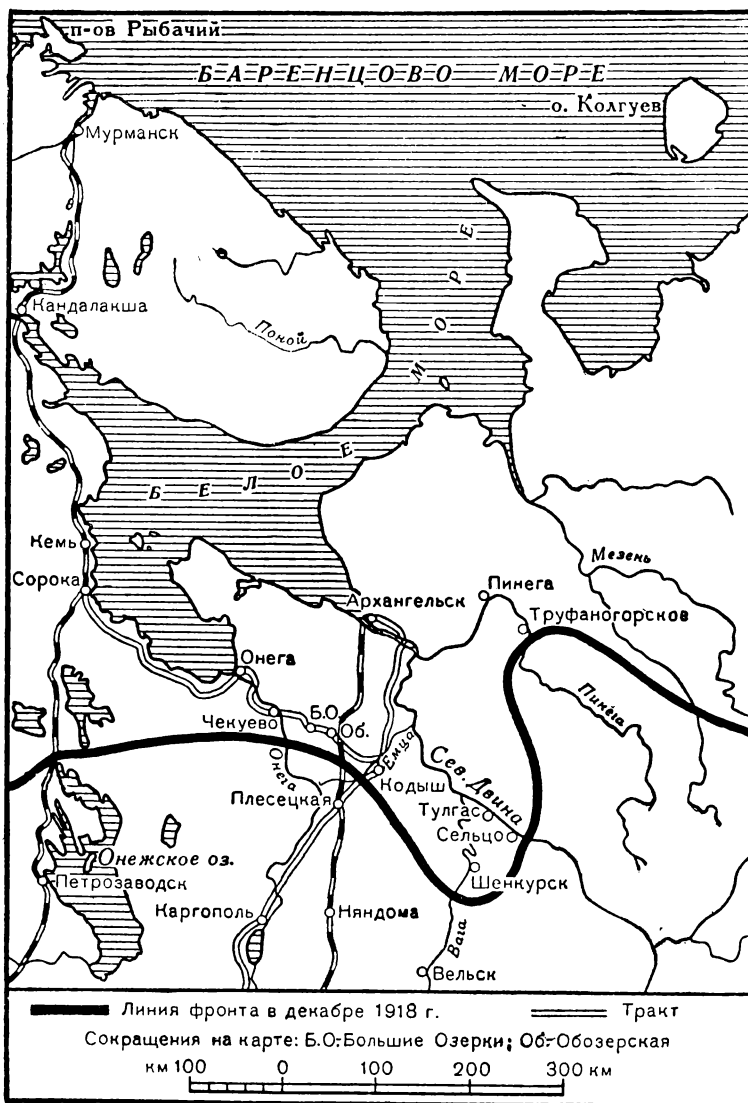
План англо-американских интервентов.

что численность VI Красной Армии, державшей в те дни весь фронт на севере от Печоры до финской границы, не превышала 9 тыс. человек. 9 тыс. плохо вооружённых красноармейцев отражали натиск армии захватчиков, значительно превосходившей советские войска и по численности и по технической оснащённости. В сентябре 1918 г. только на Архангельском участке фронта интервенты сосредоточили 16 тыс. солдат и офицеров, в том числе англичан 6 200, американцев 5 200, французов 1 600 и белогвардейцев 3 тыс.

Интервенты направили свой главный удар вверх по Северной Двине, стремясь как можно быстрее, до наступления холодов, прорваться к Котласу. Советскому народу надо было во что бы то ни стало остановить врага и предотвратить соединение двух фронтов контрреволюции. Фронт, образовавшийся на Севере, приобрёл важное значение для обороны страны.

В. И. Ленин и И. В. Сталин руководили борьбой советского народа против захватчиков. По распоряжению Ленина было организовано снабжение Северного фронта всем необходимым.

Ленин посылает на Север отряды вооружённых рабочих и моряков, которые оказывают героический отпор врагу.

Северный фронт.

Первый бой с интервентами на Двине произошёл 9 августа. Флотилия боевых судов под командованием заместителя председателя Архангельского губисполкома Павлина Виноградова преградила захватчику путь к Котласу.

В течение всего августа на Северной Двине шли бои. Отряд Виноградова, усиленный моряками и путиловскими рабочими, неоднократно переходил в контрнаступление. Враг понёс большие потери и был остановлен. Расчёт интервентов на быстрое соединение с чехами провалился.

Защищая Советскую землю от интервентов, в бою за устье реки Ваги, Павлин Виноградов погиб смертью героя. Осколок вражеского снаряда оборвал жизнь мужественного большевика, волевого командира и талантливого организатора. Павлин Виноградов не был военным, он был учителем. Однако в тяжёлый для родины момент он создал Северо-Двинскую флотилию, принял на себя командование и организовал отпор врагу, проявив блестящие способности военного руководителя.

Захватив устье Ваги, интервенты поднялись вверх по реке и заняли город Шенкурск. Так образовалось Шенкурско-Вельское направление Северного фронта.

Жестокие бои развернулись на линии железной дороги Архангельск — Вологда (железнодорожное направление). Здесь интервенты ставили своей задачей захват Вологды для дальнейшего развёртывания наступления на Москву и Петроград. Малочисленные отряды Красной Армии под давлением превосходящих сил противника с боями отходили к югу.

Ленин внимательно следил за железнодорожным направлением и требовал конкретной и ясной информации о ходе боевых действий. Командованию Северного фронта он писал: «Вы мало сообщаете фактического. Присылайте с каждой оказией отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж. д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами, мы взорвали и разрушили *серьезно такое-то* (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности?»¹

В районе станции Плесецкой противник был задержан. Несмотря на прибытие сильных подкреплений (в том числе американских войск), ему не удалось добиться сколько-нибудь значительного успеха. Все атаки американцев, англичан, французов и белогвардейцев были отбиты с большими для них потерями.

Неудачей окончились попытки интервентов нанести красным войскам, оборонявшим Плесецкую, фланговый удар со стороны

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 295.

реки Емцы вдоль тракта Каргополь — Архангельск. Продвижение противника на Емецком направлении было незначительным. В начале сентября наши войска достигли здесь значительного успеха: при попытке обойти позиции советских войск был полностью уничтожен многочисленный отряд интервентов под командованием американского офицера.

Так же безуспешны были попытки американцев и белогвардейцев выйти в тыл Плесецкой со стороны Онеги.

На Пинежско-Печорском направлении американскому отряду удалось овладеть городом Пинега, однако и здесь войска оккупантов вскоре стали терпеть поражения.

Таким образом, ни на одном из участков Северного фронта захватчики не добились сколько-нибудь значительных успехов. Несмотря на превосходство в численности и вооружении, они не могли сломить сопротивление мужественных воинов молодой Красной Армии.

На всех перечисленных направлениях в составе интервенционистских частей активно действовали американские войска. В то время как Лансинг лицемерно заявлял, что США не находятся в состоянии войны с Советской Россией¹, американские вооружённые силы вели самую настоящую войну против русского народа.

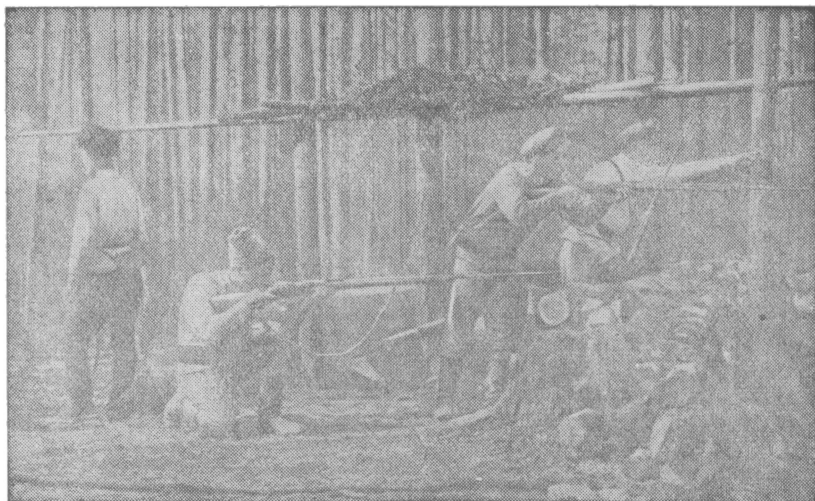
Главным направлением Северного фронта, наиболее опасным для Советской республики в течение осени и зимы 1918 г., продолжало оставаться Северо-Двинское направление. Интервенты не прекращали попыток прорваться к Котласу.

19 сентября в наступление были брошены подразделения 339-го пехотного американского полка. После двухдневных боёв американцам удалось овладеть населённым пунктом Сельцо, но дальше они продвинуться не смогли. Сельцо было крайней точкой продвижения интервентов в направлении Котласа. Верховное командование Антанты требовало от Пуля любой ценой продолжать наступление навстречу чехословакам, наступавшим на Пермь.

Угроза соединения контрреволюционных фронтов усилилась в декабре 1918 г. Предательская деятельность военных специалистов — ставленников Троцкого — привела к тому, что советские войска на Восточном фронте оказались в тяжёлом положении. 24 декабря III Красная армия вынуждена была оставить Пермь. Белые быстро продвигались вперёд, создавая реальную угрозу Вятке и имея дальнейшей целью прорыв к Котласу. На Восточном фронте создалось катастрофическое положение.

Для срочного принятия мер по укреплению фронта Центральный Комитет партии по предложению Ленина послал на Восточный фронт товарища Сталина и товарища Дзержинского. Сталин организовал оборону Вятки и задержал дальнейшее продвижение кол-

¹ «Правительство Соединённых Штатов... не рассматривает свои стремления спасти запасы в Архангельске или помочь чехам в Сибири как состояние войны с большевиками» (FR. 1918, Russia, vol. II, p. 548).

Бойцы VI Красной Армии на передовых позициях. Северный фронт, 1919 г.

чаковских войск. Это в значительной мере облегчило положение наших войск, оборонявших Котлас от американцев и англичан.

Находясь в Вятке, товарищ Сталин дал ряд важнейших директив командованию Северного фронта. Товарищ Сталин отменил предательский приказ Троцкого о переброске войск с главного Северо-Двинского направления на железнодорожное; это распоряжение товарища Сталина ещё более укрепило Северный фронт.

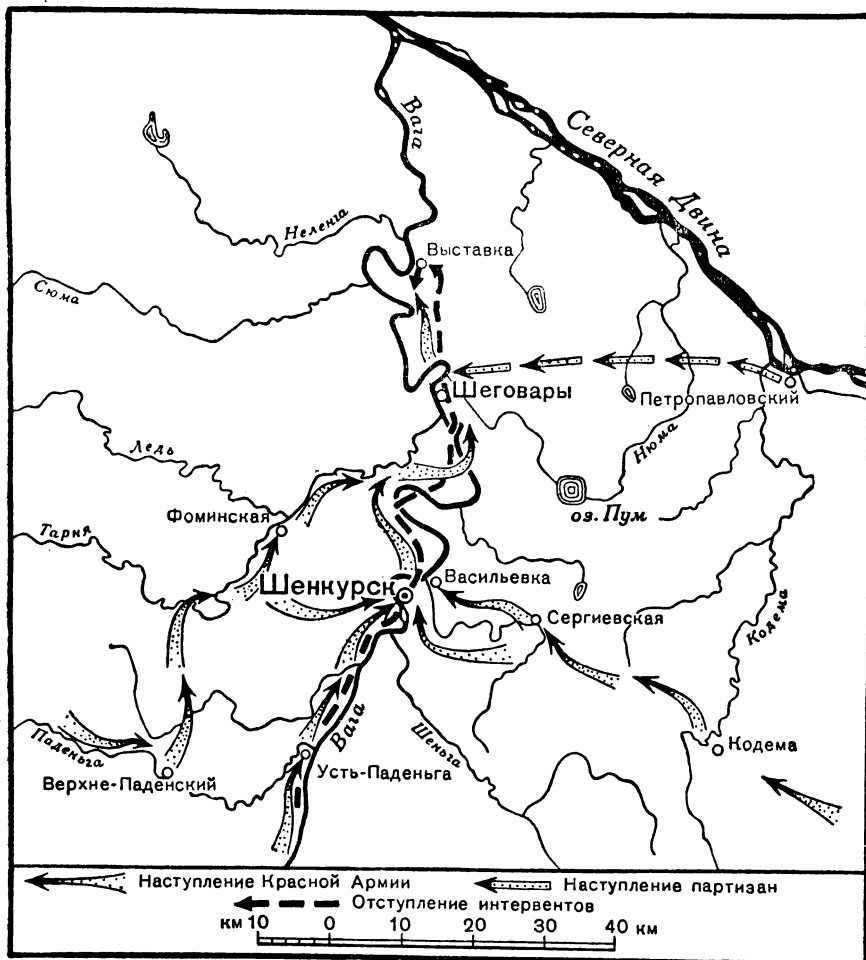
Представитель VI армии в телеграммах из Вятки сообщал, что благодаря присутствию Сталина и Дзержинского в Вятке он получил всё необходимое: обмундирование и оружие.

Угроза падения Котласа была предотвращена и созданы условия для контрнаступления наших войск. 7 января 1919 г. VI армия получила приказ: «Оттеснить противника, оперирующего по течению рек: Пинега, Мезень и Печора, возобновить активные действия в Архангельском направлении, имея конечной целью занять Архангельск»¹.

Перед армией была поставлена трудная задача: наступать против более чем в два раза превосходящего противника. Однако советские войска, ободрённые переломом на Восточном фронте, смело взялись за решение этой задачи. Первый удар решено было нанести по важному стратегическому пункту — городу Шенкурску.

Шенкурск обороняли американцы (подразделения 339-го пехотного и 310-го инженерного полков) и русские белогвардейцы. Противник располагал 3 тыс. человек и 30 орудиями разных калибров.

¹ «В боях за Север», Архангельск, 1930, стр. 66—67.

Шенкурская операция.

19 января началось наступление. В жестокий тридцатиградусный мороз советские воины двинулись в атаку. Наступление на Шенкурск велось тремя колоннами. Один отряд, наступая по реке Ваге, наносил удар в лоб. Два других били по флангам противника. От Северной Двины в район Шеговар вышел отряд красных партизан, который наносил чувствительные удары по тылам американцев.

Несмотря на непрерывный артиллерийский огонь противника и жестокий мороз, красные войска, наступавшие по Ваге, выбивали американцев из их укрепленных пунктов. На третий день после начала наступления развернулись жестокие бои за овладение

главной оборонительной позицией американцев — укреплёнными высотами в районе Усть-Паденьги. Отразив контратаки противника, советские войска нанесли ему сокрушительный удар. Американцы были отброшены к северу.

С боями прокладывали себе путь к Шенкурску и оба отряда, наседавшие на вражеские фланги. Отряду, наступавшему от Северной Двины, приходилось двигаться по ненаселённой местности, без дорог. Советские воины шли иногда по пояс в снегу, спали в жестокий мороз у костров под открытым небом. Орудия были укреплены на полозьях, но для того чтобы их везти, всё время приходилось расчищать дорогу. В этих тяжёлых условиях Северо-Двинский отряд вёл наступательные операции, шёл вперёд, преодолевая сопротивление врага.

25 января красные войска вышли к Шенкурску на всех трёх направлениях, сжимая кольцо вокруг города. Опасаясь попасть в окружение, американцы и белогвардейцы в панике бежали по единственной лесной дороге, оставшейся не перерезанной частями Красной Армии.

В Шенкурске были захвачены значительные трофеи: два парохода, 15 орудий (начиная наступление, советские войска имели на этом участке всего 14 орудий), 5 тыс. снарядов, 2 тыс. винтовок, 60 пулемётов, 3 млн. патронов, запасы продовольствия и обмундирования. Большинство захваченных трофеев было американского происхождения.

Отступая, американцы грабили крестьян, жгли дома, расстреливали жителей. С. Чухин рассказывает в своих воспоминаниях о бегстве интервентов из Шенкурска: «По дороге они забирали всех крестьянских лошадей. В селе Шеговары сожгли кооператив, сельскую школу, двухклассное училище, дом, занятый госпиталем. Во время поджога население запретили выходить из своих квартир, и, когда некоторые пытались потушить пожар, по ним открывали огонь из пулемётов и винтовок. Сколько сожгли, сколько разграбили народного имущества, сколько искалечили людей, это не поддётся учёту»¹.

Советские войска преследовали отступающего противника, нанося ему жестокие удары. Закрепиться американцам удалось только в районе деревни Выставка, 65 км севернее Шенкурска.

Поражение под Шенкурском создало угрожающее положение для всей Северо-Двинской группировки противника. В связи с этим командование интервенционистскими войсками начало спешную переброску войск с Мурманского участка на Северную Двину.

Зимой 1918—1919 гг. Красная Армия добилась также успехов на Емецком и Пинежском направлениях. На Емецком направлении в начале января 1919 г. американцы при поддержке канадской артиллерии начали наступление и после продолжительного боя захватили д. Кодыш. Советские войска отразили все дальней-

¹ «Правда Севера», 19 февраля 1949 г.

шие атаки американцев и вскоре сами перешли в контрнаступление. Американцы были выбиты из Кодыша и в панике бежали за р. Емцу. Вскоре они были выведены в тыл как ненадёжные.

На Пинежском направлении советские войска разбились сводный американско-белогвардейский отряд, заняли село Труфаногорское и ряд других населённых пунктов. Интервенты несколько раз пытались вернуть Труфаногорское, но все эти попытки разбивались о мужество и стойкость советских воинов.

Разгром американских и белогвардейских войск под Шенкурском окончательно сорвал планы соединения Северного и Восточного фронтов белогвардейщины для совместного наступления на Москву. Победа Красной Армии тяжело отразилась на моральном состоянии войск противника. Брожение в войсках оккупантов и белогвардейцев, начавшееся в первые же месяцы интервенции, принимает массовый характер. В белых войсках вспыхивают восстания.

Уже в октябре 1918 г. государственный департамент получил сообщение о недовольстве в двух американских ротах, находившихся на железнодорожном направлении. Зимой в американскую печать проникли слухи о восстании в американских войсках на Севере. Эти слухи впоследствии не подтвердились, однако они были весьма симптоматичными. Как явствует из письма консула Пуля в Вашингтон, в американских войсках действительно готовилось вооружённое выступление к январю 1919 г., и только арест «большевистских агитаторов» предотвратил его¹.

На Кодышских позициях американские солдаты неоднократно вступали в переговоры с бойцами Красной Армии. Американцы заявили, что они не желают воевать против большевиков, просили снабдить их литературой о русской революции². Вскоре эта часть была заменена русскими белогвардейцами.

30 марта 1919 г. взбунтовалась одна из рот 339-го пехотного полка, получившая приказ отправиться на передовые позиции. Солдаты требовали от американского правительства заявления о немедленном выводе войск и грозили поднять общее восстание³.

Деморализация интервентов усилилась под влиянием агитационной работы, которую проводили политические органы наших войск в частях противника. Во вражеские окопы забрасывалось большое количество листовок, в которых разоблачались захватнические цели империалистических правительств, пославших своих солдат на борьбу с русскими рабочими и крестьянами. В солдатские сердца проникали слова большевистской правды.

Тем не менее враг был ещё достаточно силен, чтобы в течение длительного времени оказывать сопротивление. Во второй половине марта развернулись крупные бои в районе Обозерско-Чу-

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 577.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. 7, л. 60—61, 62а, 62б.

³ New York Times, 1919. Apr. 11.

вашского тракта. Части Красной Армии прошли клином между Онежской и железнодорожной группировками интервентов и 20 марта овладели деревней Большие Озерки¹. На ликвидацию прорыва интервенты бросили американские части. Американские сапёры спешно возводили укрепления. Вперёд была выдвинута вся наличная артиллерия. Ценой больших потерь интервентам удалось задержать наступающие части Красной Армии. Потрёпанные в этих боях американские войска были вскоре выведены в тыл.

Американские империалисты не думали складывать оружие. В то время как на Парижской конференции дипломаты США изыскивали способы замены открытого вооружённого вмешательства разными формами прикрытой интервенции, на Север продолжали прибывать американские войска.

В сентябре 1918 г. Вильсон заявил, что в северные порты России не будут больше направляться американские войска. Поражение под Шенкурском заставило президента забыть о своём торжественном заявлении. В феврале 1919 г. Вильсон отдаёт распоряжение о посылке на Север отряда железнодорожных войск. Генералом Блиссом был составлен специальный документ, излагавший задачи, поставленные перед частью, направляемой в Россию. В этом документе, одобренном Вильсоном, содержалось заявление о намерении правительства в скором будущем эвакуировать все американские войска из Советской России. Последнее обстоятельство, а именно тот факт, что отправка подкреплений маскировалась обещаниями о предстоящем выводе войск, весьма характерно: в Вашингтоне надеялись на скорое падение советской власти под ударами колчаковской армии, готовившейся к наступлению.

Железнодорожный отряд, численностью в 720 человек, прибыл на Север двумя партиями в конце апреля 1919 г. Американский консул Пуль, заменивший Фрэнсиса, ужевшего на родину, сообщил об этом генералу Миллеру, а также довёл до его сведения о намерении правительства США послать в северные порты России два крейсера и другие военные суда под командованием адмирала Мак-Келли². Бригадный генерал Ричардсон, прибывший вместе с железнодорожным отрядом, принял командование всеми американскими войсками на Севере.

Весной 1919 г. начался первый поход Антанты. Армии Колчака двинулись на Москву. По замыслу одного из главных вдохновителей и организаторов этого похода Черчилля, интервенты на Севере должны были пробиться на соединение с Колчаком, с тем, чтобы организовать его снабжение через Мурманск и Архан-

¹ «Известия Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 22 марта 1919 г.

² Этот отряд хотя и недолго пробыл на Севере, однако был довольно сильно потрёпан Красной Армией. «Когда мы прибыли в эту страну,— сообщил домой один из американских солдат,— у нас было 720 человек. 340 из них мы уже потеряли. Можете себе представить, как нас колотят большевики».

гельск. В соответствии с этим планом в начале мая интервенты открыли наступательные действия на Петрозаводском направлении, а в конце мая двинулись в атаку на Северной Двине. Впоследствии в своих мемуарах Черчилль писал, что он готов был «протянуть руку адмиралу Колчаку, чтобы помочь ему добраться до Севера». Однако по рукам Черчилля ударила Красная Армия. Новые попытки прорваться к Котласу окончились полным провалом. Советские войска одерживали победу за победой.

Героическую борьбу против наглого врага вели советские люди в тылу интервентов. Эту борьбу возглавляла большевистская партия. В городах и сёлах, временно захваченных интервентами, несмотря на кровавый террор, коммунисты не прекращали подпольной работы. В Архангельске активно действовал подпольный большевистский комитет.

Сельские районы были охвачены партизанским движением. Командование Красной Армии руководило действиями партизан, направляя их удары по наиболее важным коммуникациям врага.

Успехи Красной Армии, удары партизан, усиливающийся развал белогвардейских и иностранных войск вынудили интервентов приступить к эвакуации. Первыми бежали французы и американцы. Американское командование с середины апреля стало оттягивать свои войска в тыл. Посадка на суда началась 3 июня.

Американские захватчики были разгромлены советскими войсками и позорно бежали из Архангельска и Мурманска. Это не помешало, однако, незадачливым воякам соорудить себе в Нью-Йорке триумфальную арку, на которой в списке американских побед в Европе фигурировала также... «победа при Мурманске».

Последние войска интервентов убралась восвояси 12 октября 1919 г. Ленин высоко оценивал победу над иностранными захватчиками. «Этот фронт,— говорил он,— который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения»¹. И действительно, войска белого генерала Миллера продержались всего лишь несколько месяцев. В феврале 1920 г. в Архангельске и Мурманске была восстановлена советская власть.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 58.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗА КУЛИСАМИ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Заговор дипломатических представителей

Ведя против Советской России необъявленную войну, организуя и поддерживая все силы белогвардейской контрреволюции, правительство Соединённых Штатов Америки прилагало немалые усилия, чтобы взорвать Советское государство изнутри. Выполняли эту задачу американские дипломатические представители, в течение некоторого времени остававшиеся в различных городах России и после начала вооружённой интервенции.

Дипломатический корпус покинул Петроград ещё в конце февраля 1918 г., перебравшись в Вологду. Инициатива переезда принадлежала американскому послу Фрэнсису, являвшемуся старшиной корпуса. Вологда была не случайно избрана местом пребывания иностранных дипломатов: здесь скрещивались пути, связывавшие центр страны с Севером и Сибирью, т. е. с районами, откуда должно было начаться иностранное вторжение. Именно в Вологде сходились все нити контрреволюционных заговоров, здесь разрабатывались планы свержения советской власти, отсюда шли средства, при помощи которых создавались и финансировались контрреволюционные организации.

Фрэнсис в Вологде и американский генеральный консул Пуль в Москве консолидировали вокруг себя внутренние контрреволюционные элементы, независимо от их политической окраски. Эсеры и энэсы («народные социалисты»), по признанию одного из их бывших лидеров, сколачивали свои заговорщические организации, используя средства, полученные из американских источников. В марте 1918 г. возник подпольный офицерский «Союз защиты родины и свободы», возглавлявшийся Савинковым. Савинковцы с самого начала были на полном содержании у антантовского империализма и состояли в постоянной и тесной связи с иностранными представителями. В апреле — мае при прямой поддержке американско-англо-французских «дипломатов» был создан так называемый «Союз возрождения» — военная организация, объединившая представителей эсеров, энэсов, группы «Единство»,

меньшевиков и кадетов. Все они готовились к нанесению удара советской власти, убийству вождей Октябрьской революции, реставрации в России власти эксплуататоров. Донося в Вашингтон о своих сношениях с одной из этих организаций, Фрэнсис с удовлетворением сообщал её программу, главным пунктом которой было восстановление частной собственности. Американские представители поддерживали контакт с Керенским; последний в мае 1918 г. тайно приезжал в Москву, где встретился с Пулем и вёл переговоры относительно своей поездки в США для организации дальнейшей борьбы против советской власти. Керенский выехал из Москвы на Север, имея на руках визу, выданную ему (на чужое имя) английским дипломатическим агентом Локкартом, работавшим в полном контакте с Пулем.

К этому времени деятельность иностранных представителей полностью потеряла всякое подобие дипломатии. Нагло вмешиваясь во внутренние дела страны, при правительстве которой они были аккредитованы, Фрэнсис, Пуль и их сотрудники и коллеги из других посольств по существу превратились в банду, которая под прикрытием дипломатического иммунитета совершала тягчайшие преступления против трудящихся Советской России. Дальнейшие события показали руководящую роль американских дипломатических представителей во всех антисоветских заговорах лета и осени 1918 г. Будучи по существу их вдохновителями и активнейшими соучастниками, агенты американского империализма в то же время особенно изощрённо маскировались, стремясь остаться некомпрометированными. Это им, однако, не помогло, и они были полностью разоблачены как злейшие враги свободы и независимости народов России.

Заговорщики возлагали большие надежды не только на организуемые ими контрреволюционные эсеров-кадетские организации, но и на враждебные силы, имевшиеся в органах Советского государства в лице предателей Троцкого, Бухарина и др. Английский агент Локкарт в одном из своих писем сообщал, что «Троцкий показал свою готовность работать с союзниками». Локкарт подробно перечисляет в этом письме заслуги Троцкого перед англо-американскими империалистами: «Он пригласил союзных офицеров к сотрудничеству в создании новой армии. Он предоставил все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске... Он согласился послать чешский корпус в Мурманск и Архангельск»¹. Имея серьёзную поддержку изнутри, иностранные шпионы и диверсанты, скрывавшиеся под личиной дипломатов, были вполне уверены в успехе своих коварных планов. Злобно ненавидя крепнущую с каждым днём советскую власть, они спешили с моментом выступления.

При прямом участии иностранных представителей в течение июня 1918 г. по Советской стране прокатилась волна контррево-

¹ Russian-American relations, p. 203.

люционных восстаний и террористических актов. 5 июля белогвардейцы захватили Рыбинск. В последующие дни произошли контрреволюционные выступления в Ярославле и Муроме. Восстание организовал Сабинков. Нанося комбинированный удар, антантовские агенты одновременно осуществляли руками «левых» эсеров попытку свержения советской власти в Москве. Во время заседаний V Всероссийского съезда Советов (начало июля) «левые» эсеры, являвшиеся ярыми защитниками интересов кулачества, организовали провокационное убийство германского посла Мирбаха, а затем начали антисоветский мятеж. Как указывает сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», «...мятеж «левых» эсеров был поднят с ведома и согласия Бухарина и Троцкого и явился частью общего плана контрреволюционного заговора бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров против Советской власти»¹. О том, кто был подлинным вдохновителем и организатором этого заговора, достаточно красноречиво свидетельствуют воспоминания Локкарта; последний описывает паническое настроение своих агентов в тот момент, когда выяснился полный провал левоэсеровской авантюры. Англо-американские «дипломаты» вкуче с их подручными-разведчиками находились в это время в зале заседаний Съезда Советов; удостоверившись в своём провале и опасаясь разоблачения, они немедленно стали уничтожать изобличающие документы, проглатывая наиболее важные из них². Эта картина как нельзя лучше символизировала собой истинную сущность шпионско-диверсантской дипломатии Англии и США.

Соединённый удар правых и «левых» эсеров потерпел крах, как и все последующие планы капиталистической реставрации. Левоэсеровская авантюра была разгромлена в несколько часов. В максимально короткий срок было восстановлено положение на верхней Волге.

Стремясь ликвидировать осиное гнездо дипломатических заговорщиков в Вологде, Советское правительство неоднократно предлагало послам стран Антанты переехать в Москву. 10 июля 1918 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин указывал в телеграмме Фрэнсису (как старшине дипломатического корпуса), что Советское правительство считает переезд послов необходимостью. Тогда же для переговоров в Вологду был направлен специальный представитель НКВД. Фрэнсис уже на следующий день ответил, что «мы этому решению не подчинимся». 13 июля Чичерин в телеграмме Фрэнсису вновь писал о невозможности дальнейшего пребывания дипломатического корпуса в Вологде. В ноте представителя НКВД Фрэнсису указывалось, что неисполнение данной просьбы будет рассматриваться как шаг определённого недружелюбия и вражды.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 213.

² К. Н. В. Lockhart, *Memoirs of a British-agent*. N. Y. 1933, p. 298.

Однако союзные послы во главе с Фрэнсисом и не собирались скрывать своей вражды к социалистическому государству. Все предложения Советского правительства наталкивались на их упорный отказ. В конце июля 1918 г. Фрэнсис вместе с другими иностранными послами бежал из Вологды в Архангельск на встречу союзному десанту.

Однако в Москве и Петрограде всё ещё оставались дипломатические представители США и стран Антанты, в спешном порядке разрабатывавшие и осуществлявшие новый, ещё более дьявольский проект ликвидации ненавистной империалистам власти рабочих и крестьян. Речь идёт о так называемом заговоре Локкарта, который гораздо правильнее было бы называть заговором Локкарта-Пуля, ибо роль, сыгранная в нём американским консулом и его подручными, была огромна, если не первостепенна.

В течение всего августа 1918 г. англо-франко-американские агенты развивали лихорадочную активность. После краха июльских восстаний ими, по свидетельству Локкарта, была вновь в чрезвычайно широких масштабах оказана финансовая помощь «тем русским, которые нас поддерживали», т. е. контрреволюционерам. Часть этих денег доставлялась представителями русской буржуазии, все средства приносились в американское генеральное консульство, которое и являлось местом, откуда осуществлялось руководство антисоветским заговором, где созывались совещания иностранных разведчиков — организаторов диверсий, шпионажа и террора.

Иностранные «дипломаты»-разведчики создали в Советской России разветвлённую шпионско-диверсионную сеть. Наряду с матёрым английским разведчиком Сиднеем Рейли, одним из главных её создателей был помощник американского коммерческого атташе Коломатиано¹, перешедший, как и Рейли, на подпольное положение и живший по подложным документам на имя Серповского. Рейли и Коломатиано, выполнявшие задания официальных представителей Англии и США в Москве — Локкарта и Пуля, имели обширную агентуру не только в самой столице, но и в ряде других городов. Агенты Коломатиано имели на своих руках документы американской торговой фирмы «Панкивель». Они вели усиленный шпионаж, собирая подробные сведения о военных силах Красной Армии в прифронтовой полосе, о передвижениях войск, о состоянии транспорта, о производстве оружия, о настроении населения и т. п. На Рейли и Коломатиано было возложено проведение диверсионных актов и организация вооружённых выступлений против советской власти.

В самой Москве англо-американские разведчики имели агентуру в ряде важнейших учреждений; ближайшим сотрудником Коломатиано был, в частности, бывший полковник Фриде, пробравшийся на видный пост в советские военные органы. По сви-

¹ «Правда», 29 сентября 1918 г.

детельству Рейли, через руки предателя Фриде проходили приказы, военные планы и другие документы секретного характера, копии которых незамедлительно попадали в руки британской и американской разведок¹. Сводки важных шпионских сведений, составлявшиеся Фриде, через его сестру переправлялись Локкарту, американскому генконсулу Пулю и французскому — Гренару². Американские империалисты не стеснялись в затратах на содержание своей шпионско-диверсионной сети. Рядовым шпионам Коломатиано платил от 1 тыс. до 6 тыс. рублей ежемесячно; Фриде получил от него 500 тыс. рублей³.

Заговор дипломатических представителей вступил в решающую фазу в середине августа 1918 г. — после удачной (как казалось заговорщикам) попытки подкупить командиров латышских частей, охранявших Кремль. Рассказывая о своей встрече с этими командирами (которые на деле выполняли задание советской контрразведки), Локкарт сообщает, что дальнейшие переговоры с ними он поручил Рейли, как лицу неофициальному, от которого, в случае провала, можно было откреститься. Через Марию Фриде Рейли узнал, что 28 августа в Большом театре должно состояться важное заседание ВЦИК, на котором предполагалось присутствие Ленина, Сталина и других вождей революции. Было принято решение выступить именно в этот день, чтобы одним ударом обезглавить большевистскую партию и рабочий класс, уничтожив его руководителей.

Локкарт свидетельствует, что в это время происходили ежедневные совещания союзных представителей, собиравшиеся в помещении американского консульства как наиболее безопасном убежище. Именно на этих совещаниях, в которых участвовал Пуль, и разрабатывались планы выступления 28 августа. Заговорщики намеревались арестовать Ленина и других вождей большевистской партии и учинить немедленную расправу над ними, захватить Кремль, Государственный банк, Центральную телефонную станцию и т. д.

Французский журналист Маршан дал описание одного из конспиративных собраний иностранных дипломатов, замышлявших порабощение народа, гостеприимством которого они пользовались. Оно состоялось 23 или 24 августа, как обычно, в американском генконсульстве при участии Пуля, Гренара, Рейли, его французского коллеги — шпиона Вертемона и др. Рейли сделал детальный доклад о подготовленных им диверсионных актах на железных дорогах, в том числе о подрыве моста через Волхов у станции Званка. Вертемон доложил об аналогичном проекте подрыва железнодорожного моста у Череповца. Оба эти акта должны были, как цинично признавали сами разведчики, полностью отрезать

¹ S. Reilly, The adventures of Sidney Reilly Britan's master spy, London 1931, p. 18.

² «Известия», 4 сентября 1918 г.

³ The Nation, 1919. Nov. 16.

Петроград от подвоза продовольствия и обречь его население на голодную смерть¹.

В конце августа 1918 г. Рейли стало известно, что заседание ВЦИК, одновременно с которым должен был состояться контрреволюционный мятеж, откладывается на 6 сентября. Руководители заговора решили использовать оставшиеся дни для окончательной проверки сложной организации, созданной ими. Рейли с этой целью выехал в Петроград. Тем временем снова выступили эсеры. 30 августа в Петрограде был убит Урицкий. В тот же день в Москве эсеркой Каплан было произведено злодейское покушение на жизнь Ленина. Вдохновителем покушения был Савинков — сообщник Рейли. ВЧК, осведомлённая о попытках подкупа командиров советских воинских частей, приняла необходимые меры, чтобы обезвредить англо-американских «дипломатов» и разведчиков. В ночь с 31 августа на 1 сентября были арестованы не только подручные заговорщиков, но и некоторые из числа лиц, непосредственно возглавлявших антисоветский заговор, в том числе Локкарт. Когда сотрудники ВЧК явились в помещение британского посольства в Петрограде, для того чтобы произвести обыск, им было оказано вооружённое сопротивление. Один чекист был убит, другой ранен. Чекисты также открыли огонь и убили одного из англичан, завязавших перестрелку. Это был английский военноморской атташе Кроми. В помещении посольства как раз в это время происходило совещание заговорщиков: иностранных разведчиков, дипломатов и белогвардейцев. Все они были взяты под стражу.

Американский консул в Москве Пуль, так же как и француз Гренар, сумел скрыться в норвежском посольстве.

Локкарт впоследствии неоднократно указывал на решающую роль американцев в заговоре. Сетуя на свои злоключения, он не без зависти отмечает: «Американские агенты, которые были гораздо более сильно замешаны в разоблачённых Маршаном делах, смогли избежать ареста и серьёзных неприятностей»².

Пытавшийся скрыться Коломатиано был задержан до того, как успел осуществить своё намерение. При аресте у Коломатиано был обнаружен большой зашифрованный список агентуры, спрятанный в трости. Кроме того, у него имелись различные материалы разведывательного характера, в том числе данные о дислокации частей Красной Армии.

Задержание видного американского агента, за которым последовал ряд новых арестов (Фриде, его сестра-связистка и др.), пролило свет на важнейшие обстоятельства заговора Локкарта — Пуля — Гренара. Арест Коломатиано означал полный провал всей авантюры.

¹ R. Marchand, *Pourquoi je me suis raillé à la formule de la Révolution sociale*. Paris 1919, p. 55—56.

² К. Н. В. Lockhart, *Op. cit.*, p. 336.

Советской дипломатии пришлось выдержать бой с распоясавшейся «дипломатией» империалистов Антанты, вступившей за своих пойманных с поличным агентов. 6 сентября английский министр иностранных дел Бальфур прислал наглую, полную угрозу ноту, в которой требовал «немедленного удовлетворения» и наказания всех «виновных» в аресте Локкарта и других английских шпионов; аналогичная нота была прислана и мининделом Франции Пишоном. Английские власти без всяких на то оснований арестовали в качестве заложника советского представителя в Лондоне т. Литвинова. Он был освобождён лишь после высылки Локкарта из пределов Советской России.

Народный комиссариат иностранных дел в заявлении, сделанном в ответ на ноты империалистических правительств, указал: «Правительство РСФСР лишено возможности предоставить свободу действий лицам, прибывшим в Россию в качестве дипломатических представителей и поставившим себя фактически в положение заговорщиков против правительства нашей страны. Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против Советской власти и дипломатические представители этих держав внутри России создают организацию для государственного переворота и захвата власти,— правительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны»¹.

Что касается американских «дипломатов», то, столкнувшись с фактом полного разоблачения, они вынуждены были, не создавая особого шума и отказавшись даже от прикрытия протестами, убраться из Советской России. Этим заокеанские империалисты ещё более развязывали себе руки для всемерного расширения военной интервенции, на которую они тогда возлагали главные свои надежды. Пуль в сентябре 1918 г. покинул Москву вместе с персоналом американского консульства. Вплоть до самого отъезда он, наряду с главой миссии американского Красного креста Уордвеллом, прилагал все усилия, чтобы выгородить своих сотоварищей по преступлению — Коломатиано, Фриде и др., преданных суду военного трибунала.

На суде, состоявшемся в конце ноября — начале декабря 1918 г., была полностью вскрыта неприглядная картина преступной деятельности официальных представителей США, Англии и Франции, выступавших в роли вдохновителей контрреволюционных мятежей, организаторов террористических актов против вождей Советского государства, диверсий и шпионажа. Была в достаточной степени вскрыта и роль американских империалистов, являвшихся душой заговора; не случайно их прямой представитель — Коломатиано — явился центральной фигурой процесса по делу о заговоре Локкарта.

¹ «Правда», 7 сентября 1918 г.

Поведение Коломатиано на суде ещё раз показало, что в его лице выступает матёрый шпион и заговорщик. Во время предварительного следствия он вынужден был под давлением улик признать факт своей связи с Рейли, своё присутствие на совещаниях в американском генконсульстве, а также то, что вся его деятельность проходила под непосредственным руководством Пуля¹. Однако в ходе процесса американский шпион, застигнутый на месте преступления, всячески пытался увильнуть от ответственности и представить себя в качестве безобидного коммерсанта, лишь «случайно» знакомого с Рейли, «случайно» связанного с генеральным консулом США, и т. д. Естественно, что все эти уловки не могли иметь успеха, ибо вещественные улики, а также показания других обвиняемых, свидетелей и экспертов полностью разоблачили и самого Коломатиано, и направлявшие его деятельность силы.

В своём решении трибунал подчеркнул: «Попытка контрреволюционного переворота, будучи сопряжённой с циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности прежде всего на те капиталистические правительства, техническими исполнителями злой воли которых являются (перечисленные в приговоре) лица»². Локкарт, Рейли, Гренар и другие скрывшиеся от справедливого суда преступники были объявлены вне закона; американского агента Коломатиано и предателя Фриде трибунал приговорил к расстрелу, остальных подсудимых — к различным срокам тюремного заключения.

Так бесславно закончилась авантюра антантовских «дипломатов», рассчитанная на свержение советской власти. Верный страж

Ф. Э. Дзержинский.

¹ «Известия», 5 декабря 1918 г.

² «Правда», 29 ноября 1918 г.

революции, ВЧК, руководимая ближайшим соратником Ленина и Сталина Ф. Э. Дзержинским, во-время раскрыла коварные планы империалистов и пресекла все попытки взрыва Советского государства изнутри.

2. Конференция в Париже — штаб антисоветской интервенции

Конец 1918 г. ознаменовался рядом крупных успехов Советской республики в борьбе с контрреволюцией. 8 декабря 1918 г. был опубликован декрет о независимости Советской Эстонии, 22 декабря — Советских Литвы и Латвии. 1 января 1919 г. Белоруссия была объявлена советской республикой. Советская власть была восстановлена во многих районах Украины.

Значительно усилившаяся Красная Армия наносила белым интервентам одно поражение за другим. На Южном фронте она перешла в общее наступление, на Восточном фронте освободила от чехословаков и белогвардейцев Уфу, на Западном — Минск, в Прибалтике — Ревель и другие города.

«Наши надежды,— говорил 16 января 1919 г. Ллойд Джордж, — на крах большевистского правительства не оправдались. Большевики кажутся более сильными, чем когда бы то ни было»¹.

Вместе с тем правительства Антанты не могли не учитывать, что в их странах росло и ширилось революционное движение, неразрывно связанное со всё усиливающимся движением против интервенции, что их армии, уставшие после четырёхлетней войны, требовали отдыха и мира. Политика открытой вооружённой интервенции в Советской России не давала желаемых результатов. В лагере империалистов появились разногласия по вопросу о тактике дальнейшей борьбы с социалистическим государством.

В письме к рабочим Европы и Америки в январе 1919 г. В. И. Ленин следующим образом характеризовал создавшееся положение: «Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украине достаточно убедителен.

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит попрежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение Советской республики»².

¹ FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. III, p. 581.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 413.

Победы Красной Армии, всё усиливающееся разложение интервенционистских войск и движение протеста против войны с Советской Россией, охватившее все народы стран Антанты, заставило империалистов отказаться от открытой вооружённой интервенции при помощи своих войск и искать более удобные формы вмешательства. Поискам этих форм было посвящено много заседаний конференции стран-победительниц в мировой войне, собравшейся в Париже в январе 1919 г.

Официальной целью Парижской конференции была выработка мирных договоров с Германией и её бывшими союзниками. Однако центральное место в работе Парижской конференции занимал «русский вопрос» — вопрос о борьбе с Советской Россией.

Это признавали даже сами участники конференции. «Россия играла на конференции более важную роль, чем Пруссия», — писал сотрудник американского комитета печати на конференции Бейкер¹.

Без удушения социалистического государства и восстановления единства капиталистической системы невозможно было спокойно решать задачу передела мира; т. е. доводить до конца дело империалистической войны. Из Парижа государственные деятели США и стран Антанты — Вильсон, Лансинг, Ллойд Джордж, Черчилль и Клемансо — руководили борьбой всех контрреволюционных сил против советской власти. Парижская конференция, носившая название мирной, была по сути дела политическим и организационным центром военной интервенции в Советской России².

Президент США Вильсон, этот «...глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов...»³, являлся одним из главных врагов Советской России, вдохновителем антисоветской вооружённой интервенции международного империализма.

Направляясь в Париж, Вильсон располагал уже готовой, заранее выработанной программой по «русскому вопросу». Ещё в октябре 1918 г. был составлен документ, в котором излагались взгляды правительства США на послевоенное устройство мира, так называемый «комментарий к четырнадцати пунктам». Если в выступлении Вильсона 8 января 1918 г. в пресловутых «четырнадцати пунктах» программа империалистического передела мира выступала в прикрытой форме, то в комментарии к ним — документе, составленном для «внутреннего», служебного пользования, — эта программа излагалась совершенно открыто.

В «четырнадцати пунктах» пункт, посвящённый России, был сформулирован следующим образом: «Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудни-

¹ R. S. Baker, Woodrow Wilson and the world Settlement, vol. II, p. 64.

² Б. Е. Штейн, Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1918—1920 гг.), М. 1949.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 52.

чество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стеснённой возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики и гарантирует ей радушный приём в общество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберёт; но не только приём, а и всякую поддержку во всём, в чём она нуждается и чего она сама себе желает».

Так говорил Вильсон в дни брестских переговоров в надежде спровоцировать военный конфликт между Советской Россией и Германией. Теперь, когда Германия была поставлена на колени, а интервенция в России — в полном разгаре, американские империалисты нашли другие слова, чтобы выразить своё истинное отношение к нашей стране.

«Первым возникает вопрос,— говорилось в комментарии к четырнадцати пунктам,— является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт 13 обуславливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно, придётся признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев... В ближайшем будущем сущность русской проблемы, повидимому, сведётся к следующему:

1. Признание временных правительств.
2. Предоставление помощи этим правительствам.

Кавказ придётся, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, о Средней Азии¹. Это была совершенно определённая и откровенно сформулированная программа расчленения России, программа борьбы с Советским правительством.

США намеревались отторгнуть от России всю Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию. Об этом наглядно свидетельствовала географическая карта, заготовленная государственным департаментом для делегации США на Парижской конференции. На этой карте, озаглавленной «Предлагаемые границы в России» американские империалисты оставляли нашей Родине лишь... Среднерусскую возвышенность². Для осуществления колонизаторских планов США вели ожесточённую борьбу против советской власти, оказывая всестороннюю поддержку белогвардейцам.

Белогвардейцы создали в Париже «политическое совещание» во главе с бывшим премьером Временного правительства князем Львовым. В состав этого «совещания» входили Чайковский, Сазо-

¹ «Архив полковника Хауза», т. IV, М. 1944, стр. 153.

² А. Е. Кунина, Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг., М. 1951 г., стр. 81.

нов, «посол» в США Бахметьев. Бахметьев был командирован в Париж государственным департаментом. На его поездку американское правительство ассигновало 100 тыс. долларов. Белогвардейцы были окружены заботой и вниманием со стороны руководителей конференции и имели все основания ожидать благоприятных для себя решений.

В Париже были представлены все белогвардейские марионеточные правительства. Действительное же правительство суверенной России, правительство, выражавшее волю народа и опиравшееся на реальную силу страны,— правительство Советского государства — не получило приглашения на конференцию.

В течение трёх лет Восточный фронт отвлекал от союзников огромные силы немцев, сковывая их и срывая планы германского командования. Не раз действия русских войск, находившихся в несравненно более тяжёлых условиях, чем союзнические, спасали положение на Западном фронте. Да и в 1918 г., после заключения Брестского мира, Восточный фронт сдерживал большое число немецких дивизий, вынуждая Германию попрежнему вести войну на два фронта. Все эти действия русских войск дали союзникам возможность подготовить силы для решительного удара 1918 г. Несмотря на это, Россия не была представлена на мирной конференции. Это лишний раз свидетельствовало о том, что конференция была созвана не для заключения справедливых мирных договоров, а для империалистического дележа мира.

Большевиков в Париже не было. Советская Россия не числилась в списке участников конференции. Однако существование социалистического государства наложило сильный отпечаток на всю её деятельность. Программа справедливого мира без аннексий и контрибуций, выдвинутая Советским правительством ещё в ноябре 1917 г., являлась серьёзным препятствием к осуществлению грабительских целей империалистов. При решении многих вопросов участникам конференции приходилось учитывать мнение Советского государства, а также его революционизирующее влияние на народы, судьбами которых распоряжались победители. Эту мысль довольно своеобразно выразил американский историк Бэйли, писавший, что руки «большой четвёрки» — Вильсона, Ллойд Джорджа, Клемансо, Орландо — были связаны: «В действительности это была большая пятёрка. Пятым был Ленин, незримо присутствовавший и занимавший незримое кресло... Голос России был призрачный, но громкий...»¹

Обсуждение «русского вопроса» началось ещё до официального открытия конференции. На подготовительном заседании участников конференции 12 января 1919 г. выступил маршал Фош с требованием организовать вооружённый поход против большевиков. По предложению Фоша в Россию должны были двинуться американские армии. В качестве плацдарма для наступления он предла-

¹ T. Bailey, Woodrow Wilson and the lost peace, N. Y. 1945, p. 312.

гал использовать Польшу. Откровенно агрессивный план французского маршала был отвергнут руководителями Антанты, собравшимися для обсуждения прикрытой интервенции в Советской России. Однако его антисоветская речь прозвучала как бы прелюдией к последующим клеветническим выступлениям на конференции Черчилля, Вильсона и др.

На том же заседании Фош представил меморандум о русских военнопленных, находившихся в Германии. Он предложил принять меры против их возвращения в Советскую Россию, чтобы таким образом предотвратить усиление Красной Армии. Фош рекомендовал направить военнопленных в районы, занятые белогвардейцами, «где они,— как он выразился,— усилят партии, верные нашему делу».

На утреннем заседании 16 января Ллойд Джордж внёс предложение созвать представителей всех враждующих русских группировок, чтобы они попытались достигнуть между собой соглашения.

Вильсон согласился с выводами Ллойда Джорджа. В своём выступлении он сказал, что если большевики воздержатся от вторжения в Литву, Польшу, Финляндию и т. д., то следует позволить всем русским группировкам направить своих представителей в Париж¹. Последнее, а именно страх перед распространением большевизма в Европе, являлось причиной того, что империалисты намеревались открыть переговоры с большевиками.

На дневном заседании 21 января Вильсон внёс некоторые изменения в план Ллойда Джорджа, порекомендовав предложить политическим группировкам России послать представителей не в Париж, а в какое-либо другое место, например, в Салоники. Ллойд Джордж одобрил это предложение, заметив, что преимущество такого плана заключается в том, что представители России могут направиться прямо к месту встречи по Чёрному морю, не проезжая через другие страны. Ллойд Джордж хотел изолировать большевистских делегатов от народных масс европейских стран.

Выступивший снова Вильсон подчеркнул, что, борясь против Советской России оружием, союзники в сущности помогают ей, так как дают большевикам возможность утверждать, что капиталистические правительства стремятся к завоеванию страны, возвращению земли помещикам и к водворению реакции. Если продемонстрировать обратное и показать, что союзники согласны начать переговоры о мире, моральная сила этого аргумента была бы значительно ослаблена. И если союзники сумеют преодолеть свою гордость и встретятся с представителями всех партий России, это, по мнению Вильсона, вызовет определённую реакцию против большевиков. Таким образом, Вильсон намеревался вступить в переговоры с большевиками не с целью достижения мира,

¹ FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. III, p. 581—584. Американская версия, стр. 589—593.

а для того, чтобы дипломатическим путём добиться ослабления позиций Советского государства.

Растерянность и страх сквозили в выступлении Ллойд Джорджа, который говорил, что солдаты стран Антанты не хотят сражаться в России. Ллойд Джордж высказал опасение, что попытка послать туда дополнительные английские войска вызовет восстание. Между тем против армии большевиков надо выставить не менее 400 тыс. солдат. Никто из союзников не может сделать это.

Бальфур предложил, чтобы условием посылки большевистских представителей на конференцию был поставлен отказ от военных действий. С этим согласился Вильсон. Выступая до этого, Бальфур говорил, что так как все русские группировки приглашаются на равных основаниях, то он думает, что большевики откажутся от участия в конференции и своим отказом поставят себя в неловкое положение. Выступления Бальфура раскрывали истинные намерения империалистов. Остановить наступавшие советские войска и узаконить расчленение России — такова была одна цель проекта конференции. Другая цель империалистов заключалась в том, чтобы сорвать конференцию и свалить вину на Советское правительство, обвинив его в агрессивных намерениях.

После продолжительного обсуждения Совет десяти решил поручить Вильсону подготовить проект обращения к политическим группировкам России для рассмотрения его на следующем заседании¹.

22 января на дневном заседании Совета десяти после некоторой дискуссии был принят составленный Вильсоном проект обращения к русским группировкам².

Документ этот представляет огромный интерес, так как является яркой иллюстрацией дипломатии США и их союзников, построенной на самом беззастенчивом обмане. Обращение начиналось торжественным заверением, что единственной целью союзников является помощь русскому народу. Затем в патетических тонах сообщалось, что союзники признают «абсолютное право русского народа устраивать свои собственные дела без какого бы то ни было диктата или указаний извне... Они безоговорочно признают революцию и никоим образом и ни при каких обстоятельствах не будут помогать или оказывать поддержку каким-либо посягательствам контрреволюции». Далее следовало приглашение «всем организованным группам» в России направить представителей на Принцевы острова (в Мраморном море), где они встретятся с представителями объединённых держав и на совещании с ними «самым свободным и откровенным образом» определят свои намерения. Условием участия в конференции было поставлено перемирие между приглашёнными сторонами и

¹ FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. III, p. 647—653.

² Ibid., pp. 676—677.

прекращение военных действий. Последнее явно имело целью задержать продвижение Красной Армии.

Империалисты не думали отказываться от интервенции. Небезынтересно отметить, что именно в это самое время, когда в Париже столь торжественно провозглашалось невмешательство в русские дела, интервенты заключили соглашение о разделе сфер действия в Сибири (Жанен-Нокс), а Вильсон одобрил план организации в Сибири межсоюзнической железнодорожной комиссии, которая обеспечила Соединённым Штатам контроль над железными дорогами Сибири и являлась действенной формой помощи Колчаку.

В статье «Резервы империализма», опубликованной в марте 1919 г., И. В. Сталин проследил изменения в тактике интервентов, дал глубокий анализ перехода от открытой военной интервенции при помощи собственных войск к прикрытой интервенции путём использования различных контрреволюционных сил.

«Месяца четыре назад,— писал товарищ Сталин,— союзный империализм, победивший своих австро-германских соперников, поставил вопрос резко и определённо о вооружённом вмешательстве (интервенция!) в «русские дела». Никаких переговоров с «анархической» Россией! Перебросить часть «освободившихся» войск на территорию России, влить их в белогвардейские части Скоропадских и Красновых, Деникиных и Бичераховых, Колчаков и Чайковских и сжать в «железное кольцо» очаг революции, Советскую Россию,— таков был план империалистов. Но план этот разбился о волны революции. Рабочие Европы, охваченные революционным движением, открыли яростную кампанию против вооружённого вмешательства. «Освободившиеся войска» оказались явно непригодными для вооружённой борьбы с революцией. Более того, соприкасаясь с восставшими рабочими, они сами «заразились» большевизмом. Взятие советскими войсками Херсона и Николаева, где войска Антанты отказались от войны с рабочими, особенно красноречиво свидетельствует об этом. Что же касается предполагаемого «железного кольца», то оно не только не оказалось «смертельным», но получило ещё ряд трещин. План прямой, неприкрытой интервенции оказался, таким образом, явно «нецелесообразным». Этим, собственно, и объясняются последние заявления Ллойд-Джорджа и Вильсона о «допустимости» переговоров с большевиками и «невмешательстве» во внутренние дела России, отправка в Россию Бернской комиссии и, наконец, проектируемое приглашение (повторное!) всех «фактических» правительств в России на «мирную» конференцию»¹.

Стремясь добиться отказа Советской России участвовать в конференции, представители Антанты не адресовали своё предложение непосредственно Советскому правительству, а послали в эфир безличное обращение к воюющим. 23 января советские

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 245—246.

радиостанции приняли сообщение из Парижа и Карнарвона почти одинакового содержания — о созыве конференции на Принцевых островах. «Правда» в передовой от 25 января отметила странную форму этих радиосообщений — без обращения, без адреса.

Наркоминдел поручил своему представителю в Стокгольме т. Воровскому уточнить ряд вопросов в связи с решением Совета десяти. Советское правительство было удивлено формой обращения, выбором места, задачами конференции и, наконец, условиями участия в ней — предложением прекратить военные действия. НКИД подчеркнул, что подобное предложение «не было выставлено в то время, когда Советская республика испытывала серьёзные затруднения в военном отношении, но выставляется теперь, когда контрреволюция находится накануне краха»¹.

Советское правительство ответило согласием на предложение Совета десяти. Верное своей неизменной мирной политике, оно стремилось прекратить состояние войны с западными державами.

4 февраля Советское правительство обратилось к державам Антанты с ответом, в котором, обратив внимание Совета десяти на то, что официальное приглашение не было получено, выразило готовность начать переговоры. При этом были перечислены пункты, по которым оно могло бы пойти на уступки. Советское правительство заявило о признании своих финансовых обязательств в отношении кредитов, принадлежащих странам Антанты, и о готовности уплатить проценты по своим займам известным количеством сырья, а также предоставить подданным стран Антанты лесные и иные концессии. Вместе с тем в ноте был представлен обзор военного положения Советской России, значительно улучшившегося благодаря ряду крупных побед на всех фронтах.

В отчёте на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильственного характера»². В том же выступлении Ленин сравнивал тактику Советского правительства в отношении конференции на Принцевых островах с тактикой большевиков в период заключения Брестского мира, когда нашей стране пришлось принять грабительские условия немцев для того, чтобы получить необходимую передышку.

Вслед за Советским правительством 6 февраля выразило согласие на участие в конференции Украинское советское правительство, а 1 марта — Литовско-белорусская республика.

Белогвардейские правительства встретили предложение о созыве конференции с нескрываемой злобой. 12 февраля объединённые «правительства» Сибири, Севера и Юга России направили Верховному совету Антанты ноту, содержащую их отказ от

¹ «Известия», 4 февраля 1919 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 129.

участия в конференции¹. Ответ Советского правительства смешал карты тех, кто собирался свалить на большевиков вину за срыв конференции и поднять шум об «агрессивности красных» и о «миролюбии Антанты». Руководителям Антанты ничего не оставалось, как положить проект конференции на Принцевых островах под сукно. Совет десяти не предпринял ничего, чтобы реализовать возможность созыва конференции. Однако прежде чем окончательно похоронить идею конференции, участники конференции неоднократно обменивались мнениями по этому поводу.

На заседании 14 февраля Вильсон заявил, что ответ Советского правительства следует считать... оскорбительным. Демагога и лицемера Вильсона «оскорбила» готовность Советского правительства идти на уступки: уплату долгов, концессии и т. д.

На следующий день Вильсон уехал в Соединённые Штаты. Ллойд Джордж в это время находился в Лондоне. Продолжение обсуждения вопроса о конференции и разработки планов дальнейшей интервенции происходило без них, однако в духе их указаний.

На заседании 15 февраля Черчилль, подчеркнув катастрофическое положение союзнических и белых армий, находившихся под угрозой уничтожения, предложил выбрать одну из двух возможностей: привести к завершению политику Принцевых островов или покончить с ней и принять другой курс. Черчилль представил для обсуждения новый проект обращения по радио к русским группировкам. По его мнению, это обращение должно было дать необходимый результат, т. е. привести к прекращению военных действий в России или к компрометации Советского правительства.

В новом проекте обращения непременным условием созыва конференции являлось прекращение советскими войсками (и только ими) военных действий и отход Красной Армии от занимаемых ею позиций не менее чем на 5 миль. Только тогда союзники обратятся с таким же требованием к белогвардейским группам. И только при этих условиях может состояться конференция на Принцевых островах.

Целью Черчилля было поставить Советское правительство в условия, вынуждающие к отказу от участия в конференции, а затем предпринять военную интервенцию в крупном масштабе.

Лансинг и Хауз согласились с редакцией нового обращения к политическим группировкам России. Хауз указал также на необходимость найти наиболее удобный способ разгрома большевиков и подчеркнул, что если это будет сделано недостаточно осторожно, то все народы к востоку от Рейна могут выступить против союзников. Хауз явно боялся социалистической революции в Германии.

Смысл манёвра со вторым посланием раскрыл Бальфур, заявивший, что считает необходимым направить Советскому прави-

¹ FR. 1919, Russia, p. 53—54.

тельству такое послание, которое вынудит его или прекратить военные действия, или отказаться от переговоров. Он отметил также, что этот манёвр поставит большевиков в затруднительное положение и поднимет престиж союзников.

Второе послание, однако, отправлено не было, и после длительной дискуссии Совет десяти решил отложить разрешение общих вопросов, связанных с политикой по отношению к Советской России.

3. Миссия Буллита. План Гувера

Президентом Вильсоном была предпринята ещё одна провокационная попытка добиться «мирным» путём прекращения наступательных действий советских войск. Идея конференции на Принцевых островах ожила в так называемой миссии Буллита. В Советскую Россию был направлен один из членов американской делегации в Париже — Буллит (впоследствии дипломат-разведчик, известный своей враждебностью к СССР). Ему поручалось выяснить у Советского правительства условия, на которых оно согласилось бы приступить к переговорам. В документе, переданном Буллиту, указывалось, что он направляется в Советскую Россию для изучения политических и экономических условий, сведения о которых могут понадобиться американской делегации на мирной конференции. Кроме дипломатических поручений, Буллит имел вполне определённые разведывательные задания.

Весьма характерен тот факт, что Вильсон организовывал свою новую авантюру в глубокой тайне. Кроме руководителей американской делегации, о поручении, данном Буллиту, знал только узкий круг английских государственных деятелей.

22 февраля 1919 г. Буллит покинул Париж. 8 марта он прибыл в Советскую Россию.

Условия мирных переговоров, вручённых Буллиту для передачи Советскому правительству, сводились к следующему:

1. Прекращение военных действий на всех фронтах.
2. Все существующие де-факто правительства остаются на занимаемых ими территориях.
3. Распространение на железные дороги и порты Советской России тех же правил, которые действуют на железных дорогах и в портах Европы.
4. Свободное право въезда в Советскую Россию и полная безопасность подданных союзных держав при условии их невмешательства в политику.
5. Амнистии всем политическим заключённым с обеих сторон.
6. Возобновление торговых отношений между Советской Россией и внешним миром при условии, чтобы при полном уважении к суверенитету России было гарантировано равномерное распределение помощи, доставляемой союзниками, среди всех классов русского народа.

7. Вопросы, связанные с русскими долгами союзникам, должны быть рассмотрены после заключения мира.

8. Все союзные войска должны быть уведены из России, как только будет демобилизована русская армия сверх установленного количества, а лишнее оружие должно быть выдано или уничтожено¹. Эти условия являлись программой расчленения и разоружения России. Тем не менее Ленин счёл возможным пойти на переговоры. Однако в условия, предложенные англо-американцами, Ленин внёс ряд существенных изменений и дополнений. Ленин требовал немедленного вывода из России иностранных войск и прекращения помощи белогвардейцам. Это условие имело большое значение, ибо контрреволюционные «правительства» держались только иностранной помощью. Уход интервентов означал бы крах белогвардейщины.

Другим важным требованием Советского правительства было равномерное распределение старых долгов между всеми правительствами, образовавшимися на территории России, причём в уплату долгов должно было быть зачтено русское золото, захваченное чехословаками, а также золото, переданное Германии по Брестскому миру.

Впоследствии, на IX съезде Советов, Ленин следующим образом характеризовал тактику Советского правительства и империалистических правительств в период переговоров с Буллитом: «...старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам — это было уже давно — одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир, для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что, хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками»².

14 марта Буллит выехал из Москвы. Кроме условий Советского правительства, он вёз также подробный доклад о России, в котором содержались сведения об экономическом, политическом и военном положении Советского государства. Однако вывод, к которому пришёл американский разведчик-дипломат, был весьма неутешителен для вдохновителей интервенции: «В настоящий момент в России никакое правительство, кроме социалистического, не может утвердиться иначе, как с помощью иностранных шты-

¹ W. Bullitt, The Bullitt mission to Russia, N. Y. 1920, p. 36—37.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 124.

ков, и всякое правительство, установленное таким образом, падёт в тот момент, когда эта поддержка прекратится».

По приезде в Париж Буллит направил свой доклад Вильсону. Лансинг, ознакомившись с текстом доклада, послал его президенту с пометкой «срочно и немедленно».

Ллойд Джордж принял Буллита, и последний подробно доложил ему о результатах поездки. Во время беседы английский премьер высказался за принятие советских предложений и даже посоветовал опубликовать в печати материалы о переговорах с Москвой. Вильсон также намеревался лично послушать Буллита.

Однако внезапно в действиях руководителей Антанты наступила резкая перемена: Вильсон сказался больным и не принял Буллита. Он же запретил обнародовать подготовленный Буллитом материал. Ллойд Джордж с парламентской трибуны заявил, что он не имеет никакого отношения к переговорам Буллита с большевиками ¹.

Причиной такой резкой перемены курса послужили сведения о начале колчаковского наступления. 20 марта в Париже стало известно, что Колчак взял Уфу. У империалистов снова воскресли надежды на военное поражение большевиков. Вильсон и Ллойд Джордж поспешили похоронить проект соглашения с Советским правительством, привезённый Буллитом.

«В результате,— говорил Ленин о руководителях Антанты,— они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками... А все сочувствие даже мешанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии... на нашей стороне...» ²

Наконец Соединёнными Штатами была предпринята третья попытка «мирной» расправы с Советской Россией. Это была попытка осуществить интервенцию под видом продовольственной «помощи».

Оказание материальной «помощи» нуждающимся странам было одним из способов экономической экспансии США. Одновременно американские капиталисты эти «гуманные» средства использовали для борьбы с революционным движением.

Автором нового плана, заключавшегося в том, чтобы закулисными интригами ослабить мощь социалистического государства, был один из наиболее отъявленных врагов Советской России — Гувер. В борьбе против Советской державы Гувером в значительной мере руководили личные мотивы. Октябрьская революция

¹ Заявление Ллойд Джорджа было столь явной и наглой ложью, что вызвало возмущение даже у такого прожжённого и беспринципного политика, каким был Буллит. «Через неделю после того, как я передал Ллойд Джорджу официальное предложение моими собственными руками в присутствии трёх других лиц,— сообщал впоследствии Буллит,— он выступил с речью перед британским парламентом и дал понять британскому народу, что он ничего не знает по поводу подобного предложения. Это был наиболее грубый обман общественного мнения, быть может, наиболее наглый, какой я встречал за всю свою жизнь» (W. Bullitt, Op. cit., p. 95).

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 199.

лишила его огромных доходов. Советская власть конфисковала имущество Русско-Азиатского банка, возглавлявшегося до революции Гувером. «Уничтожение большевизма — цель моей жизни», — открыто заявлял этот империалист.

28 марта 1919 г. Гувер обратился к Вильсону с предложением разрешить какому-либо лицу из нейтральной страны, пользующемуся репутацией честного человека, создать комиссию для оказания помощи России. Условием помощи снова выдвигалось прекращение большевиками военных действий и отказ от пропаганды за границей. Предложение Гувера сводилось в сущности опять-таки к тому, чтобы заставить Советское правительство прекратить военные действия, и было направлено на оказание помощи белогвардейцам. Кроме того, посылка многочисленной комиссии, состоящей из американских чиновников, давала возможность наводнить Россию шпионами.

Гувер привлёк к осуществлению своего плана известного норвежского путешественника и общественного деятеля Фритьофа Нансена. 3 апреля последний обратился к Вильсону, Ллойд Джорджу, Клемансо и Орландо с письмом, в котором излагалось предложение об организации комиссии для снабжения России продовольствием и медикаментами. Нансен руководствовался исключительно гуманными соображениями. Он искренне хотел помочь русскому народу, страдавшему от разрухи. Ему были совершенно чужды антисоветские устремления Гувера.

Нансен предлагал послать в Россию комиссию, состоящую из подданных нейтральных стран — Норвегии, Швеции и других. В своём письме Нансен спрашивал, на каких условиях комиссия могла бы получить от США деньги и материалы.

В ответе Вильсона и его коллег, отправленном Нансену 17 апреля, после слащавых заявлений о «гуманной задаче спасения жизней» снова был поставлен вопрос о прекращении военных действий, но ни одним словом не упоминалось ни о выводе союзнических войск из России, ни о прекращении помощи белогвардейским правительствам, ни о созыве конференции. При этом, однако, очень настойчиво указывалось на необходимость контроля над транспортом России.

В тот же день 17 апреля Нансен направил письмо Советскому правительству. В своей книге Нансен с возмущением вспоминает о том, что ни одна из держав, вначале столь «благосклонно» отнёсшихся к его предложению, не согласилась передать его письмо Советскому правительству¹. Только 4 мая из берлинского радио Наркоминдел узнал о проекте Нансена.

Тепло поблагодарив Нансена за его гуманные намерения, Наркоминдел в своём ответе разоблачил подлинные намерения «союзников», их беззастенчивую интервенционистскую политику, их попытки к плану Нансена примешать политические цели. Под-

¹ F. N a n s e n, *Russia and peace*, London 1923, p. 26.

черкнув, что державы Антанты, заявляя официально об отказе от интервенции, в действительности проводят самую безудержную интервенционистскую политику, Наркоминдел выразил готовность приступить к переговорам со странами Антанты и вместе с тем просил Нансена назначить время и место для встречи советских представителей с его комиссией.

Союзники сообщили Нансену, выразившему желание встретиться с советскими представителями; что до дальнейшего рассмотрения вопроса эта встреча весьма нежелательна.

Сорвав реализацию предложения Нансена, империалисты пытались переложить вину на Советское правительство. Американские радиостанции передавали в эфир клеветнические сообщения о том, что причиной провала плана Нансена является неуступчивость большевиков. Эта клевета была разоблачена в специальном заявлении НКВД, в котором говорилось:

«Недобросовестные заявления американских радио доказывают лишь ещё раз, что никаких дружелюбных и человеколюбивых намерений по отношению к трудящимся массам Советской России у правительств держав Согласия не было и что они добиваются лишь уничтожения завоеваний революции в России, прикрывая свои стремления лицемерными, якобы гуманитарными заявлениями»¹.

Так была сорвана маска «человеколюбия» и «гуманности» с англо-американских интервентов. Предложение Совета десяти о созыве конференции на Принцевых островах, посылка в Россию Буллита, махинации с «продовольственной помощью» были не чем иным, как дипломатической западнёй, рассчитанной на то, чтобы усыпить бдительность Советского правительства, обмануть народы мира ложным пацифизмом и тем временем втихомолку подготовить организацию походов Антанты.

Дипломатия первой в мире социалистической страны, руководимая В. И. Лениным и И. В. Сталиным, разоблачила истинные намерения англо-франко-американских интервентов, сорвала осуществление их тщательно подготовленных планов, показала всему миру империалистическую сущность их политики.

¹ «Правда», 18 мая 1919 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Закулисным внешнеполитическим интригам империалистических держав, их разбойничьей, шпионско-диверсантской дипломатии Советское правительство противопоставило дипломатию, основанную на принципах неуклонной борьбы за мир, за право наций на самоопределение. Начиная с декрета о мире — одного из первых актов молодого Советского государства, — правительство РСФСР, как уже было показано, прилагало величайшие усилия к сохранению мира с державами Антанты и США. Советская дипломатия неуклонно продолжала эту линию и в годы военной интервенции, неоднократно обращаясь к США, Англии, Франции и другим странам с убедительными мирными предложениями. Эти предложения, встречавшие неизменный отказ империалистических держав, были в руках Советского правительства действенным средством разоблачения подлинных целей правящих кругов США, Англии, Франции, Японии, стремившихся расчленить и поработать Россию.

С этой же целью Советское правительство обращалось непосредственно к народам стран Антанты, разъясняя им империалистическую сущность их правительств и призывая к борьбе против интервенции. Ноты и обращения Советского правительства, публиковавшиеся в советской прессе, несмотря на все старания правительств США, Англии и Франции скрыть их от народов, проликали в эти страны и усиливали возмущение широких масс политической интервенции в Советской России, вероломством и двурушничеством Вильсона, Ллойд Джорджа, Клемансо и обслуживавших их дипломатов.

24 октября 1918 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин обратился с большой нотой к президенту США Вильсону. В этом документе было дано уничтожающее сравнение лживых слов американского президента с конкретными делами американского правительства. Напоминая сделанные Вильсоном в его пресловутых «четырнадцать пунктов» заверения относительно «добрых чувств» и «бескорыстия» в отношении России, Чичерин указывал: «С тех пор прошло 6 месяцев, и русский народ имел

достаточно времени, чтобы испытать на деле добрые чувства к нему Вашего правительства и Ваших союзников, их понимание его нужд, их мудрость и бескорыстие их симпатий». Нота перечисляла кровавые дела «союзников» в России: организацию и поддержку чехословацкого мятежа, вторжение антантовских войск в пределы Советской России без всякого повода и без объявления войны, захват русских городов и деревень, расстрелы советских должностных лиц, акты насилия над мирным русским населением и т. д. «Оживление русской контрреволюции, которая сама превратилась уже в труп,— подчёркивалось в ноте,— попытки восстановить путём насилия её кровавое господство над русским народом, вот что последний испытал вместо содействия беспрепятственному выражению его воли, которое было обещано ему, господин президент, в Ваших заявлениях».

Именно в эти дни шли через посредство Вильсона переговоры о перемирии между Антантой и Германией, одним из условий которого Вильсон поставил очищение оккупированных немцами территорий. Напоминая «президенту Архангельского набега и Сибирского вторжения» это его требование, Наркоминдел иронически просил Вильсона известить, когда США и их союзники намерены удалить свои войска из Мурманска, из Архангельска, из Сибири. Советское правительство заявляло, что оно не имеет никакого желания воевать с Америкой, и, напоминая, что русский народ в лице народной Красной Армии стоит на страже своей территории и доблестно борется против вторжения, спрашивало: «Намерены ли правительства в Америке, Англии и Франции перестать требовать крови русского народа и жизней русских граждан, если русский народ согласится уплатить им за это и откупиться от них так, как человек, подвергшийся внезапному нападению, откупается от того, кто на него напал? А в таком случае какой именно дани требуют от русского народа правительства Америки, Англии и Франции... Отсутствие ответа с Вашей стороны будет для нас безмолвным ответом. Русский народ поймёт, что требования Вашего правительства и правительств Ваших союзников настолько тяжелы и значительны, что Вы даже не желаете сообщить их русскому правительству»¹.

Вильсон ни одним словом не ответил на эту ноту, тем самым подтвердив всё сказанное в ней. В конце октября 1918 г. мирные предложения державам Антанты со стороны Советского правительства были сделаны ещё дважды через норвежских представителей в Москве. 3 ноября все представители нейтральных стран были приглашены в Наркоминдел и через их посредство было передано новое предложение «об открытии переговоров с целью прекращения вооружённого конфликта между нашими армиями и армиями держав Согласия»². VI Всероссийский

¹ «Известия», 25 октября 1918 г.

² «Известия», 14 января 1919 г.

съезд Советов 8 ноября 1918 г. принял резолюцию, в которой перед лицом всего мира заявил ведущим войну против России правительствам США, Англии, Франции, Италии и Японии, что в целях предотвращения кровопролития он предлагает открыть переговоры о заключении мира. Все эти предложения также были отвергнуты. Однако Советское правительство, оказывая захватчикам решительное военное сопротивление, в то же время продолжало неустанную борьбу за дело мира и при помощи оружия дипломатии. Через короткий промежуток времени, 24 декабря 1918 г., оно направило через представителя НКИД в Стокгольме Литвинова новую ноту на имя Вильсона, находившегося в то время в Европе. М. М. Литвинов уведомил американского президента, что он имеет полномочия НКИД войти в переговоры о мирном разрешении всех вопросов, составляющих причину враждебных действий США против России. Он сообщил, что Советское правительство готово пойти на уступки, чтобы добиться приемлемого соглашения о прекращении вооружённой борьбы¹.

И на этот раз Вильсон не дал никакого ответа на прямые предложения с советской стороны. Но в целях дезориентации народных масс, которые всё больше убеждались в последовательности стремления Советского правительства к миру, Вильсон предпринял манёвр, направив в начале января 1919 г. сотрудника американского посольства в Лондоне Бэклера для переговоров с М. М. Литвиновым. В своём сообщении о переговорах Бэклер указал на готовность советской стороны к соглашению. Однако этот эпизод, как и следовало ожидать, не имел никаких последствий, ибо подлинные намерения организаторов антисоветской интервенции были прямо противоположны соглашению с Советской Россией. Это было ещё раз продемонстрировано в связи с новыми мирными предложениями Советского правительства, совпавшими по времени с переговорами между Бэклером и Литвиновым.

Нота НКИД, направленная 12 января 1919 г. государственному секретарю США, касалась клеветнического заявления сенатора Хичкока относительно американской интервенции в России². В ноте разоблачалась лживость указанных Хичкоком «причин» интервенции, в числе которых значились предотвращение создания в Архангельске германских баз для подводных лодок, охрана военных складов «союзников», сохранение открытым пути для приезда и отъезда дипломатов и т. п. Наркоминдел подчеркнул, что все эти вопросы могут быть, по мнению Советского правительства, лучше всего решены путём соглашения между заинтересованными правительствами. «Мы не видим поэтому, — указывал НКИД, — чем может быть оправдано дальнейшее пребывание американских войск в России»³. Снова подтверждая свою готов-

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», ч. II, М. 1926, стр. 210—212.

² Congressional record, vol. 57, pt. 2, p. 1161—1171.

³ «Известия», 14 января 1919 г.

ность устранить всё, что может помешать восстановлению нормальных отношений между Америкой и Россией, Советское правительство предлагало сообщить, в каком месте и в какое время могут начаться переговоры с советскими представителями.

17 января 1919 г. было сделано ещё одно предложение подобного рода; поводом для него послужило выступление ряда рабочих организаций Франции, приветствовавших официальные (заведомо ложные) заявления правительств Антанты об их «отказе» от военного вмешательства в России. Правительство РСФСР констатировало, что этот отказ до сих пор не выразился в действиях. «Как и раньше, военные силы держав Антанты пытаются проникнуть в сердце России с севера, как и раньше, они поддерживают мятежников, нападающих на Россию со стороны Сибири и в районе Дона»¹. Правительство Российской Советской Республики ставило вопрос, скоро ли последуют за декларациями действия, им соответствующие, скоро ли будут начаты переговоры в целях осуществления сущности этих деклараций.

«По отношению к Соединённым Штатам и Японии,— писал Ленин в 1919 г.,— мы преследуем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединённых Штатов Северной Америки геройское сопротивление»².

В начале 1919 г. Советское правительство предприняло ещё одну попытку установить дипломатические и торговые отношения с Соединёнными Штатами. 2 января Наркоминдел назначил находившегося в США Л. К. Мартенса своим представителем в США. Мартенсу были посланы верительные грамоты, которые он направил в госдепартамент совместно с меморандумом, где излагались принципы и программа Советского правительства³. Ответа он не получил. На запрос заместителя государственного секретаря Полка Лансингу, находившемуся в Париже, последний поспешил заявить, что единственным русским представителем в США является белогвардеец Бахметьев. 6 мая госдепартамент официально заявил, что представитель Советской России не признан им, так же как не признано и Советское правительство.

Тем не менее советский представитель открыл в Нью-Йорке бюро, функции которого заключались в установлении торговых связей с американскими деловыми кругами, а также в ознакомле-

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», ч. II, стр. 215—216.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 477.

³ «Правда», 18 мая 1919 г.

нии американского общественного мнения с жизнью Советской России, в прорыве железного занавеса антисоветской клеветы, широко распространявшейся в США. С этой целью было предпринято издание журнала «Soviet Russia», который вскоре приобрёл популярность в широких массах американских трудящихся.

Появление в Нью-Йорке советского представителя вызвало оживлённые отклики прессы всех направлений. Близкая к правительству реакционная печать, полная злобы к Советской России, использовала все средства, чтобы дискредитировать деятельность Советского бюро. «Нью-Йорк Таймс» утверждала, что бюро является организацией, созданной для пропаганды коммунизма в США¹. Другие газеты кричали об отсутствии у бюро средств для уплаты за товары. Были использованы все гнусные приёмы продажной американской прессы, чтобы предотвратить всякую возможность установления нормальных отношений с Советской Россией. Взбудораженные реакционные организации, как, например, «Юнион Лиг Клуб», немедленно потребовали от правительства прекращения деятельности бюро. Разумеется, не остались в стороне и белоэмигранты, с бешенством обливавшие Мартенса грязью.

Совершенно иначе реагировала на организацию бюро левая печать США, отражавшая взгляды широких масс. Она приветствовала появление в Америке представителя Советской России, пропагандировала установление нормальных отношений между обеими странами. Прогрессивные газеты отмечали, что «в истории будет увековечена попытка Советского правительства прорваться сквозь барьер враждебных дипломатических формул». Демократические силы США горячо приветствовали советского представителя.

Часть американских промышленников была заинтересована в установлении торговых сношений с Советской Россией. Это выявилося уже в первые дни работы Советского бюро. Крупные банковские учреждения направили к Л. К. Мартенсу своих представителей. Его посещало большое количество деятелей различных деловых кругов, стремившихся сбыть свои товары, что в условиях послевоенного кризиса становилось всё труднее. Даже реакционные газеты вынуждены были признать, что Советское бюро переполнено американскими коммерсантами. В течение короткого времени большое число крупнейших американских фабрикантов предложило приобрести у них товары². В своих письмах в Советское бюро они наперебой старались доказать преимущества их фирм перед другими. Было заключено много контрактов (на общую сумму в 30 млн. долларов), но реализовать их так и не удалось, ибо правительство США решило вмешаться и подавить в зародыше складывавшиеся торговые связи. Оно не только отка-

¹ New York Times, 1919. March 28, april 11.

² Soviet Russia, 1919, № 7, p. 6.

звало в выдаче лицензий на экспорт американских товаров в Советскую Россию, но и опубликовало официальное заявление, в котором предупреждало американских деловых людей, что полученные ими у Советского правительства концессии не будут признаны будущим (белогвардейским, по мнению вильсонов и лансингов) правительством России¹. Это означало недвусмысленный «совет» американским коммерсантам воздержаться от каких-либо связей с Советским государством, для сокрушения которого американские империалисты принимали все меры.

Одновременно в правительственных кругах США росло стремление к полному прекращению деятельности Советского бюро, существование которого помогало распространению правды о Советской России среди американских трудящихся. 5 июня 1919 г. Полк в одной из своих депеш Лансингу предложил выслать Мартенса из США на том основании, что он якобы является немецким подданным. Лансинг немедленно согласился с этим. Для организации соответствующего «дела» правящие круги использовали специальную комиссию, созданную в сенате штата Нью-Йорка в целях преследования прогрессивных элементов и возглавлявшуюся реакционером Лоском.

12 июня 1919 г. на Советское бюро был произведён налёт по всем правилам гангстерского искусства. Выключив телефон и удалив сотрудников бюро, сыщики и полицейские в течение многих часов хозяйничали во всех кабинетах, перерыли все ящики, проникнув и в кассу. Были захвачены сотни книг и брошюр, письма и документы, включая более тысячи писем от американских предпринимателей, касавшихся перевозки товаров в Россию. При налёте были грубейшим образом нарушены правила, действовавшие в отношении обысков. Сотрудникам Советского бюро не было даже разрешено сделать опись взятых налётчиками документов. Все захваченные «материалы» были направлены не судье, выдавшему ордер на производство обыска, а непосредственно в комиссию Лоска. Характерно, что здесь их «изучали» не только члены комиссии, но и агенты секретной службы. После налёта Л. К. Мартенс и его помощники были препровождены в комиссию Лоска для допроса.

История с налётом была настолько позорна даже для американских нравов, что его организаторы вынуждены были вскоре отречься от этой «операции», сваливая вину за неё один на другого. Но они не могли, естественно, снять ответственности за незаконные и оскорбительные действия в отношении советского представителя не только с себя, но и с вдохновителей всей затеи — членов правительства США. Л. К. Мартенс правильно определил характер налёта и «расследования» деятельности Советского бюро комиссией Лоска, назвав их «новой попыткой реакционных сил воспрепятствовать установлению дружественных отношений между

¹ FR. 1919, Russia, p. 144

Налёт на Советское бюро в Нью-Йорке. Сыщики роются в документах.

США и Советской Россией»¹. Он направил в Вашингтон резкий протест. Весьма энергично протестовал против обращения с его представителем и Народный комиссариат иностранных дел. В телеграмме от 20 июня 1919 г. НКИД выражал своё негодование по поводу преследования Мартенса. «Все дипломатические и консульские представители правительства США в России, — указывалось в телеграмме, — до самого своего отъезда в сентябре 1918 г. пользовались со стороны советских властей самым вежливым отношением, несмотря на тот факт, что правительство США открыто стало на сторону сил, борющихся против рабочей и крестьянской России». НКИД требовал прекращения репрессий по отношению к российским гражданам, лояльным к Советскому правительству, и немедленного освобождения Мартенса. В заключение подчёркивалось, что «Советское правительство ожидает в скором времени соответствующего уведомления от правительства США с тем, чтобы не быть поставленным против своей воли в необходимость принятия репрессий против американских граждан на российской территории»².

Налёт на Советское бюро вызвал возмущение широких масс американского населения. 17 июня 1919 г. в Медисон-сквэр-Гардене состоялся грандиозный митинг, в котором участвовало 20 тыс. человек. Присутствовавшие выразили решительный протест против недостойного отношения к советскому представителю и приняли резолюцию, требовавшую возвращения захваченных в бюро документов³.

¹ New York World, 1919, June 13.

² «Правда», 22 июня 1919 г.

³ Sun, 1918, June 18.

Хотя государственный департамент в своём ответе на телеграмму НКВД пытался отрицать и арест Мартенса, и наличие общего плана преследования всех просоветски настроенных элементов среди русских граждан, поход против советского представительства отнюдь не прекратился. Комиссия Лоска, этот прообраз нынешней «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», продолжала свою гнусную работу, целью которой было разжигание среди отсталых слоёв населения ненависти к Советской стране и страха перед ней. При этом использовались все средства клеветы, заведомые подлоги, демагогия. Так, выступая на одном из заседаний своей комиссии, Лоск пытался утверждать, что якобы работа Советского бюро не ограничивалась вопросами торговли, но заключалась и в помощи американским коммунистам; в доказательство этого приводились приветствия, полученные Мартенсом от различных социалистических организаций США, молодёжной лиги и т. д. Особенно «опасным» в этом отношении документом Лоск считал письмо В. И. Ленина к американским рабочим¹. Но несмотря на все их усилия, погромщикам из комиссии Лоска всё же не удалось найти документов, подтверждающих нарушение Л. К. Мартенсом американских законов. Методы работы Лоска вызвали недовольство даже некоторых из членов его комиссии; двое из них вышли из её состава. Прогрессивная пресса решительно выступала против незаконных действий погромщиков, облечённых законодательной властью². Она советовала им вспомнить о двух ещё не отменённых документах — Декларации независимости и Конституции США.

Новый взрыв антисоветской кампании имел место в конце 1919 г. В 18 городах США произошли обыски и аресты русских граждан, многие из них были отправлены в Нью-Йорк для последующей высылки из США. В Нью-Йорке они подвергались жестокостям. Л. К. Мартенс протестовал против этих действий, но его протесты не принимались во внимание правительством США. Более того: внутри правительственных органов в это время (декабрь 1919 г.) был вновь решён вопрос об аресте советского представителя. Соответствующий ордер был выдан 2 января 1920 г. Мартенс вынужден был предстать перед специальной комиссией федерального сената, назначенной для «расследования» его деятельности.

Выступая в комиссии, советский представитель подчеркнул, что он неуклонно придерживался инструкции Советского правительства, запрещавшей ему какое-либо вмешательство во внутреннюю жизнь Соединённых Штатов. Он убедительно показал, что деятельность его ограничивалась установлением торговых отношений, в чём были весьма заинтересованы американские деловые круги.

¹ Sun, 1919, June 20.

² New York Call, 1919, June 27.

В связи с возобновлением преследования советского представителя Народный комиссариат иностранных дел вновь направил государственному департаменту энергичную ноту протеста, предупредив американское правительство о возможных последствиях его действий¹. Именно этим, надо полагать, и объясняется то обстоятельство, что Мартенс так и не был арестован, хотя агенты министерства юстиции подготовили всё для сенсационного ареста советского представителя после окончания заседаний сенатской комиссии. Здесь сыграла свою роль и боязнь правящих кругов перед возмущением широких масс реакционной политикой американского правительства.

Слушание «дела» продолжалось с перерывами около года. В конце концов без всяких к тому оснований было вынесено решение о высылке Л. К. Мартенса.

Представитель Советской России заявил, что это было «политическим решением, продиктованным политикой американского правительства в отношении Советского правительства»².

24 декабря 1920 г. НКИД в телеграмме на имя Мартенса указал, что враждебное отношение американского правительства, выявленное в акте высылки, не может отражать мнения американского народа, в частности, американских рабочих, которые уже дали так много доказательств своего сочувствия русским рабочим и крестьянам. НКИД отметил, что при самых тяжёлых обстоятельствах в течение двух лет Л. К. Мартенс честно и терпеливо старался добиться установления дружественных отношений с Соединёнными Штатами, несмотря на злобные оскорбления и мелочные придирки,— в уверенности, что общие интересы народов Америки и России устранят препятствия к взаимному соглашению. «Мы и теперь не остаёмся,— указывал НКИД,— что массы американского народа в своё время добьются такого соглашения». В данный же момент надо было считаться с тем фактом, что России придётся обойтись без сотрудничества с США; Мартенсу предлагалось незамедлительно вернуться в Россию вместе с сотрудниками представительства — русскими гражданами — и аннулировать все заказы, переданные американским фирмам³.

Так стараниями американских реакционеров была сорвана одна из наиболее важных попыток Советского правительства установить нормальные отношения между обеими странами.

Отвечая на вопросы корреспондентов американской газеты «Нью-Йорк Ивнинг Джорнел», Ленин писал в феврале 1920 г.:

«3. «Основы мира с Америкой?»»

Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьём.

¹ «Правда», 22 ноября 1920 г.

² «Советско-американские отношения 1919—1933 гг.», М. 1934, стр. 40.

³ Там же, стр. 44—45.

4. «Препятствия для такого мира?»

Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов»¹.

Советское правительство в этот период вновь дважды прибегло к прямым мирным предложениям, аналогичным тем, о которых говорилось выше. 10 декабря 1919 г. представитель НКИД разослал посланникам стран Антанты в Копенгагене копию мирной резолюции VII съезда Советов и в сопроводительном письме уведомил их, что он уполномочен вступить с ними в предварительные переговоры². Все посланники, включая и американского, вернули данное письмо, сославшись на формальный предлог. Этим они вновь показали, насколько лицемерны все заявления империалистических правительств об их стремлении к миру.

Серьёзное значение имела радиограмма НКИД государственному департаменту от 24 февраля 1920 г., содержащая мирные предложения Советского правительства Соединённым Штатам Америки. НКИД указывал, что победоносное продвижение доблестных советских войск в Сибири и распространившееся с непреодолимой силой всеобщее народное движение против контрреволюции и против иностранного нашествия приблизили перспективу восстановления сношений между РСФСР и США. «Можно категорически утверждать,— писало Советское правительство,— что сношения между Советской Россией и Америкой принесут величайшую пользу обеим странам и что обе получают от них крупнейшие выгоды». В радиограмме вновь подчёркивалось отсутствие у Советского правительства какого-либо намерения вмешиваться во внутренние дела Америки и делалось предложение о незамедлительном начале мирных переговоров согласно резолюции VII съезда Советов. «Повторяя это предложение ещё раз,— говорилось в конце документа,— мы просим правительство Соединённых Штатов сообщить нам о своих желаниях по вопросу о месте и времени начатия мирных переговоров между обеими странами»³.

Такого сообщения не последовало; правящие круги США, разъярённые военными и политическими успехами Советской России, всё более утверждались в своём поистине твердолобом стремлении добиться сокрушения страны социализма — поскольку это не удалось пушками и танками — экономическим бойкотом и непризнанием. Известно, что эта политика, как и военная интервенция США в Советской России, потерпела полный крах.

Советская дипломатия активно боролась за мир, разоблачая перед всем миром подлинные цели империалистических правительств, способствуя достижению победы над белогвардейцами и интервентами. Деятельность советской дипломатии в годы граж-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 340.

² «Известия», 12 декабря 1919 г.

³ «Правда», 26 марта 1920 г.

данской войны была высоко оценена Лениным. В 1922 г. он говорил: «Я думаю, наша Красная Армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более или менее отдаленно с нами связанных.

Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты Америки подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 353.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

США — ОРГАНИЗАТОР И АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК ПОХОДОВ АНТАНТЫ

1. Американская помощь Колчаку

«...уже в первой половине 1918 года,— пишет товарищ Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — сложились две определённые силы, готовые пойти на свержение Советской власти: иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России.

Ни одна из этих сил не обладала достаточными данными для того, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти. У контрреволюции в России были некоторые военные кадры, а также некоторое количество людских сил, главным образом, в лице казачьих верхов и кулачества, необходимые для того, чтобы поднять восстание против Советской власти. Но у неё не было денег и вооружения. У иностранных империалистов, наоборот, были деньги и вооружение, но они не могли «отпустить» на интервенцию достаточного количества воинских сил не только потому, что эти силы нужны были для войны с Германией и Австрией, но и потому, что они могли оказаться не вполне надёжными для борьбы с Советской властью.

Условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обеих антисоветских сил, иностранной и внутренней. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года»¹.

В ноябре 1918 г. окончилась первая мировая война. Германия признала себя побеждённой. Прекращение военных действий в Западной Европе повлекло за собой резкое усиление антисоветской интервенции. Теперь англо-франко-американские империалисты могли без ущерба для своих германских фронтов финансировать и снабжать русскую белогвардейщину. После окончания войны оставалось большое количество различного военного имущества, которое империалисты США могли использовать для борьбы против Советской власти. Империалистам требовалась только гарантия того, что посланные ими в Россию вооружение,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 216.

боеприпасы и деньги, вложенные в фирму «русская контрреволюция», не пропадут, нужна была гарантия того, что всё это будет использовано по назначению, т. е. для борьбы с большевиками. Для этого нужно было сконцентрировать все антисоветские силы, создать единое руководство белогвардейщиной. Наиболее подходящим для подобных целей являлся режим военной диктатуры.

Многочисленные белогвардейские «правительства», возникавшие в течение 1918 г. в Сибири и быстро исчезающие, не пользовались доверием американского правительства. Все они с точки зрения последнего были недостаточно солидными для реализации планов американских захватчиков. Поэтому правительство США, отказывая им в признании, всячески содействовало образованию правительства «твёрдой руки», которое можно было бы противопоставить Советской России, а затем, поставив это белогвардейское правительство в условия полной зависимости от США, установить своё господство в Сибири и на Дальнем Востоке.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске произошёл переворот. Директория была свергнута. Власть перешла к адмиралу Колчаку, принявшему титул «верховного правителя».

В публикациях государственного департамента нет ни одного документа, который характеризовал бы отношение Вашингтона к перевороту, но, судя по действиям дипломатических представителей США в Сибири, американское правительство активно способствовало установлению в Сибири режима белогвардейской военной диктатуры.

Генеральный консул США в Иркутске Гаррис сделался одним из наиболее активных сторонников Колчака. Привлекает внимание такое обстоятельство: 13 ноября 1918 г. американское консульство в Омске обратилось к омскому «министру иностранных дел» с просьбой о предоставлении Гаррису комнаты «для довольно продолжительного пребывания его в Омске»¹. Этот на первый взгляд малозначающий документ вызывает определённые подозрения относительно истинной роли Гарриса. Случайно ли было его появление в Омске за четыре дня до переворота? Вряд ли! Особенно если учесть, что Гаррис на следующий же день после переворота первым из иностранных представителей посетил Колчака и обещал ему поддержку американского правительства.

«Гаррис, американский представитель,— показывал Колчак на допросе в 1920 г.,— относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью... Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на следующий день. Гаррис сказал мне: «Думаю, что в Америке этому сообщению будет придано неопределённое, самое неправильное освещение. Но наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть...» Гаррис

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 1, д. 30, л. 140.

предложил Колчаку следовать по пути, который ему укажут «союзники». Беседа кончилась заявлением Гарриса: «В дальнейшем мы будем работать вместе»¹.

В своих первых сообщениях государственному департаменту о перевороте Гаррис, являвшийся одним из наиболее ожесточённых врагов Советской России, старался подчеркнуть, что главная цель Колчака заключается в создании сильной армии для борьбы с большевиками. При этом генеральный консул характеризовал Колчака как вполне надёжного человека.

30 ноября 1918 г. Бахметьев, последовательно представлявший в США все белогвардейские «правительства», поспешил уведомить государственного секретаря о полученной от омского «правительства» телеграмме, в которой указывалось, что оно принимает на себя ответственность за все долги русского государственного казначейства². Этот шаг Колчака был явно рассчитан на то, чтобы завоевать расположение американских капиталистов, озлобленных декретом Советского правительства об аннулировании долгов царского и Временного правительств.

8 января 1919 г. государственный секретарь Лансинг, находившийся в Париже, поделился со своим заместителем Полком соображениями относительно того, что было бы весьма полезно опубликовать декларацию о желании союзных правительств оказать помощь существующему в Сибири «правительству». Империалисты США готовили Колчака к нападению на Советскую Россию.

В начале 1919 г. колчаковские армии начали наступление «на Москву». В марте белые взяли Уфу. Вскоре пал Бугуруслан: Нависла угроза над Казанью и Самарой. Колчак рвался вперёд, намереваясь соединиться в районе Саратова с Деникиным, захватившим к этому времени Донбасс.

Это был первый поход Антанты. Товарищ Сталин дал ему следующую характеристику: «Первый поход был предпринят весной 1919 года. Поход этот был комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Колчака, Деникина, Польши, Юденича и смешанных англо-русских отрядов в Туркестане и в Архангельске, причём центр тяжести похода лежал в районе Колчака.

В этот период Антанта, единая и сплочённая, стоит на точке зрения открытой интервенции: слабость рабочего движения на Западе, многочисленность врагов Советской России и полная уверенность в победе над Россией позволяли заправилам Антанты практиковать наглую политику неприкрытой интервенции.

В этот период Россия переживала критическую минуту, ибо она, отрезанная от хлебных районов (Сибирь, Украина, Северный

¹ Допрос Колчака (Центроархив), Л. 1925, стр. 186—187.

² FR. 1918, Russia, vol. III, p. 52.

Три собаки Антанты. Плакат худ. Дени.

Кавказ) и от топлива (Донецкий бассейн, Грозный, Баку), вынуждена была бороться на шести фронтах. Антанта видит это и предвкушает победу»¹.

Гаррис подробно информировал государственный департамент о продвижении Колчака, всячески превознося успехи его войск и рекламируя «прочность» его режима. «Поход сибирской армии против большевиков,— писал он Лансингу,— развивается благоприятно. Правительство Колчака сейчас сильнее, чем когда-либо прежде, его власть растёт»².

В другой телеграмме он превозносил Колчака как единственную силу, на которую можно рассчитывать в борьбе против большевиков.

9 апреля по поручению государственного департамента во Владивостоке состоялось совещание непосредственных руководителей американской интервенции. На этом совещании встретились: командующий тихоокеанским флотом США адмирал Роджерс (сменивший в декабре 1918 г. на этом посту Найта), генерал Грэвс, консулы Гаррис и Колдуэлл и представитель «железнодорожной комиссии» Смит. Единогласно была принята резолюция о необходимости оказать Колчаку финансовую и материальную помощь³.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 320.

² FR. 1919, Russia, p. 200.

³ L. Strakhovsky, Die diplomatischen Verhandlungen zur amerikanischen Intervention in Sibirien. В книге: «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1938, S. 237.

В Вашингтоне внимательно следили за ходом событий. Телеграммой от 29 апреля заместитель государственного секретаря поручил послу США в Японии тщательно изучить вопрос о возможности временного признания омского «правительства», а Лансинг из Парижа сообщил Полку, что участники мирной конференции считают, что если бы Колчак сразу принял меры для созыва Учредительного собрания, протесты против его признания были бы значительно слабее. При этом государственный секретарь добавил: «Что вы думаете о том, чтобы побудить Колчака к такому акту?»¹

В этот период в американской реакционной печати велась кампания за оказание самой широкой помощи Колчаку.

«В войне против большевизма, так же как и в войне против Германии, тому, кто будет стоять в стороне, дожидаясь исхода событий, не будет никакого оправдания, и он не получит никакой выгоды», — предупреждала 29 мая передовая «Нью-Йорк Таймс» и требовала признания Колчака.

Командующему американскими экспедиционными силами генералу Грэвсу были вручены инструкции, уполномочивающие его сделать всё практически возможное для упрочения колчаковского «правительства».

Вопрос о признании Колчака детально обсуждался на Парижской мирной конференции. В своём выступлении на заседании Совета четырёх 9 мая Вильсон осветил чрезвычайно сложное, по его мнению, положение на Дальнем Востоке и предложил направить Колчаку запрос относительно его программы².

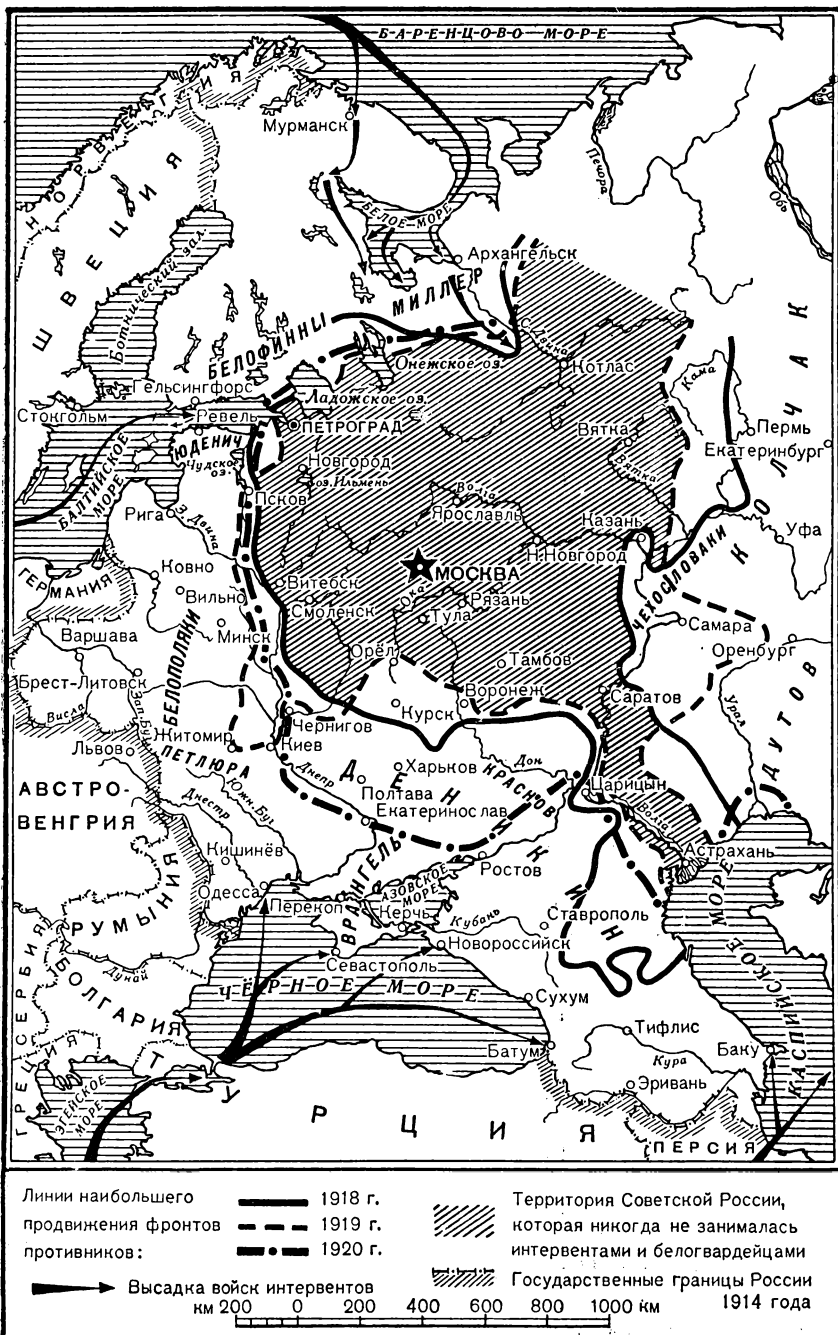
На заседании Совета четырёх 23 мая Клемансо сообщил, что у него имеются основания полагать, будто японцы намерены предложить союзникам признать Колчака. Не желая, чтобы инициатива исходила от японцев, Клемансо считал нужным предупредить их.

Вильсон осведомился о том, как именно предполагается признать омское «правительство» — как всероссийское или как местное, и, получив от Клемансо разъяснение, что речь идёт о признании власти Колчака над всей русской территорией, заявил, что не может согласиться с этим. На втором заседании, состоявшемся в тот же день, при обсуждении проекта обращения к Колчаку, его весьма заинтересовал вопрос о том, можно ли рассматривать заявление Колчака о признании русских долгов как обязательство. Рассматривая вопрос о признании Колчака, Вильсон прежде всего думал о расчленении России, о её закабалении.

На заседании 26 мая был принят текст обращения участников конференции к колчаковскому правительству. США и страны Антанты предлагали Колчаку помощь, но обуславливали её целым рядом требований. Империалисты требовали от Колчака призна-

¹ FR. 1919, Russia, p. 337, 339.

² FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. V, p. 528—530.

Советская республика в кольце фронтов интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 гг.

ния независимости Финляндии и Польши, передачи разрешения вопроса о судьбе прибалтийских, кавказских и закаспийских областей на усмотрение Лиги наций, признания права мирной конференции определить судьбу Бессарабии, подтверждения декларации о признании русского государственного долга. По предложению американской делегации к пункту о прибалтийских, кавказских и закаспийских областях было сделано следующее добавление: «Пока такое разрешение подготавливается, русское правительство согласно признать эти территории как автономные и подтвердить отношения, которые могли бы возникнуть между их фактическими правительствами и союзными и объединёнными государствами»¹.

Таким образом, условия, выдвинутые интервентами, являлись не чем иным, как программой расчленения России, программой превращения её в колониальную страну. Интервенты в своём обращении потребовали также от Колчака ряд заверений, которые должны были представить этого реакционера и палача русского народа в качестве поборника... демократии. Колчак должен был пообещать, что он «по взятии Москвы» созовёт Учредительное собрание, заявить, что он не стремится к восстановлению самодержавия и т. д. Эта комедия нужна была Вильсону и Ллойд Джорджу для обмана мирового общественного мнения, для обмана народных масс.

Колчак оказался достойным своих покровителей. Его ответ от 4 июня был весьма туманным и представлял собой смесь обещаний и двусмысленностей. «Верховный правитель» оставлял для себя всевозможные лазейки. Полностью игнорируя вопрос о границах, он соглашался признать *de facto* правительство Финляндии, но окончательное решение вопроса оставлял до созыва Учредительного собрания, как и решение вопроса о Бессарабии. По поводу прибалтийских, кавказских и закаспийских областей он обещал «подготовить решение вопроса» и только относительно долгов дал прямой ответ, обязуясь уплатить их.

Тем не менее 12 июня союзники постановили признать ответ Колчака удовлетворительным и выразили готовность оказать ему обещанную в первой ноте помощь. И хотя это ещё не представляло собой акта формального признания, однако отношения, установившиеся между США и Францией, с одной стороны, и колчаковским правительством, с другой, носили явный характер фактического признания.

Именно так оценила их американская пресса. «Ответ, направленный сегодня Советом четырёх адмиралу Колчаку,— сообщал из Парижа 12 июля 1919 г. корреспондент «Ассошиэтед пресс»,— предоставляет ему и его союзникам помощь, обещанную в прошлом письме Совета Колчаку. Здесь рассматривают это как признание омского правительства *de facto*». Газета «Нью-Йорк Три-

¹ FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. V, p. 915, текст обращения — vol. VI, p. 73—75.

бюн» поместила это сообщение, а также письма Совета четырёх омскому «правителью» под общим заголовком «Правительство Колчака признано союзниками». В ставке Колчака постоянно находились официальные представители США, Англии и Франции. Колчаковский режим существовал только благодаря поддержке, которую оказывали ему американские, английские и французские империалисты.

Правительство Соединённых Штатов Америки передало Колчаку все кредиты, оставшиеся неиспользованными после Временного правительства. Кроме того, белогвардейским кооперативным организациям Сибири был открыт кредит на сумму 125 млн. долларов¹.

На деньги, отпущенные американскими империалистами для борьбы против советской власти, колчаковцы закупили в США огромное количество военного имущества. Американские фирмы поставляли Колчаку оружие, боеприпасы, обмундирование. 29 июля 1919 г. финансовый агент омского «правительства» в США Угет заключил договор с фирмой «Ремингтон-Армс-Юнион-Металлик-Картридж-Компани» на поставку 112 945 винтовок². Десятки других фирм обеспечивали колчаковскую армию пушками, снарядами, запасными частями, обувью, бельём.

Снабжением Колчака занимались не только частные фирмы, но и правительство США. На Парижской конференции Вильсон взял на себя обязательство обеспечить Колчака всем необходимым для ведения контрреволюционной войны.

В роли посредника в передаче колчаковцам вооружения и боеприпасов выступал командующий американскими войсками на Дальнем Востоке Грэвс.

20 сентября Вильсон одобрил представленный ему заместителем государственного секретаря Филлипсом широкий план снабжения колчаковской армии через военное министерство США. Филлипс считал это делом величайшей важности.

Военное ведомство США ещё ранее приняло все меры для обеспечения Колчака вооружением и различным снаряжением. Так, в мае 1919 г. финансовый агент колчаковского посольства в Вашингтоне Угет сообщил в Омск о возможности получить в США самолёты. 2 июля он извещил омское «правительство» о согласии Вильсона на продажу 268 тыс. винтовок и 15 млн. патронов по себестоимости. 3 июля выяснилась возможность приобретения 237 орудий со снарядами. 11 июля президент дал разрешение на отпуск колчаковской армии вещевого довольствия. 16 июля военное министерство предложило противогазы, 25 июля — шлемы.

Из тихоокеанских портов США во Владивосток нескончаемым потоком шли грузы для Колчака. По сохранившимся сообщениям Угета можно лишь частично восстановить подлинную картину снабжения американскими империалистами колчаковской армии.

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 61, л. 7.

² ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 79, л. 57.

20 мая отправлено 640 вагонов, 11 паровозов и 25 ящиков запасных частей для винтовок; 10 июня пароходом «Найт-компани» — 241 тыс. пар сапог, 1 000 кип кожи и другие предметы; 21 июня пароходом «Вестхиликс» — 10 тыс. винтовок и 25 ящиков запасных частей к ним; 26 июня пароходом «Ховрон» — 12 паровозов с запасными частями, 26 тонн мелкого железнодорожного оборудования, 13 500 винтовок и 30 ящиков запасных частей к ним; 18 июля пароходом «Маю-Мару» — 18 паровозов и 61 тонна запасных частей к ним; 16 августа пароходом «Логомпуст» — 43 260 винтовок и 2¹/₂ млн. патронов¹.

Таких сообщений — бесчисленное множество.

Соединённые Штаты оказывали помощь Колчаку и в других формах. Активную деятельность развернула в Сибири и на Дальнем Востоке американская ассоциация Христианской молодёжи и американский Красный крест. Генерал Грэвс вынужден был признать, что Красный крест «фактически действовал как агент по снабжению колчаковских войск». В апреле 1919 г. эта организация заготовила для них 300 тыс. комплектов шерстяного белья. Общая стоимость материальной помощи, оказанной американским Красным крестом Колчаку, исчислялась суммой в несколько миллионов долларов.

Следует отметить, что, оказывая помощь Колчаку, американское правительство извлекало из этого немалые выгоды, так как сбывало ему огромные запасы материалов, оставшихся неиспользованными по окончании военных действий на Западном фронте и не находивших сбыта в условиях послевоенного обнищания Европы.

За многие свои приобретения Колчак щедро расплачивался золотом, захваченным в Казани. 12 августа колчаковский «министр финансов» сообщил «министру иностранных дел» о взносе депозита золотом на сумму 2 547 588 долларов в отделение Гонконг-Шанхайского банка во Владивостоке².

В обеспечение займа у англо-американского синдиката было депонировано 3 937 ²/₃ пудов золота. Затем на приобретение пулемётов Кольт было затрачено 50 пудов золота; в уплату за винтовки Ремингтон — 50 пудов золота, и ещё 100 пудов было внесено американскому правительству за винтовки.

Однако этого американским империалистам было мало, и они стремились прибрать к рукам весь золотой запас Колчака. Американское правительство, проявляя беспокойство и заботу о судьбе Колчака, в не меньшей степени волновалось за судьбу его золотого запаса. 3 сентября Лансинг просил Гарриса выяснить, не намерен ли Колчак передать золото на хранение американской миссии в Пекине или в другом месте. При этом Лансинг подчеркнул, что «США своей честью гарантируют сохранность золота»³.

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 24, л. 9, 143, 187; д. 71, л. 64; д. 23, л. 86.

² ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 73, л. 14.

³ FR. 1919, Russia, p. 214—215.

Однако американское предложение не вызвало энтузиазма у Колчака. У «верховного правителя», вероятно, были основания полагать, что «честь США» является недостаточной гарантией сохранности ценностей.

Несмотря на обильную материальную помощь, поступавшую из-за океана, Колчаку не удалось выполнить то, что от него требовали империалисты. Его успехи были кратковременны. Уже в конце апреля советские войска, руководимые замечательным пролетарским полководцем М. В. Фрунзе, нанесли колчаковским армиям ряд чувствительных контрударов. Белые стали отходить. После жестоких боёв советскими войсками была освобождена Уфа. 14 июля Красная Армия вступила в Екатеринбург.

Поражения колчаковцев вызвали тревогу в стане американских вдохновителей первого похода Антанты. В конце июня Вильсон направил в Омск американского посла в Токио Морриса, для того чтобы ознакомиться на месте с обстановкой и информировать правительство США о положении дел «верховного правителя». При этом президент выразил желание, чтобы Моррис действовал «в духе симпатии» к Колчаку¹.

Омское «правительство» было чрезвычайно заинтересовано в благоприятном отношении со стороны Морриса, ибо прекрасно было осведомлено об авторитете, которым последний пользовался в Вашингтоне.

К приезду Морриса в Омске готовились с большой тщательностью. Из колчаковского «посольства» в Вашингтоне были получены полезные советы:

«Ввиду того, что первые сведения о наших делах Моррис получит от Гарриса, необходимо подготовить последнего благоприятно для нас. Весьма полезно было бы также подготовить серьёзные материалы о зверствах большевиков и направить к Моррису делегацию от надёжных общественных групп, духовенства и крестьянства. Чем внушительнее они будут представлены, тем лучше будет для нас»².

Омскому «правительству» удалось без особого труда завоевать симпатии Морриса. Докладывая о беседе с Колчаком, выразившим благодарность американскому кресту за проделанную работу, Моррис сообщал в Вашингтон, что колчаковский режим сможет перенести кризис и что правительство США должно оказать ему помощь всевозможными практическими мероприятиями³.

11 августа Моррис уже конкретно указывал, какие именно мероприятия необходимы для усиления Колчака. Это — формальное признание его правительства в качестве временного всероссийского, гарантия кредита в 200 млн. долларов, продолжение ра-

¹ FR. 1919, Russia, p. 388.

² И. С у б о т о в с к и й, Союзники, русские реакционеры и интервенты, Л. 1926, стр. 110.

³ FR. 1919, Russia, p. 394, 399—400.

боты железнодорожного комитета, посылка дополнительных войск и т. д.

В ответной телеграмме от 25 августа 1919 г. на предложение Морриса Лансинг заявил, что формальное признание Колчака пока невозможно, но доставка вооружения будет продолжаться попрежнему. А это, собственно, было основным, в чём нуждался Колчак.

США с удивительным упорством продолжали снабжение Колчака даже в то время, когда его войска откатывались на восток. Американские империалисты надеялись ещё на разгром Советской России. Надежды эти возросли, когда к Москве с юга стал подходить Деникин.

21 октября Лансинг выразил свои упования в телеграмме представителю США в межсоюзном железнодорожном комитете в Сибири Стивенсу: «Антибольшевистские войска в Европейской России имели недавно крупные успехи. Теперь более чем когда-либо вероятно, что большевистское правительство падёт. Поэтому чрезвычайно важно поддержать Колчака. Для этой цели в Вашингтоне сделано всё возможное»¹. А 24 октября Полк из Парижа сообщил Лансингу о своих беседах с союзными делегатами о признании Колчака и утверждал, что руководство США в этом вопросе подняло бы престиж Америки, и «так как Петроград будет скоро взят, то было бы лучше теперь же согласиться на признание, чем ждать»².

Но рабочие и крестьяне Советской России, поднявшиеся на священную войну против иностранных захватчиков, разрушили все планы интервентов, нанося белогвардейцам одно поражение за другим.

Вскоре в адрес правительства США посыпались панические телеграммы с мольбами о помощи: 31 октября от Гарриса, 3 ноября от Бахметьева и, наконец, 18 ноября от самого «верховного правителя».

К этому времени японцы, убедившиеся в неизбежном и скором падении Колчака, высказали предположение о том, что Япония и США должны были бы заявить Сибири о необходимости сформировать новое правительство. Однако американские империалисты продолжали поддерживать прогоревшего «верховного правителя». 19 ноября Лансинг в телеграмме Моррису настаивал на том, что было бы весьма желательно, чтобы Колчак остался во главе любого сибирского правительства. «Я всё ещё верю в его личные качества,— телеграфировал Лансинг.— ...Он настроен благоприятно в отношении США»³.

Американское правительство до самых последних дней Колчака не отказывалось от мысли использовать его в качестве

¹ FR. 1919, Russia, p. 536.

² Ibid., p. 444.

³ FR. 1919, Russia, p. 597—598.

орудия борьбы против Советской России. Вплоть до полного провала колчаковской авантюры США оказывали колчаковцам действенную помощь. В ноябре 1919 г., когда крах колчаковщины всё более и более становился реальностью, Угет заключил с американским правительством соглашение о покупке 20 тыс. тонн муки. Некоторое время спустя Бахметьев сообщал колчаковскому «правительству» о возможности купить в военном министерстве США бельё для армии¹. В начале декабря колчаковцы подписали с согласия правительства США контракт с фирмой «Уэстерн Картридж» на поставку большого количества вооружения и боеприпасов². Вряд ли, однако, белогвардейцы успели этим воспользоваться. Красная Армия громила колчаковские банды и победоносно продвигалась вперёд. 14 ноября был освобождён Омск. В начале января 1920 г. восставшие рабочие и крестьяне освободили Иркутск. Колчак был арестован и расстрелян. Остатки белых войск спасались бегством.

«...Колчаку,— писал Ленин,— оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь к Колчаку. И все это рухнуло...»³.

2. Участие США во втором походе Антанты

Осенью 1919 г. страны Антанты, совместно с США, начали свой второй поход против Советской России. Как и первый поход Антанты, предпринятый интервентами весной 1919 г., второй поход являлся также комбинированным. Этот поход, указывал И. В. Сталин, «...предполагал совместное нападение Деникина, Польши, Юденича (Колчак был сброшен со счёта). Центр тяжести похода лежит на этот раз на юге, в районе Деникина»⁴.

Летом 1919 г. Деникину удалось выйти к Волге; 30 мая белыми был захвачен Царицын. Затем Деникину удалось временно оккупировать Донскую область, Крым, значительную часть Украины и частично Воронежскую губернию.

9 июля 1919 г. было опубликовано написанное В. И. Лениным письмо ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» В этом письме говорилось: «Теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина, которому они, как некогда и Колчаку, оказали помощь офицерами, снабжением, снарядами, танками и т. д. и т. п.

Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина

¹ ЦГАОР, ф. 200. оп. 3, д. 76, л. 4; д. 21, л. 17.

² Philadelphia Public Ledger, 1919. Dec. 5.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 59.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 320—321.

Окно Роста. Плакат В. Маяковского.

и победить его, не останавливая победного наступления Красной армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА»¹.

Второй поход Антанты известен под названием «похода 14 государств». Одним из вдохновителей похода был заклятый враг Советской России английский военный министр Черчилль. США являлись активным участником этого похода. В своих пометках на телеграмме Роста, 28 августа 1919 г., В. И. Ленин, перечисляя участников похода, не случайно в числе первых двух назвал Англию и США² как наиболее активных, агрессивных организаторов и участников антисоветской интервенции.

Американские, так же как и английские, французские и другие, империалисты, оказывали широкую помощь и всестороннюю поддержку Деникину, Юденичу и другим участникам второго похода Антанты.

«Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля,— указывает товарищ Сталин,— против революции в России империалисты были склонны изображать как борьбу исключительно внутреннюю. Но мы все знали, и не только мы, но и весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьёзная гражданская война в России была бы совершенно невозможна»³.

В июле 1919 г. деникинский представитель за границей Делара вёл в Париже переговоры с Першингом и другими генералами американского главного командования. О результатах переговоров Делара докладывал Деникину: «Никаких препятствий к получению довольно крупного количества всякого рода остатков военного имущества не встречается, а именно, в американских кругах существует определённое желание помогать Добармии и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 402—403.

² Ленинский сборник, XXIV, стр. 197.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 360.

другим русским армиям, борющимся с большевиками, и что не только большие количества из находящегося во Франции американского военного имущества, но и из колоссальных запасов в Америке могут быть переданы, проданы России, если только соответствующим образом хлопотать.

Условия, на которых это имущество можно было бы получить, следующие: с заготовочной стоимости скидывается от 20 до 30%, всё даётся на долгосрочный кредит. В некоторых кругах выражалось желание получить около 15—20% со стоимости товаров наличными или какими-нибудь ценностями и выплату остальных сумм производить через несколько лет после успокоения и установления порядка в России. Причём многое можно было бы получить наверное безвозмездно...»¹

В сентябре 1919 г. Деникин лично обратился к Вильсону. Он писал: «Моральная и материальная помощь имеет для нас огромное значение... Нам необходимы бельё, обувь и одежда, и в этом отношении США могли бы оказать нам очень большую помощь»².

Обращение Деникина к американским империалистам не осталось безрезультатным. Из Соединённых Штатов белогвардейцам на Южный фронт поступало вооружение, боеприпасы, обмундирование.

В сентябре 1919 г. Колчак дал согласие на отправку из США к Деникину 300 тыс. шрапнелей и 72 тыс. винтовок, 235 тыс. пар сапог³. 4 октября Бахметьев сообщил из Вашингтона, что пароходом «Владимир» в Новороссийск отправлено свыше 3 млн. винтовочных патронов⁴.

Американская помощь продолжала поступать Деникину даже тогда, когда всем было ясно, что его армия доживает последние дни. В январе 1920 г. представитель США при штабе Деникина сообщил белогвардейцам, что в Новороссийск прибывает очередная партия американских военных материалов весом в 5 600 тонн⁵.

Для установления более тесного контакта деникинцами была послана в США в конце 1919 г. специальная миссия, основной задачей которой было, по свидетельству Деникина, «взаимное осведомление и сближение, а также выяснение вопроса о помощи добровольческой армии».

При штабе Деникина находился представитель США адмирал Мак Келли, осуществлявший непосредственную связь американского правительства с контрреволюционным Югом России, а также являвшийся военным советником белогвардейцев.

Оказывая помощь белогвардейцам, американские империалисты не забывали о своей выгоде. Они прилагали все усилия к

¹ ЦГАОР, ф. 356, оп. 1, д. 49а, л. 19.

² FR. 1919, Russia, p. 771—772.

³ ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 23, л. 104.

⁴ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 90, л. 159.

⁵ ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 21, л. 47.

тому, чтобы выкачать из районов, захваченных контрреволюционерами, возможно больше сырья. Уже в мае 1919 г. в печати появились сообщения о том, что Деникин по морю направляет в США русское сырьё¹. В сентябре Лансинг писал военному министру Бейкеру, что по мнению государственного департамента следует всячески поощрять поставки Деникину, так как это «явится побудительным началом для вывоза местного сырья из Южной России»².

Из районов, временно захваченных белогвардейцами на Юге, американских империалистов наиболее привлекало Закавказье. Они жадно тянулись к природным богатствам Азербайджана, Грузии и Армении.

14 мая 1919 года на Парижской конференции было принято решение, согласно которому США получали мандат на Армению и значительную часть Турции.

«...когда говорят о раздаче мандатов на колонии,— указывал В. И. Ленин,— мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара»³. Американский мандат на Армению означал, что заатлантические хищники решили прибрать к рукам всё Закавказье. Как вскоре выяснилось, под «Арменией» в Вашингтоне разумели также Батуми, Тбилиси и Баку. Это объяснялось отнюдь не невежеством в географии правителей США, а их захватническими устремлениями. «США должны,— заявлял генерал Мосли — член американской военной миссии, направленной в Закавказье,— иметь полную власть над всей территорией, где проживают армяне,— не только в Армении, но и в России, Грузии, Азербайджане, Турции»⁴.

Подобные захватнические планы американские империалисты лелеяли и в отношении Прибалтики. Литву, Латвию и Эстонию они намеревались превратить в полуколониальные, зависимые от США страны. Прибалтика привлекала внимание американских интервентов также и потому, что она являлась удобным плацдармом для наступления на колыбель революции — Петроград.

Ещё в декабре 1918 г. посланник США в Швеции Моррис обсуждал с Юденичем проблему нанесения удара Советской России из Прибалтики. Лансингу Моррис телеграфировал:

«Наилучшим местом для военных действий против большевиков будут прибалтийские провинции и Финляндия. Их выдвинутое географическое положение, их порты и железные дороги, близость к Петрограду..., отсутствие укреплений на дорогах, ведущих к столице..., трудности для большевиков в организации снабжения в этих уже опустошённых районах — всё говорит в пользу

¹ The Times, 1919, May 19.

² FR. 1919, Russia, p. 775.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 138.

⁴ А. Е. К у н и н а, Цит. произв., стр. 89.

подобных операций. Войска союзников должны оккупировать главные порты и города прибалтийских провинций»¹.

Моррис призывал к немедленным действиям против советской власти. «Важно помнить,— писал он в той же телеграмме,— что Красная Армия, вырастая численно, улучшается также и качественно, следовательно, борьба против большевиков позднее будет более сложной, чем сейчас».

В борьбе против советского народа американские империалисты не останавливались перед использованием в интервенционистских целях своих вчерашних врагов — германской воённости. Условия перемирия, навязанные США, Англией и Францией побеждённому противнику — Германии, предусматривали оставление немецких войск в Северо-западной части России специально «для осуществления агрессии против большевизма», как это откровенно признавал один из американских военных представителей в Эстонии. Выполняя эту позорную миссию империалистов Антанты, немецкие войска под командованием палача и вешателя генерала фон дер Гольца творили в Прибалтике свои чёрные дела. Соединённые Штаты оказывали фон дер Гольцу самую широкую поддержку.

В 1919 г. Юденич дважды пытался овладеть Петроградом, и каждый раз США являлись организатором и активным участником его кровавых авантюр.

Весной 1919 г. в Эстонию прибыла американская миссия, возглавленная морским атташе США в Копенгагене, Джоном Гейдом. Гейд и другие американские офицеры инспектировали белогвардейские войска, готовили их к нападению на Советскую Россию. На американских судах в Эстонию для белогвардейцев завозилось в больших количествах вооружение, боеприпасы, обмундирование и особенно продовольствие.

По признанию самих белогвардейцев их войска окончательно бы разложились, если бы своевременно не поступила американская продовольственная помощь. Империалисты США накормили банды Юденича, вооружили их и направили в поход на Петроград. Лансинг оценивал действия Юденича как «чрезвычайно важные»².

Захвату Петрограда американские империалисты придавали большое значение.

Именно потому правители США всячески поощряли Финляндию действовать совместно с Юденичем.

«Все способы давления, финансового, продовольственного, военного,— указывал Ленин,— были пушены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас»³.

¹ FR. 1918, Russia, vol. II, p. 858.

² FR. 1919, Russia, p. 705.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 153.

2 июля 1919 г. вице-консул США в Выборге Имбри сообщил государственному департаменту о том, что переговоры представителя Юденича с белофиннами об их участии в наступлении на Петроград проходят успешно.

Через пять дней, 7 июля, Совет глав делегаций на Парижской конференции принял решение послать в Хельсинки британскому, американскому, итальянскому и французскому поверенным в делах телеграмму с предложением информировать правительство Маннергейма о том, что если оно удовлетворит просьбу Колчака об участии в походе на Петроград, союзные правительства возражать против этого не будут.

США предоставили Финляндии заём на сумму свыше 8,5 млн. долларов.

Если из попытки заставить Финляндию наступать вместе с Юденичем практически ничего не вышло, то вина в этом не антантовских дипломатов, а самих белогвардейцев, которые не пожелали дать финской буржуазии гарантий её независимости на будущее.

Первую попытку захватить Петроград Юденич предпринял летом 1919 г. Разгромленный доблестной Красной Армией, он был отброшен в Эстонию. Второе наступление Юденича началось в конце сентября 1919 г.

В Вашингтоне с нетерпением ожидали падения Петрограда и Москвы. Американская пресса, стремясь опередить события и выдавая желаемое за действительное, уже сообщала о занятии Юденичем Петрограда и Деникиным Москвы. «Всё здание большевизма в России, видимо, рухнет», — возвещала «Нью-Йорк Таймс». 18 октября на страницах этой газеты появилось сообщение: «Антибольшевистские войска в Петрограде»; через день «Нью-Йорк Таймс» удивила мир новой ложью: «Новое сообщение о падении Петрограда. Связь с Москвой прервана».

Советская республика находилась в тяжёлом положении. Юденич рвался к Петрограду. В руках Деникина находились Курск и Орёл, его банды угрожали Туле. В эти тревожные дни империалисты Антанты официально объявили блокаду Советской России. По их замыслу это должно было довершить разгром большевиков. Костлявой рукой голода намеревались они задушить власть русских рабочих и крестьян, героически отражавших натиск наймитов иностранного капитала.

Активную роль в организации антисоветской блокады играли Соединённые Штаты, начавшие её фактическое осуществление ещё в 1917 г. Вильсон явился одним из инициаторов полной изоляции Советской республики от внешнего мира.

Вопрос о блокаде дебатировался Советом четырёх в течение весны и лета 1919 г. Этим занимался также Верховный экономический совет и его ответвления — Союзный комитет по делам блокады, Комитет по делам блокады Востока и другие. Все их усилия были направлены к тому, чтобы возможно быстрее и

эффективнее прекратить доступ продовольствия и медикаментов в Советскую Россию.

27 июля Вильсону была направлена телеграмма, утверждённая накануне на заседании глав делегаций. В телеграмме содержалось требование усиления блокады. С откровенным цинизмом «союзники» заявляли, что международные законы неприменимы в отношении России, не являющейся, по их утверждению, «организованной страной».

Ответ Вильсона от 2 августа¹ как нельзя лучше разоблачает коварные методы этого лицемера, под слащавой маской миротворца проводившего самую бесчеловечную антисоветскую политику.

Вильсон заявлял, что он не имеет конституционных прав прибегнуть к блокаде страны без объявления ей конгрессом войны. Однако тут же Вильсон указал конкретный путь осуществления изоляции Советского государства. Президент США предложил странам Антанты заставить нейтральные государства прекратить торговые сношения с Советской Россией. Таким образом, Вильсон на словах был против блокады, а по сути дела его ответ являлся призывом к удушению Страны Советов.

10 октября страны Антанты обратились с нотой к нейтральным государствам (Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексике, Чили, Аргентине, Колумбии, Венецуэле). Эта нота поражает своим сходством с посланием Вильсона от 2 августа сходством не только в отношении идеи, но даже и чисто внешним: в обоих документах имеются совершенно одинаковые фразы. От нейтральных государств «союзники» требовали прекращения всех связей с Советской республикой. Военные суда Антанты, говорилось в ноте, будут изменять курс судов, направляющихся в советские порты².

В октябре 1919 г. Вильсон дал указание направить муку голодающему населению Петрограда только в том случае, если город будет захвачен белогвардейцами³.

Военные поставки белогвардейцам и голодная петля для населения Советского государства — такова была подлинная сущность американской «продовольственной помощи России».

«...англичане и американцы, — писал Ленин ещё в 1918 г., — выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы, как эта роль выполнялась при российском палаче Николае I, не хуже королей, которые исполняли роль палачей, когда они душили венгерскую революцию. Теперь эту роль взяли агенты Вильсона. Они душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум Швейцарии: не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством. Они за-

¹ FR. The Paris Peace Conference, 1919, vol. VII, p. 644—645.

² FR. 1919, Russia, p. 155—157.

³ FR. 1919, Russia, p. 726—727.

Фрунзе, Ворошилов, Будённый на Южном фронте.

являют Голландии: не смейте допускать к себе советских послов, иначе — блокада. У них орудие простое — веревка голода. Вот чем они душат народы»¹.

Дьявольский план удушения и военного разгрома Советской России окончился полным провалом. Полчища Деникина и Юденича были разгромлены так же, как и банды Колчака.

15 октября 1919 г. И. В. Сталин в письме В. И. Ленину изложил выработанный им стратегический план наступления на Деникина из района Воронежа, через Харьков — Донбасс на Ростов. Этот план обеспечивал быстрое продвижение Красной Армии, ввиду явного сочувствия населения на пути продвижения наших войск через рабочие и крестьянские районы. Кроме того, наличие густой сети железных дорог давало возможность обеспечить регулярное снабжение частей Красной Армии, а освобождение Донбасса — обеспечить нашу страну топливом. Центральный комитет партии принял план товарища Сталина. Предатель Троцкий был отстранён от операций Красной Армии на юге.

Для осуществления сталинского плана разгрома Деникина командование фронтом сосредоточило крупные ударные силы на Орловском и Воронежском направлениях. 17 октября И. В. Сталин подписал директиву Реввоенсовета Южного фронта командованию XIV армии о взятии Орла. В результате действий ударной группы войск отборные части белогвардейской «добровольческой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 188.

армии» были разгромлены. 20 октября части Красной Армии освободили Орёл. В тот же день, 20 октября, И. В. Сталин подписал директиву Реввоенсовета Южного фронта о преследовании отступающей деникинской армии в направлении на Курск.

Одновременно с началом наступления под Орлом на Воронежском направлении происходило сосредоточение конного корпуса Будённого. Ещё 7 октября Реввоенсовет Южного фронта отдал приказ разбить конные соединения белогвардейских генералов Мамонтова и Шкуро. В тот день, когда полки ударной группы подошли к Орлу, конный корпус Будённого разгромил противника и, отбросив его за Дон, 24 октября освободил Воронеж. 25 октября И. В. Сталин сообщал В. И. Ленину о разгроме под Воронежом конных корпусов Мамонтова и Шкуро и освобождении города Красной Армией.

«Во второй половине октября 1919 года,— говорится в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— после ожесточённого сопротивления, Деникин был разбит Красной армией в решающих боях под Орлом и у Воронежа. Деникин начал быстро отступать, а затем покатился к югу, преследуемый нашими войсками. В начале 1920 года вся Украина и Северный Кавказ были освобождены от белых.

Во время решающих боёв на Южном фронте империалисты вновь бросили корпус Юденича на Петроград, чтобы отвлечь наши силы с юга и облегчить положение войск Деникина. Белые подошли к самому городу,— к Петрограду. Героический пролетариат Петрограда грудью встал на защиту первого города революции. Коммунисты, как всегда, были в первых рядах. В результате ожесточённых боёв белые были разбиты и выброшены вновь за пределы нашей страны — в Эстонию.

Таким образом, с Деникиным было также покончено»¹.

3. Участие США в третьем походе Антанты

После разгрома в 1919 г. ставленников Антанты и США — Колчака, Деникина и других белогвардейских генералов — Советская республика получила в начале 1920 г. кратковременную передышку.

Победы Красной Армии вынудили империалистов Антанты пересмотреть свою политику в отношении Советской республики. 16 января 1920 г. Верховный совет союзников на конференции в Париже принял решение прекратить блокаду Советской России, официально объявленную в октябре 1919 г., и начать переговоры о возобновлении торговых отношений с Советской Россией. «Это была,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— серьёзная брешь, пробитая в стене интервенции»².

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 228.

² Там же.

Указанный шаг Верховного совета союзников следует рассматривать, как прямое следствие побед Красной Армии, огромного тяготения народов стран Антанты к миру и всё усиливающегося движения против интервенции, а также острой нужды в русском сырье и рынках сбыта.

В. И. Ленин следующим образом оценивал снятие блокады: «Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали»¹.

Снятие блокады отнюдь не означало коренного изменения позиций империалистических государств и отказа их от активной антисоветской политики. После разгрома Деникина Советское государство получило лишь временную непродолжительную передышку.

Готовясь к новому выступлению против Советской России, Антанта и США намеревались использовать для своих целей панскую Польшу и барона Врангеля, закрепившегося в Крыму, куда он перебрался с остатками деникинских войск в начале 1920 г. с Северного Кавказа, спасаясь от наступающей Красной Армии. Американский флот оказал всемерное содействие в переброске белогвардейцев в Крым.

Советское правительство принимало все меры, чтобы избавить страну от новой войны и в течение января — марта 1920 г. три раза обращалось к Польше с предложением об установлении мирных отношений. В это же время Советская Россия вновь ставила вопрос о восстановлении дипломатических и торговых отношений между РСФСР и США. Однако на предложения о мире США и их ставленники — панская Польша и Врангель — ответили новой подготовкой войны против Советской России.

«Несмотря на разгром Колчака и Деникина, несмотря на то, что Советская страна всё больше расширяла свою территорию, освобождая от белых и интервентов Северный край, Туркестан, Сибирь, Дон, Украину и т. д., несмотря на то, что Антанта была вынуждена отменить блокаду России, государства Антанты всё же не хотели помириться с мыслью о том, что Советская власть оказалась несокрушимой, что она оказалась победительницей. Поэтому они решили предпринять ещё одну попытку интервенции против Советской страны. На этот раз интервенты решили использовать, с одной стороны, Пилсудского, буржуазного контрреволюционного националиста, фактического главу польского государства, и, с другой стороны, генерала Врангеля, собравшего в Крыму остатки деникинской армии и угрожавшего оттуда Донбассу, Украине.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 278.

Окно Роста. Плакат В. Маяковского.

По выражению Ленина, панская Польша и Врангель — это были две руки международного империализма, пытавшегося задушить Советскую страну.

У поляков был план: захватить правобережную часть Советской Украины, захватить Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, и за помощь, оказываемую им Врангелем, — помочь Врангелю разбить Красную армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов.

Этот план был одобрен государствами Антанты»¹.

25 апреля 1920 г. польская армия под командованием Пилсудского вторглась без объявления войны на территорию Советской

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230.

Украины. Белополякам удалось вначале потеснить наши войска и захватить 6 мая Киев.

Товарищ Сталин указывал, что «...поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты... Дело, прежде всего, в том, что без поддержки Антанты Польша не могла бы организовать своего нападения на Россию, что Франция, прежде всего, а потом и Англия с Америкой всячески поддерживают наступление Польши оружием, обмундированием, деньгами, инструкторами»¹.

Ещё до начала советско-польской войны США на протяжении всего 1919 г. приняли самое активное участие, наряду с Францией и Англией, в оказании всяческой помощи белополякам, посылая в Польшу продовольствие, военное снаряжение, предоставляя кредиты, а также участвуя в организации польской армии. В телеграмме Лансинга польскому президенту Падеревскому от 29 января 1919 г. говорилось об официальном признании США Польши и желании «войти в официальные отношения возможно скорее, с тем чтобы оказать такую помощь, какая окажется возможной в настоящее время»².

Но ещё до признания Польши туда был направлен Вернон Келлог в качестве главы продовольственной миссии США в Польше. Гувер писал Келлогу, что в интересах США укрепить положение польского правительства посредством оказания ему продовольственной помощи. Начиная с февраля 1919 г., в течение 7 месяцев из США было отправлено в Польшу продовольствия на сумму свыше 50 млн. долларов.

На Парижской мирной конференции США оказали всяческое содействие Польше при разрешении вопроса о Восточной Галиции, населённой украинцами. США сделали всё со своей стороны для того, чтобы дать возможность панской Польше захватить и превратить в свою колонию Западную Украину.

В течение 1919 г. в Польшу прибыли многочисленные американские представители и советники, которые вмешивались в польские дела и контролировали как политическую, так и экономическую жизнь Польши.

«Возьмем хотя бы Польшу,— говорил Ленин.— Вы видите, что туда американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев»³.

Полновластно распоряжаясь всей хозяйственной жизнью страны, американское правительство грубо пресекало всякие попытки сопротивления со стороны поляков.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 319.

² Russian-American relations, p. 306.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 135.

В ноте 24 марта 1920 г. правительство США беззастенчиво требовало полного подчинения ему Польши. Соединённые Штаты деятельно готовили Польшу к войне с Советской Россией.

Энергичную работу развернула гуверовская комиссия, вся деятельность которой была рассчитана на удушение революционного движения в послевоенной Европе и на поддержку всех антисоветских элементов. Американское правительство финансировало белополяков, а Гувер подкармливал их — в его распоряжении были неограниченные продовольственные ресурсы.

Позднее, в январе 1921 г., сенатор Джеймс Рид заявил в американском сенате, что во время вторжения белополяков в Советскую Украину 40 млн. долларов из американского продовольственного фонда было истрчено для того, чтобы удержать Польшу в войне с Советской Россией. Кроме того, 23 млн. долларов, собранных по подписке для голодающих детей Центральной Европы, были большей частью использованы Гувером для оказания военной помощи Польше.

Активное участие проявляли США в деле создания и укрепления польской армии, которую предполагалось использовать против Советской России. Представители США оказывали содействие переброске в Польшу польской армии Галлера, сформированной во Франции. В 1920 г. Польша получила от США самолётов, танков, пушек, пулемётов, грузовиков и другого снаряжения более чем на 100 млн. долларов, причём все эти материалы были переданы белополякам по весьма пониженным ценам¹.

Большое число американских военных находилось в качестве советников при польском правительстве. В 1919 г. во Франции была сформирована эскадрилья из американских лётчиков. Из Франции она была услужливо перебросена в Польшу поездом американского Красного креста и активно участвовала в боевых действиях до самого окончания советско-польской войны.

Один из лётчиков этой эскадрильи Мэррей в своей книге с явным удовольствием вспоминает о разбойничьих налётах на мирные украинские города. Вот рассказ о нападении на городок Чуднов: «Налёт был ужасающим. Пять вертящихся в воздухе, пикирующих и взмывающих вверх самолётов, вооружённых пулемётами и бомбами, смели с лица земли вокзал. Один за другим самолёты, рыча, бросались вниз, сея вокруг смерть и разрушение...»² Чуднов подвергался неоднократным бомбёжкам американских стервятников, как и другие населённые пункты Украины.

Одновременно с той помощью, которую США оказывали вместе с Англией и Францией белополякам, они оказывали поддержку различным белогвардейским и петлюровским бандам на Украине. Большая помощь была оказана американскими империалистами барону Врангелю.

¹ W. Liggett, *The rise of Herbert Hoover*, N. Y. 1932, p. 262, 267.

² К. М. Муггау, *Wings over Poland*, N. Y. 1932, p. 95.

В записке в Политбюро ЦК РКП(б) в августе 1920 г. И. В. Сталин указал: «Поведение Франции и Америки, открыто поддерживающих поляков и Врангеля, равно как и поведение Англии, молчаливо санкционирующей эту поддержку, с одной стороны; успехи поляков, ожидающееся усиление Врангеля новыми силами, сосредоточение в районе Дорохой восточной румынской армии, с другой стороны, — создают для Республики серьёзное международное и военное положение»¹.

В. И. Ленин подчёркивал, что Англия и Америка, так же как и Франция, дают средства Врангелю, что ему помогают английский и американский военные флоты². Американские корабли не только помогли перевезти остатки деникинской армии с Кавказа в Крым в начале 1920 г., но доставляли через Константинополь в крымские порты вооружение и боеприпасы.

Большую партию американских боеприпасов доставил Врангелю в апреле 1920 г. пароход «Честер Вальси». На пароходе «Сангомон» из Америки в Феодосию было отправлено 41 тыс. ящиков шрапнелей, 6 тыс. ящиков взрывчатых веществ, 67 ящиков винтовок, 400 ящиков запасных частей к винтовкам³. В больших количествах поступало из США обмундирование и продовольствие. К сожалению, мы располагаем лишь отрывочными сведениями об американских поставках врангелевцам, однако характерно, что впоследствии Врангель выразил благодарность правительству США и отметил, что Америка оказала ему в этом отношении более действенную помощь, чем какая бы то ни была другая страна⁴.

Для характеристики антисоветской политики США в этот период чрезвычайно показательна нота государственного секретаря Колби, сменившего в феврале 1920 г. на этом посту Лансинга. В этой ноте, официально адресованной 10 августа 1920 г. итальянскому послу в Вашингтоне, излагалась позиция правительства США в отношении Советской республики. Наряду с обычными приторно-слащавыми заявлениями о чувстве дружбы к русскому народу, нота пестрит клеветническими злобными измышлениями о Советской России. «Правительство США категорически отказывается от признания большевистского режима», — заявил Колби, тут же приветствуя «единую, свободную и автономную Польшу»⁵. Польское правительство немедленно же выразило правительству США свою благодарность за «неоценимую моральную поддержку».

После получения указанной ноты НКВД разослал циркулярную депешу от 10 сентября 1920 г. советским представителям за границей. В этой депеше полностью разоблачалось клеветниче-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 346.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 296, 305.

³ «К десятилетию интервенции», стр. 158.

⁴ FR. 1920, vol. III, p. 639.

⁵ Ibid., p. 463—468.

Окно Роста. Плакат В. Маяковского.

ское выступление секретаря США, предшественника нынешних Ачесонов.

В депеше говорилось, что «...американское правительство обуславливает своё дружественное отношение к России тем требованием, чтобы её правительство не было советским... своё дружественное отношение к России господин Колби обуславливает поэтому существованием в ней такого строя, который обеспечивал бы господство в ней интересов североамериканских финансовых групп...»

Разоблачая далее клеветнические измышления Колби, НКВД указывал, что Российское Советское правительство считает, в противоположность позиции, занятой правительством США, необходимым «в интересах как России, так и Северной Америки установление между ними уже теперь, несмотря на противоположность их социального и политического строя, вполне корректных и лояльных мирных дружественных отношений, необходимых для развития между ними товарооборота и для удовлетворения экономических потребностей той и другой стороны...»¹.

Первые успехи белополяков на юго-западном фронте в апреле 1920 г. были ликвидированы вскоре контрнаступлением Красной Армии. Был освобождён Киев и другие города, польские паны были изгнаны из Украины и Белоруссии. Дело шло к полному поражению белополяков. И только «...подозрительные действия Троц-

¹ «Известия», 8 и 12 сентября 1920 г.

кого и его сторонников в главном штабе Красной армии сорвали успехи Красной армии»¹.

Не имея, однако, сил продолжать войну и боясь контрудара Красной Армии, Польша предпочла, несмотря на помощь США, Англии и Франции, отказаться от своих территориальных претензий на Правобережной Украине и в Белоруссии, согласившись заключить мир с Советской Россией. 20 октября 1920 г. в Риге был заключён мирный договор между Польшей и Советской Россией.

Красной Армии оставалось теперь покончить на юге с Врангелем.

Ещё в августе 1920 г. решением Политбюро ЦК партии врангелевский фронт был выделен в самостоятельный фронт. И. В. Сталину было поручено сформировать Реввоенсовет и сосредоточить всё внимание на этом фронте. Товарищ Сталин разработал план борьбы с Врангелем, осуществление которого привело к полному разгрому белогвардейцев.

16 ноября было завершено освобождение Крыма от ставленника Антанты и США барона Врангеля. Третий поход Антанты был ликвидирован.

«Провалом польских великодержавных планов и разгромом Врангеля заканчивается период интервенции.

В конце 1920 года началось освобождение Закавказья от ига буржуазных националистов-мусаватистов в Азербайджане, национал-меньшевиков в Грузии, дашнаков в Армении. Советская власть победила в Азербайджане, Армении и Грузии.

Это ещё не означало совершенного прекращения интервенции. Японская интервенция на Дальнем Востоке продолжалась вплоть до 1922 года. Кроме того, имели место новые попытки организовать интервенцию (атаман Семёнов и барон Унгерн на востоке, белофинская интервенция в Карелии в 1921 году). Но главные враги Советской страны, основные силы интервенции к концу 1920 года были разгромлены.

Война иностранных интервентов и российских белогвардейцев против Советов окончилась победой Советов.

Советская республика отстояла свою государственную независимость, своё свободное существование.

Это был конец иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Это была историческая победа Советской власти»².

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230—231.

² Там же, стр. 232.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОРЬБА В США ВОКРУГ АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. «Великий красный страх» американских империалистов

Начиная антисоветскую интервенцию, правящие круги США надеялись на быстрый и лёгкий успех планов удушения молодого Советского государства. В своей тупой классовой ограниченности они не хотели принимать в расчёт ни подлинной силы сопротивления раскрепощённого народа, ни колоссального влияния Октябрьской революции на трудящихся всего мира, в частности, на рабочий класс и фермерство Соединённых Штатов Америки. Но очень скоро заокеанским империалистам пришлось столкнуться с обоими этими факторами, в своей совокупности и определившими провал интервенции.

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела величайшее революционизирующее влияние на широкие массы трудящихся США. Под прямым воздействием Октября произошла кристаллизация подлинно революционных элементов в рабочих организациях и возникло коммунистическое движение в США. «Коммунистическая партия родилась на гребне энтузиазма, вызванного русской революцией»¹, указывал позднее один из основателей партии Чарльз Рутенберг. Для дальнейших судеб американского рабочего движения создание компартии было событием большого значения. «Если бы русская революция не дала американскому пролетариату ничего другого, кроме зачатков коммунистической партии,— подчёркивал Фостер — один из старейших деятелей рабочего движения США, ныне председатель американской компартии,— то и тогда её влияние было бы неопределимым. Но русская революция дала, конечно, гораздо больше: она выдвинула величайший идеал, который со всё большей и большей силой вдохновляет на борьбу отсталые американские массы»².

¹ Ch. Ruthenberg, *Speeches and writings*, N. Y. 1928, p. 50.

² «Красный интернационал профсоюзов», 1927, № 10, стр. 361.

В первые годы после Октябрьской революции в США прокатилась колоссальная волна забастовочного движения. Особого размаха она достигла в 1919 г. Непосредственным поводом для забастовок служило резкое ухудшение материального положения американских пролетариев, ибо после войны цены на предметы потребления неимоверно возросли, а зарплата оставалась на прежнем уровне. Однако забастовки 1919—1920 гг. необходимо рассматривать не только как проявление борьбы за экономические права. Они являлись в то же время одной из форм политической борьбы рабочего класса США, борьбы против капиталистического строя, борьбы против интервенции в Советской России.

В общей сложности стачечная борьба охватила в 1919 г. 4154 тыс. американских рабочих; в течение года произошло свыше трёх с половиной тысяч стачек в разнообразных отраслях промышленности. «Американская промышленность находится в состоянии войны,— признавала с горечью буржуазная печать.— Бросьте взгляд на страну, что вы увидите? Забастовки, забастовки и ничего другого, кроме забастовок»¹. В течение трёх месяцев длилась стачка 60 тыс. швейников в Нью-Йорке, закончившаяся в январе 1919 г. победой забастовщиков. В январе забастовали нью-йоркские портовые рабочие, потерпевшие поражение только вследствие предательства тред-юнионистских лидеров. В феврале 1919 г. одновременно начались четыре крупных стачки. Покинули работу тысячи текстильщиков в Паттерсоне и Лауренсе; все текстильные фабрики в этих городах остановились. Забастовка в Лауренсе отличалась особым упорством. Она продолжалась до 20 мая и принесла рабочим победу — повышение заработной платы и сокращение рабочей недели до 48 час. В г. Бютте, на западе страны, состоялась стачка рудокопов, в ходе которой была организована «красная гвардия» для борьбы с террором полиции и предпринимателей.

Значительным событием явилась всеобщая стачка в Сиэттле — крупном порту на западном побережье США. Здесь покинули работу 32 тыс. докеров, добивавшихся повышения тарифных расценок. В знак солидарности с портовыми рабочими забастовали и остальные пролетарии Сиэттля. Закрылись не только все заводы, но прекратили работу и городские учреждения. В течение нескольких дней фактическим хозяином города являлся стачечный комитет, лишь с разрешения которого могли производиться некоторые неотложные работы по обеспечению питания трудящихся и т. п. Рабочие воочию увидели, каким могучим оружием борьбы с предпринимателями и правительством является всеобщая забастовка. Вот почему с таким неистовством нападали на сиэттльских стачечников вся буржуазная пресса, кричавшая, что забастовка — «начало революции в Америке», что её вдохновителями являются русские большевики, и т. п. Испугались размаха движения и

¹ Outlook, 1919. Oct. 29.

реформистские лидеры профсоюзов, руководившие забастовкой; они постарались расколоть ряды стачечников, после чего движение быстро пошло на убыль. Из других забастовок этого же периода необходимо отметить длительную (в течение нескольких месяцев) стачку 80 тыс. портных Новой Англии, а также серьёзные забастовки железнодорожников в Чикаго, Филадельфии, Бостоне и других городах. К началу августа в Чикаго бастовало 250 тыс. рабочих¹.

Однако важнейшее событие периода «великого красного страха», как назвала американская буржуазия своё состояние в то время, было ещё впереди. Этим событием явилась стачка рабочих сталелитейной промышленности, начавшаяся в сентябре 1919 г. и охватившая множество предприятий в 10 штатах и 365 тыс. участников. Сталелитейщики требовали 8-часовой рабочей день, повышение зарплаты, признание предпринимателями права на коллективные договоры, восстановление на работе всех уволенных за защиту интересов рабочих и т. д. Они выказали большую волю к борьбе.

Буржуазия встретила забастовку в сталелитейной промышленности, являвшейся одной из наиболее важных отраслей, невиданным взрывом ярости и страха. Вся буржуазная пресса неистовствовала, призывая к беспощадному подавлению стачки. В результате того, что профбюрократы в течение весьма долгого времени оттягивали начало забастовки, предприниматели сумели хорошо подготовиться к ней. Во всей истории рабочего движения США не было такой интенсивной мобилизации штрейкбрехеров; стальные компании завезли в районы забастовки не менее 40 тыс. наёмных и предателей. Во всех крупных сталелитейных центрах было объявлено военное положение; агенты Стального треста зверски расправлялись с рабочими, многие из которых заплатили жизнью за своё участие в забастовке. Ярость и страх предпринимателей и правительства были намного усилены тем, что стачка сталелитейных рабочих совпала по времени с созданием коммунистической партии США, заявившей о том, что она следует по пути пролетарской революции — пути, на котором добился победы русский пролетариат. Забастовка в сталелитейной промышленности была приведена к поражению совместными усилиями предпринимателей, правительства и реакционных лидеров АФТ, в частности, Гомперса. Вследствие подлого предательства профбюрократов потерпела неудачу и стачка 500 тыс. углекопов, которая была подавлена уже через 10 дней после её начала.

Несмотря на поражение ряда забастовок в 1919 г. и спад стачечной волны в дальнейшем, это движение сыграло свою важную роль. Оно было серьёзным уроком для американского рабочего движения, звавшим его к разрыву с предательской профбюрократией из Американской федерации труда, к лучшей орга-

¹ Chicago Tribune, 1919, Aug. 4.

низации боёв против непримиримого и применяющего все средства борьбы классового врага. В то же время стачки 1919 и 1920 гг. объективно были направлены против интервенционистской политики американского империализма, затрудняли продолжение интервенции в России, создавая значительные дополнительные трудности для правящих кругов. Забастовочное движение привлекало внимание правителей США к внутренним делам, которые грозили, по их мнению, вылиться в повторение ненавидимой ими более всего на свете большевистской революции. Одну из главных своих задач в этот период американская буржуазия видела поэтому в нейтрализации растущего влияния Октябрьской революции на рабочий класс и фермерство США, в возведении вокруг Советской республики непроницаемой завесы лжи и клеветы с целью опорочить большевизм в глазах американских трудящихся. Разнузданная антисоветская травля сочеталась с не менее бешеным антикоммунистическим походом; преследованиям подвергались не только коммунисты, но все, высказывавшие объективную точку зрения о Советской России или о бедственном положении американских трудящихся.

Мутный поток антисоветской лжи и клеветы изливался со страниц сотен буржуазных газет, исходил из многочисленных речей и высказываний сенаторов, конгрессменов, членов правительства во главе с Вильсоном и множества других реакционных деятелей более мелкого пошиба. Измышления, к которым прибегала американская буржуазия в своей борьбе против Советской России, поистине чудовищны. По своему характеру они подстасть лишь геббельсовской лжи. В 1917—1918 гг. американская антисоветская пропаганда усиленно распространяла гнусные слухи о «связях» большевиков с немцами, которые-де и являются инициаторами революции в России. Эта несусветная ложь, которая должна была оттолкнуть американский народ от Советской России, была пущена в обиход правительством США. В сентябре 1918 г. комитет общественной информации опубликовал так называемые «документы Сиссона» — грубую фальшивку, сфабрикованную белогвардейцами и с превеликою радостью подхваченную американским разведчиком Сиссоном, побывавшим короткое время в Советской России. Опубликованные с личной санкции Вильсона «документы» эти с самого начала были встречены скептически целым рядом видных общественных деятелей и даже частью буржуазных газет, — последние отмечали, что версия о связях Советского правительства с немецким генштабом полностью дискредитирована именно неуклюжими «разоблачениями» Сиссона¹. Однако эта фальшивка ещё долгое время использовалась в качестве одного из средств одурачивания американских масс.

Антисоветские измышления получили особенно широкое распространение в связи с созданием в начале 1919 г. при юридиче-

¹ New York Evening Post, 1918, Sept. 16.

ской комиссии американского сената специальной подкомиссии во главе с ярким реакционером сенатором Овермэном для изучения большевизма. Задачей подкомиссии — этого прообраза печально известной «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» — была дискредитация большевизма и Советов в глазах американского народа. С этой целью в течение месяца собирались «свидетельские показания» различных тёмных личностей, в то или иное время побывавших в России, — показания, поражающие своей нелепостью и беззастенчивой ложью. Эти «свидетельства» были изданы затем в виде протоколов комиссии — объёмистого тома, насчитывающего свыше 1 200 страниц¹. В течение всего времени деятельности комиссии бредовые измышления, преподносившиеся на её заседаниях белоземлягами (типа выжившей из ума старухи Брешковской) и обанкротившимися диверсантами в дипломатическом обличье (среди них находился и посол США в России Фрэнсис), под сенсационными заголовками печатались во всей реакционной прессе. Эти «материалы» и позднее представляли собой источник, из которого клеветники черпали самые дикие вымыслы о Советской России, надеясь ввести в заблуждение американский народ.

Перед комиссией Овермэна пришлось предстать людям, обвинённым в распространении «большевицкой пропаганды» в США, в том числе коммунисту Джону Риду и прогрессивному журналисту Альберту Райсу Вильямсу. Последних допрашивали с пристрастием, по всем правилам сыского искусства. Невежественные сенаторы — душители всякой свободной мысли — всячески затрудняли дачу объективных показаний о Советской России, стремясь лишь выведать сведения о так называемой «пропаганде», под которой понималось изъявление симпатий к Советской России или призыв к улучшению положения американских трудящихся. Овермэн и его коллеги из кожи лезли, чтобы получить со слов Рида или Вильямса подтверждение своей клеветы о «руке Москвы»; однако это им не удалось: в показаниях Рида и Вильямса, хотя и скомканных по вине реакционных сенаторов, прозвучало слово правды о молодой Советской стране и восхищения ею. Естественно, что вся пресса, за исключением левосоциалистических газет и некоторых либеральных органов, упорно замалчивала эти показания.

«Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти, — говорил Ленин об империалистах США, Англии и Франции. — Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов, — а она ворожит миллиардами, — что она действует вся, как один синдикат, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас»². Вот некоторые данные, показы-

¹ Hearings before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary, W. 1919.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 142.

вающие всю лживость реакционной американской прессы: в течение 1917—1920 гг. «Нью-Йорк Таймс», одна из «солиднейших» газет США, 91 раз сообщала о крахе советской власти в России. Та же газета 6 раз писала о сдаче Петрограда белым генералам и столько же — об антисоветском восстании в Петрограде. Москва, по сообщению «Нью-Йорк Таймс», трижды была за это время на грани захвата белогвардейцами, дважды сгорала и дважды была охвачена паникой. Все эти сообщения печатались, естественно, не только в «Нью-Йорк Таймс», а распространялись агентством «Ассошиэйтед Пресс» по всей стране.

В своей борьбе против Страны Советов и её влияния на трудящихся США американские империалисты пользовались неограниченной поддержкой реакционного руководства американской федерации труда и правых социалистов. Лидеры АФТ — Гомперс, Грин, Дункан и другие, знавшие, что победа коммунистических идей неизбежно приведёт к краху американского империализма и их собственной гибели, главную свою задачу видели в распространении клеветы о Советской России, стремясь дискредитировать большевизм, с огромной силой привлекавший к себе умы американских трудящихся. На страницах реформистской и правосоциалистической печати можно было найти все обычные антисоветские измышления, освящённые авторитетом «рабочих лидеров», которыми в глазах немало ещё количества американских трудящихся слыли Гомперс и его подручные. Естественно, что подобного рода писания представляли особую ценность для буржуазии, которая весьма охотно ссылалась на свидетельства своих псевдосоциалистических лакеев, стремясь развенчать всемирно-историческое значение Октябрьской революции.

Картина неистовой антисоветской травли, развёрнутой американской буржуазией в первые годы существования Советского государства, была бы далеко не полной без выяснения активной роли в ней президента США Вильсона. «Идол мещан и пацифистов», — по выражению Ленина, умевший особенно изощрённо и иезуитски маскировать империалистические устремления США лживыми фразами о «равноправии» и «бескорыстии», Вильсон был закоренелым и ярким врагом молодого государства рабочих и крестьян; он не гнушался никакой клеветой в попытках очернить Страну Советов, уничтожить тот ореол, которым она была окружена в глазах миллионов простых американских тружеников. Совершая осенью 1919 г. большую агитационную поездку по стране, Вильсон в десятках речей повторял свои злобные, клеветнические нападки на советскую систему.

«О, лицемеры! О, негодяи, которые клеветают на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран!»¹, — в этих словах Ленина раскрыт весь смысл кампании лжи о Советской России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 48.

В борьбе против большевизма в преобладающем большинстве случаев стирались все грани между теми или иными партиями буржуазии, между отдельными её фракциями, которые в ряде других вопросов выступали в качестве «непримиримых» противников. Будущий преемник Вильсона на посту президента — сенатор Гардинг — в разгар борьбы между демократами и республиканцами, стремившимися заполучить власть в свои руки, полностью солидаризировался с Вильсоном по вопросу о «большевистской опасности»¹. Республиканцы и демократы с одинаковым рвением сотрудничали в «Американском обществе обороны», ставившем себе целью мобилизовать все средства для борьбы против большевизма. В воззвании, выпущенном этой черносотенной организацией, выдвигались такие требования, как изгнание из США всех большевиков и социалистов, запрещение всех выступлений социалистов, запрещение им пользоваться почтой, запрещение вывешивать красные флаги на собраниях и т. п.².

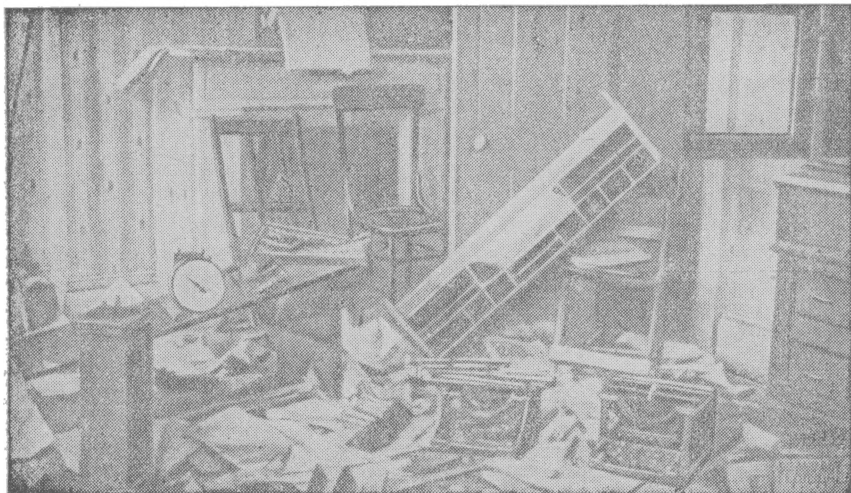
Борясь против распространения большевистских идей, правительство США предприняло в эти годы подлинный поход против революционно настроенных рабочих; организаторы этого похода не пренебрегали никакими средствами для достижения своих грязных целей. В начале июня 1919 г. юридический комитет внёс в сенат подготовленный на основании отчёта подкомиссии Овермэна проект декрета «против большевиков». Министр юстиции Пальмер в свою очередь передал на рассмотрение конгресса ряд законопроектов об организации полицейских резервов. Именно в это время был организован Американский легион — этот первенец фашизма в США — поставивший себе целью «истребление радикализма и большевизма самыми крайними мерами»³. Одновременно в Нью-Йорке развернулась «деятельность» комиссии Лоска, о которой нам уже пришлось говорить. Действуя совместно с тайной полицией, комиссия разгромила все рабочие клубы в Нью-Йорке, произвела множество облав и арестов.

«Обыски, аресты, набеги на помещения рабочих организаций, приостановка социалистических газет и погромы стали в Соединённых Штатах обычным явлением. Неприкосновенность личности, свобода слова и убеждений исчезли,— говорилось в одном письме из США, опубликованном в советской прессе.— Гражданин «великой» заокеанской республики сведён на положение бесправного подданного печальной памяти самодержавной России. Всего более, конечно, страдает от этого американский рабочий. На всякую забастовку в Соединённых Штатах смотрят в настоящее время, как на политическое преступление, и со стачечниками расправляются, как с преступниками. Их выселяют из насижен-

¹ New York Herald, 1919, May 19.

² New York Times, 1919, June 9.

³ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 755.

Помещение союза русских рабочих, разгромленное американской полицией.
Нью-Йорк, 1919 г.

ных мест, арестовывают и бросают в тюрьмы...»¹ Используя Ку-Клукс-Клан, Американский легион и другие аналогичные организации, раздувая антибольшевистскую истерию путём всякого рода провокаций, американское правительство стремилось подавить в зародыше грозившую подняться высоко волну массового движения.

О масштабах репрессий во время «великого красного страха» свидетельствуют и официально опубликованные цифры. Так, лишь за период с июля 1919 г. до января 1920 г. было издано свыше 6 300 приказов об аресте «иностранных анархистов»; под данную категорию могло быть подведено любое лицо, которое было не угодно правящим кругам США. Более 1 100 чел. из этого количества было присуждено к высылке из страны. Особенно злобно расправлялось правительство со всеми «виновными» в активной защите Советской России. Так, зверская расправа была учинена над четырьмя юношами и девушками, издавшими листовку, в которой правительство США обвинялось в двуличной политике по отношению к Советской России. Один из арестованных юношей был избит до смерти в полицейском участке, остальные приговорены к 25-летнему тюремному заключению лишь за то, что они пытались сказать трудящимся правду о Советской республике.

¹ «Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», 21 ноября 1917 г.

2. Выступления трудящихся США против антисоветской интервенции

Никакими репрессиями невозможно было, однако, сломить симпатии американских трудящихся к Советской России. «Несмотря на ложь буржуазной прессы,— писал Ленин,— несмотря на бешеное сопротивление, которое оказала вся буржуазия, несмотря на это, симпатии рабочих масс оказались на стороне Советов, Советской власти и большевизма»¹.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции вызвала в народных массах США взрыв энтузиазма. На многочисленных митингах трудящихся принимались резолюции, приветствовавшие создание первого в мире социалистического государства. Вот одна из таких резолюций, доставленная в Советскую Россию американскими моряками и опубликованная в советской печати: «Приветствуем восторженно славный русский пролетариат, который первым одержал победу над капиталом, первым осуществил диктатуру пролетариата, первым ввёл и осуществил контроль пролетариата в промышленности; надеемся твёрдо, что русский пролетариат осуществит социализацию всего производства, что он закрепит и расширит свои победы над капиталом; уверяем русских борцов за свободу, что мы им горячо сочувствуем, готовы им помочь и просим верить нам, что время недалеко, когда мы сумеем на деле доказать нашу пролетарскую солидарность»².

Решение другого массового митинга, происходившего в Сиэттле приблизительно в то же время, протестовало против гонений американского правительства по отношению к русским пролетариям в США, солидаризирующимся с Советской Россией, выражало своё горячее сочувствие жертвам этих гонений и готовность оказать им защиту и поддержку.

Сочувствие американских тружеников их собратьям, борющимся против сил мирового империализма, проявилось в самых разнообразных формах. Все современники, даже реакционно настроенные, не могли не признать, что интерес к жизни и делам Советской страны был среди американских трудящихся колоссален. «Меня осыпают вопросами,— говорил один из выступавших в комиссии Овермэна,— прося рассказать, что мне известно о России, потому что народ жаждет узнать истину о ней»³. На заседании той же комиссии один из «экспертов-клеветников со скрежетом зубовым сообщал сенаторам, что на митинге в Чикаго, где он присутствовал, публика при упоминании имени Ленина аплодировала в течение 5 минут. Из статьи «Нью-Йорк Таймс», как обычно

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 392.

² «Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», 9 февраля 1918 г.

³ Hearings before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary. Bolshevik propaganda. United States Senat. 65 Congress. Washington, 1919, p. 466.

наполненной ядовитой злобой против большевизма, узнаём, что аудитория другого митинга жадно слушала оратора, говорившего о Советской России, и с жаром аплодировала ¹.

Несмотря на блокаду, из США в Советскую Россию поступали известия о том, что ежедневно во всех штатах США организуются собрания, собеседования, дискуссии, митинги, участники которых единодушно выступают за отзыв из России американских войск и за признание Советского правительства. На состоявшемся в декабре 1918 г. в Бостоне митинге была принята резолюция, требовавшая отмены цензуры на сообщения из России, предоставления русскому народу возможности самостоятельно определить своё политическое и национальное развитие, немедленного прекращения интервенции в Советской России и её дипломатического признания ².

Большой митинг под девизом «Справедливость к России» был организован 25 мая 1919 г. американским Народным советом в Мэдисон-Сквэр-гардене — наибольшем зале Нью-Йорка. Каждое упоминание о Стране Советов вызывало громовые овации 10 тыс. участников; митинг послал приветствие народам Советской России и выдвинул требование снятия блокады, эвакуации из России всех американских войск, отказа правительства США от помощи контрреволюционным правительствам и т. п. ³. Несколько позднее, в середине июня 1919 г., в том же зале состоялся другой митинг, посвящённый Советской России (о нём упоминалось выше в связи с бандитским налётом на советское представительство). Криками «позор!» собравшиеся выразили протест против поддержки союзниками Колчака. Резолюция митинга резко высказывалась против признания колчаковской клики и призывала к оказанию помощи рабочему классу России.

Симпатии Советской стране выражали представители всех трудящихся слоёв населения США.

В феврале 1919 г. трудящиеся города Гран Рапид обратились в конгресс США с требованием вывести американские войска из России. Подобное требование поступило также от штата Висконсин. Состоявшийся в мае 1919 г. конгресс американского союза молодёжи настоятельно требовал прекращения интервенции. Первый конгресс женщин-работниц, происходивший в Вашингтоне в ноябре 1919 г., выразил решительный протест против блокады Советской России ⁴. Фермерские организации Запада и Северо-Запада энергично протестовали против вооружённого вмешательства во внутренние дела русского народа ⁵. Эти организа-

¹ New York Times, 1919, June 15.

² «Правда», 12 февраля 1919 г.

³ Листовка «Justice to Russia», Peoples' council of America, N. Y. 1919, May 26.

⁴ Soviet Russia, 1919, № 26, p. 29.

⁵ «Правда», 1 марта 1919 г.

ции представляли собой весьма солидную силу, с которой вынуждено было считаться вашингтонское правительство.

Наиболее решительной силой в США в борьбе за защиту Советской республики явился, естественно, рабочий класс. Одна из революционных организаций американского пролетариата — «Индустриальные рабочие мира» — на очередном съезде летом 1919 г. выразила восхищение русской революцией и приняла программу действий в духе коммунизма. Съезд американской рабочей партии (ноябрь 1919 г.) горячо призывал рабочих всех стран присоединиться к протесту против интервенции и блокады Советской России и не ослаблять своих усилий до достижения успеха. В решении съезда подчёркивалось, что американские солдаты в России не только хотят вернуться домой, но и не желают поддерживать силы реакции, которые стремятся восстановить царский режим. Многочисленные левосоциалистические организации выразили свою твёрдую решимость бороться за немедленное прекращение интервенции. «Да здравствует Российская Федеративная Социалистическая Республика, надежда и идеал рабочих всего мира!» — таков был их лозунг¹.

Несмотря на злостные преследования реакционными лидерами Американской федерации труда всякого выражения сочувствия к Советской России, симпатии рабочих были настолько сильны, что они открыто прорывались наружу во множестве низовых организаций АФТ. Полное одобрение политике Советского правительства высказал съезд Федерации труда штата Миннесота. Конгресс объединённого профсоюза горняков, происходивший в сентябре 1919 г., требовал признания Советской России и отказа от какой-либо поддержки Колчака². С каждым днём росло количество коллективов различных предприятий, присоединившихся к «Обществу помощи Советской России».

Даже на самом съезде федерации в 1919 г. выявилась довольно сильная оппозиция руководству. Представитель Пенсильванской федерации труда предложил резолюцию, одобренную на съезде этой федерации, с требованием снятия блокады и посылки продовольствия в Советскую Россию. Делегат Портлендской организации требовал немедленного отозвания американских войск из России. Представитель Сиэттльской организации внёс резолюцию о проведении среди членов АФТ референдума «о признании Российской рабочей республики»³. Позднее, во время третьего похода Антанты, ряд местных федераций труда выступил с предложением объявить всеобщую забастовку протеста против помощи США белополякам. Такая резолюция была, в частности, принята одной из наиболее крупных организаций — Чикагской федерацией труда.

¹ New York Call, 1919, Dec. 12.

² The Nation, 1919, Sept. 6.

³ С. Ованесьян, Отношение Американской федерации труда к Советской России (1917—1921 гг.). «Учёные записки» Академии общественных наук, вып. II, М. 1948, стр. 265—266.

Дело не ограничилось протестами и резолюциями. В некоторых местах рабочие перешли к активным действиям с целью воспрепятствовать антисоветской интервенции. Моряки и докеры тихоокеанского побережья развернули движение против отправки в Россию военного снаряжения для белогвардейских армий и интервенционистских войск США в Сибири. Так, осенью 1919 г. была на три недели задержана отправка из Сиэттля транспорта «Далайт», на котором направлялись Колчаку 185 тыс. винтовок и 426 ящиков запасных частей к ним. Пароход был нагружен лишь с помощью фашистов-штрейкбрехеров из Американского легиона¹. В Балтиморе состоялась забастовка протеста против отправки военного снаряжения в Россию. Действия докеров были предметом обсуждения в американском конгрессе². Конгресс одобрил ассигнование 3 млн долларов на борьбу против «радикализма».

В 1918 г. и в первой половине 1919 г., т. е. до организации компартии, особенно активную деятельность в защиту Советской России развивала «Лига социалистической пропаганды», организованная левым крылом социалистической партии. На созывавшихся лигой собраниях с огромным энтузиазмом проходила запись добровольцев, желавших отправиться в РСФСР для вступления в Красную Армию; за короткий срок сотни желающих внесли свои имена в соответствующие списки. Необходимо сопоставить с этим тот факт, что кампания американского правительства за набор 8 тыс. чел. для службы в американских войсках в Сибири закончилась плачевным провалом: лишь 14 (!) человек изъявили желание принять участие в антисоветской аванюре правящих кругов США³. Естественно, что американское правительство строжайше запретило выезд в Россию людям, стремившимся вступить в ряды Красной Армии.

«Лига социалистической пропаганды», созданный при ней «Комитет большевистской информации» и организация «Руки прочь от Советской России» распространяли в значительных количествах листовки и брошюры, призывавшие к борьбе против интервенции, разъяснявшие политику Советского правительства и сообщавшие правду о Советской республике. Среди этих изданий были — перевод работы Ленина «Очередные задачи Советской власти», брошюры «Советская Конституция», «Прочь из России» и др. В последней разоблачались все лживые мотивировки, выдвигавшиеся американской буржуазией в качестве оправдания интервенции, и перечислялись подлинные причины вооружённого вмешательства американских империалистов во внутренние дела Советской России. «Мы обращаемся к вам, — говорилось в этой брошюре, предназначенной для рабочих, — чтобы привлечь вас к делу борьбы за прекращение союзной интервенции в России, и

¹ ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. 90, л. 159.

² Congressional record, vol. 58, pt. 7, p. 6563.

³ New York Call, 1919, May 19.

особенно участия в ней американцев»¹. Издания «Лиги социалистической пропаганды» имели большой успех среди американских трудящихся, ибо в них содержались правдивые сведения о русской революции, с таким трудом проникавшие через кордоны, расставленные реакционерами из Белого дома.

Изменения политики в отношении Советской России требовал также ряд лучших представителей американской интеллигенции. Вернувшись из поездки в Россию в начале 1919 г., журналист Линкольн Стеффенс заявил: «Я был в будущем, и оно существует»². Ряд общественных деятелей США организовал лигу «Правда о России», выступавшую против интервенции и за признание Советской России. Эти требования поддерживались многими органами печати. Характерно, что тираж таких газет и журналов лишь за 1918 г. удвоился. Прогрессивные органы печати помещали правдивую информацию о положении в Советской России, печатали свободные от предвзятых мнений рассказы американцев, вернувшихся оттуда.

«Трудно поверить,— писал тогда один американский журнал,— чтобы американский народ терпел политику правительства в отношении России, ссоединяющую грабёж и удушение голодом с жалостливыми словами. Этому должен быть положен конец».

Выступления прогрессивной прессы против интервенции являлись подспорьем для коммунистических и рабочих организаций, ведших принципиальную и неутомимую борьбу в защиту Советской республики.

Следует вкратце остановиться на разногласиях в самом правящем лагере по вопросу об интервенции; имея, естественно, лишь минимальное значение в цепи причин, определивших провал курса американских империалистов на вооружённую борьбу против Советской России, эти разногласия всё же сыграли кое-какую роль в вынужденном отказе правительства США от продолжения интервенции.

С конца 1918 г. в американском сенате шла ожесточённая межпартийная борьба между сторонниками политики Вильсона и её противниками. Последние выступали под флагом изоляционизма. Это, однако, ни в какой мере не свидетельствует, что они не являлись сторонниками широкой империалистической экспансии США и установления мирового господства американских монополистов. Наоборот: изоляционисты не удовлетворялись курсом Вильсона, рассчитанным на участие в Лиге наций, где неограниченное верховенство США в тех условиях не было обеспечено. Вопрос о Советской России занимал одно из центральных мест в этой борьбе двух фракций правящего лагеря. На примере антисоветской интервенции, крах которой становился с каждым днём

¹ Withdraw from Russia, National Executive Committee of the Socialist labor party, N. Y 1919, p. 1.

² L. Steffens, The Bullitt mission to Russia. In: Discovery of Europe. Boston 1947, p. 514.

всё более очевидным, изоляционисты могли особенно успешно доказывать провал внешнеполитического курса Вильсона и представляемой им демократической партии. Эти обвинения были, естественно, лишь ловкой демагогией, ибо на деле изоляционисты являлись не менее ожесточёнными врагами Советской России, чем стоявшая у власти клика Вильсона; «оппозиция» добивалась лишь некоторого изменения методов для достижения той же цели — удушения советской власти и ликвидации её влияния в американском народе.

По мере обострения конфликта между вильсонистами и изоляционистским лагерем в конгрессе всё учащались выступления против интервенции. Наряду с резко антисоветской речью сенатора Хичкока (вызвавшей, как указано выше, специальную ноту Советского правительства), в начале января 1919 г. в сенате выступил республиканец Джонсон, предложивший резолюцию о скорейшем выводе американских войск из России¹. Он был поддержан другим сенатором — Франсом. В конце января Джонсон высказался в ещё более резкой форме, осудив интервенционистскую политику США, которую он охарактеризовал как преступное вмешательство во внутренние дела России; он снова потребовал немедленной эвакуации оттуда американских войск...² Через короткий промежуток времени политика американского правительства подверглась резкой критике в выступлении Лэндона, требовавшего полного невмешательства в дела России. Уже эти первые выступления оппозиции вызвали определённую тревогу в правительственных кругах. Заместитель государственного секретаря Полк, сообщая Лансингу в Париже об усилении оппозиции «русской» политике правительства в конгрессе, писал: «Я в затруднении... Джонсон, требующий вывода войск из Архангельска, имеет сильную поддержку»³.

В начале мая 1919 г. Бора, высказываясь по поводу намерения военного министерства набрать добровольцев для службы в Сибири, заявил: «У нас нет дела в Сибири, мы не воюем с Россией. Послать туда наших людей, значит послать их на смерть»⁴. В том же месяце Джонсон внёс резолюцию с требованием к правительству сообщить причины посылки американских войск в Сибирь; 27 июня сенат одобрил эту резолюцию. Отвечая на запрос сената, Вильсон лживо утверждал, что цель пребывания американских войск в Сибири заключается в «помощи» населению путём охраны Транссибирской железной дороги. Советская печать, комментируя выступления Вильсона, отметила наглость президента США, ухитрившегося в своём заявлении ни одним словом не упомянуть о нарушении суверенитета России⁵.

¹ Congressional record, vol. 57, pt. 2, p. 1313.

² Там же, vol. 57, pt. 3, p. 2261—2270.

³ FR. 1919, Russia, p. 248—249, 324.

⁴ New York Times, 1919, May 8.

⁵ «Правда», 31 июля 1919 г.

Заключение

Вооружённая интервенция империалистов США, Англии, Франции, Японии; стремившихся ликвидировать советскую власть в России, поработить её народы, расчленить страну и отторгнуть ряд её областей, завершилась бесславным финалом. Захватчикам пришлось поспешно убирать свои войска, таявшие под могучими ударами Красной Армии.

Основной и главной причиной краха антисоветской интервенции был военный разгром, учинённый Красной Армией войскам англо-франко-американских империалистов и их белогвардейским прихвостням. Народы Советской России дали захватчикам решительный отпор. Именно военное поражение интервентов было тем важнейшим фактором, на основе которого только и могли сказаться все остальные.

Вражеское вторжение, возглавлявшееся американскими интервентами, вызвало реакцию, обратную той, на которую рассчитывали захватчики. «Истекшие два года показывают нам,— писал В. И. Ленин в конце 1919 г.,— ...укрепление Советской власти под тяжёлыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших объявить войну международному империализму. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили»¹. В какой бы части обширной страны ни появились интервенты, повсюду они наталкивались на упорное сопротивление населения, не желавшего попасть под чужеземное иго. Зверства и насилия, сопровождавшие пребывание американских и англо-французских захватчиков на советской территории, укрепляли ненависть народа к оккупантам.

Красная Армия, созданная Лениным и Сталиным, сумела разбить войска интервентов и белогвардейцев, несмотря на то, что последние были гораздо лучше вооружены и оснащены, обладали более опытными военными кадрами, занимали наиболее богатые

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 133.

продовольствием районы России. «Красная армия победила потому,— указывает товарищ Сталин,— что политика Советской власти, во имя которой воевала Красная армия, была правильной политикой, соответствующей интересам народа, что народ признавал и понимал эту политику, как правильную, как свою собственную политику, и поддерживал её до конца»¹. Советской власти удалось поднять весь тыл, всю страну на службу интересам фронта. Воины Красной Армии ощущали своё единство с народом, признавали правоту дела, за которое они сражались, и в борьбе с врагами проявляли беспримерную самоотверженность и массовый героизм.

Руководящим ядром тыла и фронта Красной Армии, сплотившим массы народов Советской России, мобилизовавшим все силы на разгром врага, была партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным. «Ленин и Сталин,— говорится в краткой биографии Иосифа Виссарионовича Сталина,— руководили делом обороны страны вместе с лучшими деятелями большевистской партии».

«Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин. Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями. Под Царицыном и под Пермью, под Петроградом и против Деникина, на западе против панской Польши и на юге против Врангеля — всюду железная воля и стратегический гений Сталина обеспечивали победу революции. Сталин был воспитателем и руководителем военных комиссаров, без которых, по определению Ленина, не было бы Красной Армии. С именем Сталина связаны самые славные победы нашей Красной Армии»².

Большую помощь Советской республике оказали трудящиеся капиталистических стран. Советская страна не была одинока в борьбе с контрреволюцией и интервенцией.

«В то время как империалисты пытались задушить Советскую республику интервенцией и блокадой, рабочие этих империалистических стран были на стороне Советов и помогали им. Их борьба против капиталистов враждебных Советской республике стран содействовала тому, что империалисты были вынуждены отказаться от интервенции»³.

Победе над интервентами способствовал также и тот факт, что единому и сплочённому лагерю советских народов противостоял лагерь империалистических держав, раздираемый внутренними противоречиями. Немалые разногласия существовали и в правящих кругах каждой из стран этого лагеря. «Если мы победили интервенцию,— подчёркивал В. И. Ленин,— то только потому,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 233.

² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 82—83.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 235.

что их собственные интересы их раскалывали, а нас сплачивали и укрепляли»¹.

Встретив сокрушительный отпор советского народа, испытав, насколько значительно влияние Октябрьской революции, отнявшей солдат у интервентов и зажегшей в их тылу неугасимое пламя ненависти к капитализму, американские империалисты вынуждены были отказаться от вооружённой интервенции. Дальнейшая политика правящих кругов США по отношению к Советской России преследовала цели закабаления молодого Советского государства путём экономического давления, путём его внешнеполитической изоляции и максимального ограничения торговых связей с ним.

Американские империалисты рассчитывали на то, что Советская Россия, разорённая годами империалистической и гражданской войны и интервенции, в конце концов вынуждена будет, — чтобы восстановить народное хозяйство, — пойти в кабалу к долларовым хищникам.

Эти планы отличались полным отсутствием понимания колоссальных сдвигов, которые произошли в России и во всём мире в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Могучие силы свободного народа Советской страны, одолевшего интервентов и белогвардейцев, хватило и на то, чтобы с успехом выполнить трудную задачу восстановления народного хозяйства без помощи иностранного капитала, а затем развернуть невиданное в мире социалистическое переустройство всей экономики страны.

Правительство США и после окончания вооружённой борьбы оставалось на тупой и несостоятельной позиции «непризнания» СССР. К середине 20-х годов СССР, как известно, установил нормальные дипломатические отношения с большинством главных капиталистических стран, вынужденных пойти на это под давлением народов. Из основных держав капиталистического мира лишь Соединённые Штаты Америки на протяжении целых 16 лет отказывались от «признания» Советского правительства, которое было и есть наиболее крепкое, наиболее устойчивое из всех существующих правительств. Эта политика, которой США выделялись даже среди других капиталистических держав, достаточно наглядно показывала подлинную роль этой страны, как ведущей и наиболее последовательной силы антисоветского фронта.

Ведя эту «холодную войну» против СССР, американские империалисты считали своим долгом поддерживать антисоветские силы во всём мире. Именно поэтому оказали они помощь побеждённой в первой мировой войне Германии и содействовали возрождению и огромному усилению её военно-экономической мощи. Стремясь создать в лице капиталистической Германии ударную антисоветскую силу, «американские банки и тресты, действуя в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 385.

полном контакте с правительством, в послеверсальский период вложили в германскую экономику и предоставили Германии кредиты, исчисляемые миллиардами долларов, которые пошли на восстановление и развитие военно-промышленного потенциала Германии»¹.

В короткий срок, опираясь на финансовую поддержку американских монополий, Германия воссоздала мощную военную промышленность, способную производить в огромных количествах первоклассное вооружение, многие тысячи танков, самолётов, артиллерийских орудий, военно-морских кораблей новейшего типа и другие виды вооружения. В дальнейшем эта военная промышленность, созданная благодаря «золотому дождю американских долларов», послужила фундаментом гитлеровской агрессии против ряда стран Европы и, главным образом, против СССР.

Возрождение и обновление тяжёлой промышленности Германии при прямой поддержке правящих кругов США явилось первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии.

Но содействие американских монополий созданию в Европе ударного кулака для антисоветской войны этим не закончилось. Заокеанские империалисты несут также прямую ответственность за установление фашистского господства в Германии. «Гитлеровский режим,— указывается в исторической справке Совинформбюро «Фальсификаторы истории»,— был создан германскими монополистическими кругами с полного одобрения правящего лагеря Англии, Франции и Соединённых Штатов»². Именно вмешательство американских, а также английских и французских империалистов явилось решающим фактором, который положил конец разногласиям в правящем лагере Германии относительно передачи власти Гитлеру и содействовал установлению в Германии власти наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических сил — гитлеровской шайки. Определяющим для правящих кругов США моментом и в этом отношении явилось их стремление получить в лице гитлеризма необходимую силу для сокрушения СССР, а также для решительного подавления грозно нарастающего революционного движения в Германии.

Будучи вынужденными в 1933 г. установить дипломатические отношения с СССР,— ибо мировой экономический кризис 1929—1933 гг., проходивший одновременно с дальнейшим расцветом Советского Союза и успешным выполнением первого пятилетнего плана, до крайности обострил потребность американской промышленности в торговле с СССР и получении оттуда заказов,— правящие круги США отнюдь не отказались от враждебности по отношению к нашей стране. Наряду с империалистами Англии и Франции американские монополисты и правительство США про-

¹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», М. 1948, стр. 9.

² Там же, стр. 8.

водили систематическую политику сговора с германским агрессором, стремясь направить всю силу его удара против Страны Советов. Как известно, именно так называемая мюнхенская политика западных держав, «которая выражалась в отказе от коллективной безопасности, в отказе от отпора немецкой агрессии, в потакании агрессивным требованиям гитлеровской Германии,— привела ко второй мировой войне»¹. Соединённые Штаты являлись одним из вдохновителей мюнхенской политики.

В период мировой войны, до нападения гитлеровской Германии на СССР, США занимали по отношению к Советской стране особо враждебную позицию. Соединённые Штаты были идейным вдохновителем авантюры финских правителей против СССР, приведшей в 1939 г. к советско-финской войне. В период этой войны в США была развёрнута клеветническая антисоветская кампания такой ожесточённости, которая может сравниться лишь с травлей Советской республики в 1918—1920 гг. Но и после создания антигитлеровской коалиции в составе СССР, Англии и США американские империалисты, наравне с их английскими партнёрами, не оставляли попыток осуществления своих преступных замыслов в отношении свободных народов Советского Союза. Всячески оттягивая открытие второго фронта в Европе, они ставили себе целью руками гитлеровских армий максимально ослабить Советскую Армию с тем, чтобы в конце войны продиктовать Советской стране, понесшей огромные потери в результате германского нашествия, свои условия. В то же время до самого конца войны продолжались попытки англо-американских правящих кругов найти общий язык с Гитлером с тем, чтобы объединиться против СССР, для чего велись отдельные переговоры.

Как известно, и эти вероломные расчёты англо-американских империалистов были биты в результате героических побед Советской Армии, вынесшей на своих плечах основную тяжесть борьбы против гитлеровской Германии. Вопреки ожиданиям заокеанских монополистов, Советский Союз вышел из войны не слабее, а наоборот, сильнее и могущественнее, чем был раньше. Военный разгром Советской Армией блока фашистских государств резко изменил соотношение сил между двумя системами — социалистической и капиталистической. Благодаря созданию народных демократий в ряде стран Европы и Азии «мировая капиталистическая система в целом понесла ещё один серьёзный урон»². Неизмеримо возросли международное значение и авторитет СССР.

В международной обстановке в послевоенный период сложилась новая расстановка политических сил. На мировой арене ныне действуют два основных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны.

¹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 13.

² А. А. Жданов, О международном положении, М. 1947, стр. 6.

Основной ведущей силой империалистического лагеря, как и тридцать лет назад, являются Соединённые Штаты Америки. Непонеся во второй мировой войне каких-либо потерь и оказавшись в результате произошедших изменений сильнее других капиталистических держав, США в послевоенный период во много раз усилили свою экспансионистскую политику, держа откровенный курс на установление мирового господства империализма США.

«Политика внешних руководителей США и Англии,— указывает товарищ Сталин,— есть политика агрессии, политика развязывания новой войны»¹.

Разжигая новую мировую войну, заокеанские авантюристы создали так называемый Западный Союз, а затем агрессивный Северо-атлантический пакт, направленный против Советского Союза и стран народной демократии. Пакт этот является ярким выражением политики агрессии, проводимой Соединёнными Штатами Америки.

Для того чтобы осуществить свои авантюристические планы завоевания мирового господства, американские империалисты небрезгуют никакими средствами. Главную ставку они делают на возрождение германского фашизма и японского милитаризма. От подготовки агрессии правящие круги США уже перешли к прямой агрессии, нагло вторгнувшись на китайский остров Тайван, начав кровавую интервенцию против корейского народа.

Американские захватчики в Корее ведут несправедливую захватническую войну, совершая неслыханные зверства, подобные тем, которые они творили на нашей земле в 1918—1920 гг. Изверги в американских мундирах уничтожают города и сёла, истребляют мирное население, не давая пощады даже детям.

Героический корейский народ оказывает мужественное сопротивление американской агрессии, твёрдо веря в свою победу. В своей самоотверженной освободительной борьбе корейский народ не одинок. Плечо к плечу с корейскими патриотами против наглых американских интервентов сражаются китайские добровольцы. На стороне корейского народа — сочувствие и поддержка всех свободолюбивых народов, всех стран демократического лагеря во главе с великим Советским Союзом.

Бредовым планам мирового господства Уолл-стрита не суждено осуществиться. Их ожидает участь, которая постигла соответствующие планы гитлеровских захватчиков. Их ждёт тот же бесславный конец, как и замыслы американских интервентов в период 1918—1920 гг., развеянные в дым советским народом. Американские планы удушения могучего лагеря мира, демократии и социализма обречены на полный и окончательный провал, который будет одновременно крахом самого американского империализма и всей капиталистической системы.

¹ «Правда», 29 октября 1948 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
Глава I. Империализм США — злейший враг Великой Октябрьской Социалистической революции	9
Глава II. Военная интервенция США на Советском Дальнем Востоке	43
Глава III. Военная интервенция США на Советском Севере	86
Глава IV. За кулисами военной интервенции	112
Глава V. Мирные предложения Советского правительства	134
Глава VI. США — организатор и активный участник походов Антанты	145
Глава VII. Борьба в США вокруг антисоветской интервенции	172
Заключение	186

Переплет художника *П. М. Кузаяна*

Редактор *А. М. Филиппов*

Техн. редактор *М. Д. Петрова*

Подписано к печати 29/XI 1951 г. А08195. Тираж 35 тыс. экз. Бумага 60×92¹/₁₆.
Бумажных листов 6. Печатных листов 12. Уч.-изд. листов 12,68. Цена без
переплета 3 р. 40 к. Переплет 60 к. (Номинал по прейскуранту 1952 г.).

Набрано и отматрицировано в Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Москва, Валовая, 28. Заказ № 2571

Отпечатано с матриц в Калужской типографии Росполиграфпрома. Зак. № 102

Цена 4 руб.
(по прейскуранту 1952 г.)

КРАХ АМЕРИКОСОВЕТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ США